

МАРТ 1991

Спортивные Цары

Гандболистки сборной СССР в последний месяц ушедшего года стали чемпионками мира. Приятно напомнить об этом 8 марта, в женский день. Но и мужчину — главного тренера команды Александра Тарасикова — в этот день грех не вспомнить.

Фото Игоря УТКИНА

НАЧАЛО:

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

(Беседа с Вячеславом Колосковым)

В январе 1990 года была создана Федерация футбола СССР. Собственно, Российская федерация футбола существовала с 1912 года. Спустя пять лет после известных событий она прекратила свою деятельность. В первые годы после Октября футболом в стране руководили городские футбольные лиги. С 1923 по 1934 год соревнования организовывались сначала Высшим советом физической культуры РСФСР, затем — Всесоюзным советом физкультуры, при котором в 1934 году была создана Секция футбола СССР.

Именно она в 1946 году вступила в ФИФА, а в середине 50-х годов была преобразована в Федерацию футбола СССР. Однако эта общественная организация являлась своего рода ширмой, прежде всего для ФИФА. На самом деле руководство футболом в стране осуществлялось Госкомспортом СССР. Не секрет также, что наиболее важные решения (изменение структуры проведения чемпионата, снятие и назначение тренеров сборных и т. д.) принимались на Старой площади в Москве в секторе спорта Отдела пропаганды ЦК КПСС.

При подготовке к созданию новой, независимой Федерации выяснилось, что предыдущая так и не принимала — даже формально — Устав, а действовала, вопреки регламенту ФИФА, по постановлениям Госкомспорта, принимаемым, в свою очередь, на основе правительственных постановлений.

Итак, новой Федерации предстояло коренным образом изменить систему управления футболом в стране. В состав Исполкома вошли 48 человек. Штатные работники Управления футбола Госкомспорта стали штатными работниками Федерации.

Уровень самостоятельности новой для нашего спорта организации — основная тема беседы с председателем Федерации футбола СССР Вячеславом Ивановичем КОЛОСКОВЫМ.

— Оглядываясь на первый год существования Федерации, совмести-

вший в себя много событий, в том числе и футбольных, от каких шагов вы бы воздержались?

— С точки зрения обретения истинной самостоятельности за этот год пришлось «перелопатить» столько, сколько, наверное, за десять предыдущих лет не было сделано. Во всяком случае, сейчас ни одно решение, принимаемое Федерацией — ошибочное оно или нет, — ни с кем не было согласовано или скорректировано: ни с Госкомспортом, ни с ЦК КПСС, ни с Советом Министров СССР.

— Полагаете, что теперь в идеологическом плане полностью самостоятельны?

— Абсолютно. Все попытки, например, «выйти», пользуясь старой схемой воздействия, на председателя Госкомспорта (по вопросам судейства, переносов матчей и т. д.) наталкивались на четкую позицию Русака: все решайте с Федерацией.

— И все же. Чего бы вы не сделали, доведись начать первый самостоятельный год сначала?

— Конечно, мы не перенесли бы ни одной игры. Самая главная ошибка, за которую мы себя корим, — переносы матчей. Мы поступили принципом, который сами для себя определили: ни одного переноса.

Надо заметить, что с просьбами о переносах к нам обращались только руководители и тренеры команд. Обосновывали они свои просьбы тем, что необходимо съездить на коммерческие матчи, поскольку в кассах клуба нет денег, не на что содержать команду.

Следующее упущение. Мы, видимо, поторопились с самостоятельностью Ассоциации футбольных арбитров. Убежден, что по отношению к этой организации нужен жесткий и действенный контроль. Мы сказали им: валяйте, мол, действуйте и спрос за судейство будет с вас. Ничего подобного. Спрос как был, так и остался с нас, с Федерации. В этом я убедился на собственном опыте. После некачественного судейства Луни-

ным матча «Динамо» — ЦСКА я минут на 50 оказался один на один с разъяренной толпой человек из восьмидесяти. Прислонился спиной к стене корпуса динамовского стадиона и объяснялся. Ассоциация, говорил, Шкловский... Никто и слушать ничего не хотел. Мы знаем, отвечали, что есть Федерация и ее председатель, с них и спрашиваем, до каких пор будет безобразное судейство?

— Насколько понимаю, примерно также — относительно контроля — стоит вопрос и с судейством в ФИФА, судейский комитет которой самостоятелен и никому не подчиняется?

— Еще в 1986 году, сразу после мексиканского чемпионата мира, мы с президентом Футбольного союза ФРГ Нойбергером составили меморандум о вынесении самых суровых санкций в отношении арбитров, судейство которых повлияло на результат матча. Вплоть до лишения лицензий. И только сейчас, после Италии-90, эта записка принята руководством ФИФА к рассмотрению, результатом которого может стать изменение формы контроля за деятельностью судейского комитета.

— И как же вы намерены поставить под контроль деятельность АФА — самостоятельной организации?

— Пусть она и остается самостоятельной — со своим Уставом, счетами в банке, но — в рамках Федерации. Это не прихоть, а расшифровка одного из пунктов Устава ФИФА, гласящего: все организации по футболу, которые создаются внутри страны, подчинены национальной Федерации.

— Насколько самостоятельны в решениях комитеты Федерации?

— В первый год своей деятельности мы умышленно пошли на предоставление им максимальной самостоятельности.

ФУТБОЛЬНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ НАКОНЕЦ-ТО НИ С КЕМ НЕ СОГЛАСОВЫВАЕТ СВОИ РЕШЕНИЯ

сти. Почему мы иногда шли навстречу предложениям комитета по проведению соревнований, например в вопросах переноса матчей? Только потому, чтобы показать — мы им доверяем. Практика же показала: доверие — доверием, но вся ответственность все равно ложится на Исполком.

— Не было бы лучше, если бы все комитеты возглавляли штатные работники Федерации?

— Ни в коем случае. Дело штатных

— заниматься подготовкой заседания комитета, выдвигаемых вопросов и выполнять принятые решения. Они — исполнители воли комитетов. Рецидивы старой практики, конечно, есть, но мы в корне пресекаем желания подменить работу комитетов.

— Как часто вам приходится бывать у госкомспортивного начальства?

— Весьма редко. В основном только на заседаниях коллегии. Между прочим, это тоже показательно: председатель Федерации является членом коллегии.

— Председатель Федерации или начальник Управления футбола и хоккея Госкомспорта?

— Такой должности больше нет — начальник Управления.

— Как давно? С момента образования новой Федерации?

— Нет, примерно с середины октября 1990 года.

— Выходит, вам больше не надо решать хоккейные дела и подписывать связанные с хоккеем бумаги?

— С этим покончено. Разумеется, по старой памяти заходят ко мне хоккейные люди — Тихонов, Королев, другие, но вопросами я занимаюсь только футбольными.

— Словом, стало легче?

— С точки зрения невмешательства в «наши внутренние дела» — да. Не было ни одного звонка от партийных или же советских работников. Если кто и звонил, так это руководители предприятий, которым принадлежит та или иная команда, — по вопросам, связанным с переносами матчей. По судейству, например, мне в течение года не звонили ни разу. Раньше телефонная трубка накалялась после каждого тура.

— Оттого, что вам не звонят, судейство, замечу, лучше не стало.

— Согласен. Именно поэтому и намерены мы в 1991 году основательно контролировать работу АФА.

— Как складываются взаимоотношения всесоюзной Федерации с региональными?

— По-моему, на местах люди поняли, что и им предоставляется полная самостоятельность в решениях. Во всяком случае, давления с нашей стороны нет никакого. Мы хотим добиться того, чтобы основная работа велась в республиках, а Федерация футбола СССР стала бы координатором, отвечающим за проведение соревнований в высшей, первой и в так называемых буферных лигах, а также за сборные страны.

— Полагаю, что в ближайшем будущем нам удастся подписать соглашение с республиканскими федерациями, в котором четко будут распределены права и обязанности каждой стороны.

— Литовская и грузинская федерации подпишут этот документ?

— Скорее всего, нет. Но Латвия и Эстония не намерены отходить от сотрудничества с нами — в футбольном, во всяком случае, плане.

— Судя по имеющейся у меня информации, осенью 1990 года вы отправили письмо Президенту СССР Горбачеву. О чем говорилось в этом письме?

— Я проинформировал Президента о ситуации, сложившейся с футболом в Литве и Грузии, поскольку считаю, что Президент должен знать о том, насколько глубоко проникли политики в этих республиках в самый популярный вид спорта.

— Вы настаиваете, что выход Грузии и Литвы из всесоюзных соревнований — политическое решение?

— Убежден в этом. Почему, например, грузинские спортсмены продолжали в 1990 году участвовать в чемпионатах СССР по всем видам спорта, представлять нашу страну в сборных кроме футбола? Только потому, что на суперпопулярную игру сделали ставку грузинские политики, которых совершенно не интересовало мнение по этому поводу тренеров, футболистов, ветеранов футбола Грузии. Своих целей, кстати, они, возможно, добились, но футбол в республике зачах.

— Ваш прогноз: сохранится ли, скажем, до 1994 года команда под названием «сборная Советского Союза»?

— Думаю, что да, сохранится. На чем основана моя уверенность. Прежде всего на вполне определенных заявлениях государственных лидеров двух крупнейших наших республик — России и Украины, считающих, что республики должны быть самостоятельными, суверенными и прочее, но — в рамках Союза. Украина же и Россия — традиционные поставщики игроков во все наши сборные.

— Полагаю, что сохранится сам Союз — в той или иной форме, а раз так, то у Союза будет и футбольная сборная.

— А после 1994 года?

— Так далеко заглядывать не рискнул бы.

— Не придется ли вам в качестве вице-президента ФИФА участвовать в

приеме в эту организацию таких, положим, новых членов, как Литва, Грузия, Украина, Белоруссия?..

— Видите ли, процесс этот исключительно долгий. Предположим, Литва стала самостоятельным государством, выполнив, замечу, все требования Закона о выходе из Советского Союза, рассчитанные по меньшей мере на пять лет. Верховный совет признал эту самостоятельность, признали ее и другие государства. Но это не значит, что Литва на следующий день после подобного признания станет членом ФИФА. Нет, предстоит длительная процедура: заявка, рассмотрение на комиссии, выводы комиссии, рассмотрение на Исполкоме и только после этого вынесение вопроса на конгресс ФИФА...

— Как обстоит дело с финансовой самостоятельностью Федерации?

— У нас свои счета в банках — валютный и рублевый, мы зарегистрированы как организация, имеющая право на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, владеем мы и собственным печатным органом...

— Какой Федерации «захватила» в полном соответствии с тактикой «революционной борьбы»...

— Не захватила, а создала: мы являемся единственными учредителями еженедельника «Футбол».

— Ни в одной стране мира у Федерации футбола нет своего печатного органа в том смысле, как мы его понимаем, — рупора. В лучшем случае только информационные бюллетени. Но это так, к слову.

— Из чего же складываются доходы Федерации?

Фото Игоря УТКИНА

— С валютой у нас проблем нет. Основные ее поступления — от участия сборной в чемпионате мира: после подсчетов выяснилось, что мы заработали за Италию-90 свыше миллиона швейцарских франков.

С рублями — сложности. Зарабатываем их только с помощью первой сборной, а это немного — 320 тысяч рублей за год. Расходы же — свыше трех миллионов.

С января 1991 года надеемся добиться и рублевой самостоятельности. Во-первых, еженедельник, рассчитываем, принесет нам не менее двух миллионов. Во-вторых, сборная проведет решающие отборочные матчи чемпионата Европы — с венграми и итальянцами — в Советском Союзе, в-третьих, не исключено появление у Федерации мощного советского спонсора. И, наконец, намерены мы, как это сделано во всех странах, упорядочить свои отношения с телевидением: подпишем соглашения с заинтересованными клубами, а уж от их имени — контракт с телевидением на право продажи трансляции матчей чемпионата страны. Разумеется, часть доходов от реализации этого контракта пойдет в кассу клубов.

Между прочим, и с валютой в 1991 году станет сложнее. Федерация в числе прочих самостоятельных организаций обязана будет подчиниться Указу Президента «Об особом порядке использования валютных ресурсов в 1991 году» и продавать в обязательном порядке Внешэкономбанку СССР как минимум 40 процентов валютной выручки. Впрочем, для нас это станет дополнительным «рублевым источником», а уж валюту, как ни странно, нам заработать проще — маркетинг, продажа телевизионных прав на сборную, прав на использование символики и т. д.

— Как строятся взаимоотношения Федерации с клубами?

— Они значительно упростились по сравнению с прежними временами. Раньше, к примеру, требовалось пять заявок на участие в чемпионате, сейчас — одна, подписанная президентом клуба и руководителем региональной федерации. Мы перестали навязывать командам и тренерам методические указания, полностью, повторяю, полностью ликвидировали всю отчетную документацию, на составление которой требовалось значительное время...

— И которая зачастую была полной «липой»...

— Да, особенно когда дело касалось выполнения требований по нагрузкам. Кроме того, мы перестали проводить в командах так называемые комплексные проверки. Дело тренеров — тренировать. И не Федерации решать, правильно они это делают или неправильно. У клубов есть руководство, правление, спонсоры, выплачивающие значительные суммы денег. Вот пусть они и определяют, какой тренер им нужен.

Добавлю, что все взаимоотношения с клубами строятся на юридической основе.

— Включает ли она в себя финан-

совые отчисления клубов в пользу Федерации?

— По нескольким позициям. Во-первых, клубы платят заявочные взносы перед каждым чемпионатом. Деньги эти идут на проведение соревнований. Во-вторых, если клуб с нашей помощью выехал за рубеж для проведения коммерческих матчей, то он делится доходом с нами. В-третьих, клубы обязаны платить Федерации определенный процент с контракта, по которому игрок сборной СССР, подчеркиваю, только игрок сборной, начинает выступать в зарубежном клубе. Нам он потом достаточно дорого обходится: мы финансируем его перемещение из страны в страну, сохраняем суточные. Подобная практика, между прочим, существует во всех странах: за трансфер игроков сборной Федерация имеет свой процент. И во всех странах, в том числе и у нас, ни один футболист не сможет уехать за рубеж, если не получит разрешения на это от Федерации.

— Но, насколько я знаю, только у нас действуют возрастные ограничения — «правило 28»...

— Оно, хочу уточнить, распространяется лишь на игроков сборной СССР, но мы не встаем непреодолимым препятствием на пути игрока, желающего выступать на Западе и получившего персональное приглашение. Да, мы добились того, что соблюдаются все необходимые формальности — согласие клуба, региональной федерации (без их согласия и обсуждать возможность отъезда не будем), да, мы обсуждаем все заявления о трансфере на исполкоме Федерации, консультируемся с главным тренером сборной, но ни один пока футболист не может пожаловаться, что ему Федерация не разрешила. Протасов, Юрий Савичев, Добровольский — тому пример: ни одному из них не исполнилось 28 лет.

Что же касается формального ограничения, то я специально консультировался по этому поводу с генеральным секретарем ФИФА Блаттером, и он пояснил, что в целях защиты интересов зрителей национальная Федерация имеет право устанавливать любые ограничения, в том числе и возрастные.

— Я уважаю точку зрения господина Блаттера, но полагаю, что подобные ограничения непосредственно нарушают права человека. Особенно мы почувствуем это после введения Закона о въезде и выезде.

— Насчет прав человека не могу с вами согласиться, потому что и о правах зрителей, желающих получить хорошее зрелище, беспокоиться тоже следует. Что же касается Закона, то я целиком и полностью его поддерживаю, и пусть едут все, кто пожелает. Только вот футболисты смогут работать на Западе по профессии после разрешения Федерации. Это — международная практика.

— Ваше личное отношение к массовому отъезду советских футболистов в западноевропейские клубы.

— Оно все же негативное. Прежде всего потому, что из-за отъезда звезд, что бы там ни говорили, мы теряем зрителя на трибунах. На стадион люди идут

в основном для того, чтобы увидеть игру выдающихся футболистов. На мой взгляд, даже напряженная игра при посредственном исполнении не захватывает публику так, как индивидуальные действия звезд.

В то же время, как профессионал, я прекрасно понимаю, что отъезды — процесс необратимый, игрокам перед окончанием карьеры надо дать возможность хорошо заработать и исходить следует из интересов футболистов.

— Журнал «Спортивные игры» не раз обращался к теме посещаемости стадионов, которую вы упомянули в ответе на предыдущий вопрос. Федерацию заботит проблема посещаемости?

— Я мог бы ответить, что нас это не касается, и формально был бы прав. Действительно, прямых доходов от зрителей мы не имеем. Но дело как раз не в деньгах. Мы несем чисто моральную ответственность за посещаемость. Хотя, надо сказать, клубы, по моим наблюдениям, все меньше и меньше беспокоит угрожающая ситуация, связанная с отсутствием зрителей на трибунах.

Дело в том, что если раньше зарплата и премиальные футболистов и тренеров напрямую зависели от посещаемости, то сейчас им гарантировано весьма безбедное существование за счет многочисленных спонсоров и хозяйственно-коммерческой деятельности. Практически все клубы, за исключением, пожалуй, «Спартак» и киевского «Динамо», серьезно за зрителя не борются.

Впрочем, все это до поры до времени. Настанет момент, когда и спонсорам станет невыгодно финансировать убыточные команды, на матчи которых не ходят зрители. Сейчас мы наблюдаем взрыв спонсорской активности. Когда выгоды спонсоров и клубов перестанут совпадать, спонсоры уйдут. У них все-таки больше возможностей для бизнеса, чем у влачащего существование клуба.

— Насчет безбедности... В 1990 году в недрах второй лиги возникло уникальное, на мой взгляд, явление для нашего футбола. Была принадлежавшая таксомоторному парку скромная команда «Красная Пресня», известная тем, что время от времени поставляла способных игроков московскому «Спартаку», в частности Родионова, Мостового, да и Романцев как тренер сформировался на Пресне. И вот появляется иракский мульти-миллионер, президент советско-британской фирмы Аль-Халиди, покупает команду, называет ее именем своей фирмы — «Асмарал» и выводит ее, собрав достаточное количество опытных игроков, с 19-го на 1-е место в зоне. В прессе проскочили любопытные цифры: каждый игрок «Асмарала» гарантированно получает в месяц до четырех тысяч рублей, а если учесть премиальные за голы, голевые передачи, надежную

(Окончание на стр. 29)

«СПАРТАК» — НЕ ТОРГОВЫЙ ДОМ!»

Воистину — пути журналистские неисповедимы...

Волею обстоятельств я действовал, тщательно «замаскировавшись». Сначала подъехал по адресу — Коптевский переулок, 18 — к двухэтажному особняку, где размещается офис футбольного клуба «Спартак». Попал на переговоры между крупным американским бизнесменом и председателем клуба. Таким образом увидел Юрия Александровича ШЛЯПИНА в деле — без прикрас, без показухи. Мог сравнить уровень его компетенции, оперативности, предприимчивости, ибо схожие переговоры американец провел и в других спортивных клубах.

А спустя месяц явился к Шляпину как журналист.

— Юрий Александрович, удивило вас появление делового человека из Штатов? Из страны далекой в буквальном и в футбольном смысле, там этот вид называется «соккер» и по популярности попросту не котируется. Причем появление бизнесмена носило, как и подобает, сугубо предметный характер.

— Ничуть не удивил тот визит. Фирма из разных стран, разного калибра — гости у нас частые и желанные. Не бывает недели, чтобы в моем просторном кабинете не происходила кака-либо встреча — знакомство, предварительное обсуждение проекта, подписание протокола о намерениях, наконец, подписание контракта.

От чего такой наплыв потенциальных партнеров по бизнесу? Популярность московского «Спартака» тому виной. Фирмачи, как известно, не благодетели, хорошо умеют считать деньги; в той или иной форме за счет сотрудничества с нами они стремятся выйти на рынок в Союзе и даже за рубежом.

— На поверку бизнес оказывается делом ох каким непростым. От идеи до воплощения дистанция наподобие стипль-чеза... Каков к.п.д. подобных встреч в спартаковском офисе?

— Может, и обижу кого-нибудь... Достаточно было контактов, чтобы прийти к малозаметному выводу — многие фирмачи являются сюда не столько сотрудничать, сколько подзаработать на популярности «Спартака». Бизнес взаимовыгодным должен быть. Это — аксиома. Кое-кто из наших гостей или забывает об этом, или держит, простите, нас за дураков. В общем, хватает несolidных партнеров, которые парт-

нерами в итоге не становятся. Нам приходится держать ухо востро.

Не надо никого идеализировать. Западников тоже. Таких вот неприятных накладок было с представителями европейских фирм много. Застревали на стадии переговоров, составления протоколов о намерениях. Хорошо, до контрактов не доходило.

Так что к.п.д., о котором вы спрашиваете, пока что невысок. Замечу только, что в области бизнеса и не бывает, чтобы каждое предложение претворялось в жизнь.

— А на вас, как на бизнесменов, как на фирму, поступают «рекламации»?

— Пожалуй, нет. Если уж нами подписан контракт, стараемся выполнять каждую его буквочку. Пример? Пожалуйста. С южнокорейской фирмой «Джинда», которая была нашим спонсором, мы все договорные обязательства выполняли скрупулезно. Не просто игроки надевали футболки с символикой фирмы — на их финансовые вложения клуб отвечал взаимностью: приглашал на стажировку южнокорейских футболистов, тренеров, совершал турне по Южной Корее и т. д.

Сейчас, к примеру, мы заняты проработкой взаимовыгодного сотрудничества с японцами...

— «Спартак» — это звучит гордо! Ну а как это звучит для вас, отвечающего за материальное благополучие популярнейшей футбольной команды? Ваше хозяйство с высоты птичьего полета?

— Мы недостаточно богаты. Ни в рублях, ни в валюте. Это — однозначно. Небогаты — еще мягко сказано. Финансовое положение клуба таково, что ни успокоиться, ни почитать на лаврах не приходится. Мы, сотрудники клуба, находимся как бы в тисках постоянного прессинга. Это отнюдь не означает, что мы трудимся малоэффективно. Причин такой напряженности несколько.

Прежде всего — с каждым годом содержание футбольной команды обходится все дороже. Такова окружающая нас реальность, где цены растут и растут жуткими темпами. Но, понятно, то же самое скажут и руководители других профессиональных клубов.

Поэтому перейдем к чисто спартаковским проблемам.

Кроме этого небольшого здания, где мы с вами беседуем, «Спартаку» ничего не... принадлежит. Ничегошеньки! Все остальное принадлежит профсоюзам. И мы вынуждены все необходимое арен-

довать, на что тратится уйма средств. Вот главная причина того, что спартаковскому клубу к концу сезона, подбив все бабки, очень непросто свести концы с концами, имея положительный финансовый баланс. Ну что говорить, если «Спартак» — единственная в Москве команда, не имеющая своего стадиона.

Мы добиваемся покупки загородной базы в Тарасовке. Хлопочем о резервировании места в черте города для спартаковского стадиона. Хлопочем о жилом доме для футбольного клуба. Готовы вложить деньги в строительство гостиницы, в хозяйственную сферу.

Не сказал бы, что на нашем пути зажигается только зеленый свет, но получили «добро» по нескольким стержневым позициям. Поддержку Моссовета ощущаем, грех жаловаться. В частности, по строительству стадиона. Теперь важно избежать того, что кругом встречается в изобилии, — когда слово расходуется с делом.

— Извините, перебыю, Юрий Александрович. Стадион. Это же машина. Стоит ли, реально ли ввязываться в такую затею?

— Возражу вам. Не так уж это нереально, как может показаться. Подключить сюда западные фирмы — солидные, разумеется, отдав им впоследствии помещения под их офисы, использовать материальную поддержку советских предприятий и организаций, готовых стать спонсорами, наконец, миллионный болельщический порыв использовать... Стадион «Спартак» тысяч на 40—50, современный и красивый, вполне может появиться и не быть при этом вариантом долгостроя. Ну а о том, насколько это поправит потом финансовое состояние клуба, о том, сколько приятных эмоций испытают любители футбола, как-то и говорить излишне.

— Кто они, ваши помощники? Штат вашего клуба?

— Всего семь человек: бухгалтерия, экономист, хозяйственник, секретарь, председатель. В принципе — достаточно. Пока во всяком случае. А существуем мы как профессиональный футбольный клуб с марта 89-го. Для бизнеса это очень малый срок.

— У вас, наверное, как и у старшего тренера, период межсезонья означает подведение годового итога и наметки на ближайшее будущее. Так ведь?

— Согласен. У команды задача добиться результата, повышать свой рейтинг, а наша — обеспечивать ее

финансовое и прочее благополучие. Быть в плюсе. Сегодня расходы на команду составили порядка 2 миллионов рублей: аренда базы в Тарасовке, помощь футбольной школе, разъезды... Финансовые запросы команды выполнены полностью. И доходы несколько превысили расходную часть.

— Однако, конечно же, проблем куда больше, чем достижений. Выпуск спартаковской атрибутики, то, что уже освоено, это хорошо, да мелкомасштабно. Функционировать за счет спонсорской деятельности — ну кто откажется? Есть «но»: это не очень-то надежно, только уповать на такой путь несерьезно. Более всего меня заботит то, что не раскрыт маховик финансового механизма по-настоящему: заработанные деньги, пусть пока и не шибко большие, надо же во что-то вкладывать, получать дополнительную прибыль, делать новые вложения в выгодные проекты... Закон бизнеса: должно быть движение ценных бумаг. Увы, пока что — полный штиль. Очень хотелось бы вложить средства в какую-нибудь производственную базу, которая бы впоследствии приносила ощутимые дивиденды. Например, спортивная одежда, что-нибудь ходкое да со спартаковской символикой.

— Слышал, что «Спартак» заимел нового спонсора? Чем это было вызвано?

— Ну причина весьма прозаическая: существенно более выгодные условия для спартаковского клуба. С «Джиндой» мы расстались по-хорошему, без взаимных претензий.

Французская фирма «Юнипак» пригрела нас. Ее владелец Мирко Шишович, югослав по национальности (сам в молодости играл в футбол), влюблен-

ный, представьте, в московский «Спартак». Просто живет интересами нашей команды. Уже стал как бы полноправным спартаковцем. Его кредо: «Пусть я сегодня трачу деньги, но завтра на фантастической популярности «Спартак» все равно заработаю!».

Найти солидного спонсора, да еще вкладывающего душу в общее дело, — редкая удача. Тут заслуга Романцева. Олег Иванович нашел Шишовича.

Шишович — коммерсант, финансист. Мирко, пожалуй, не миллионер, но когда имеет деловые встречи и заявляет — «За мной стоит «Спартак» — это действует почти магически, открывая многие двери. И не только, скажу, в Союзе. Все-таки «Спартак» знают в Европе. Знают, котируют киевское «Динамо» и московский «Спартак».

— У клуба есть принципиальная договоренность с Шишовичем о вложении средств в производство ориентировочно к середине 91-го года.

— **Профессионализация футбола зиждется безусловно на финансовой деятельности, поставленной на современный лад. И в этом ракурсе любопытно сопоставить хотя бы в общих чертах два наиболее котируемых в Европе советских клубов — «Динамо» (Киев) и «Спартак» (Москва). Чисто футбольных сравнений было хоть отбавляй...**

— Начнем с того, что рейтинг киевлян выше. Выше. Дважды выигранный Кубок обладателей кубков. Подавляющее представительство в сборной СССР, которая стала серебряным призером чемпионата Европы 1988 года; благо Лобановский совмещение должностей использовал на треста процентов. Конечно, это значительно повысило акции ведущих игроков «Динамо».

Кроме того, как понимаю, Лобановский умело вел переговоры по трансферным сделкам, держа марку своей фирмы и не соглашаясь порой на первое, что предлагала заинтересованная сторона. И как следствие — киевлянам удалось несколько весьма удачных трансферных сделок. Что пополнило казну клуба, полагаю, ощутимо.

Я бы рискнул утверждать, что в целом и наша репутация достаточно высока. У «Спартак» нет пока таких достижений, как у киевлян, зато мы постоянно держимся на высоком уровне, у нас меньше перепадов в чемпионате Союза. Однако в области трансфера игроков нам, увы, похвастаться нечем. Только контракт Рината Дасаева принес в клубную копилку весомую лепту.

И тут принципиальное отличие между нами и киевлянами. Они действуют напрямую, не знаю в деталях, но их путь к получению законных дивидендов гораздо короче, значит, и проще, и выгодней нашего. Мы же... На этот сладкий пирог очень уж много претендентов, особой скромностью не отличающихся. Госкомспорт СССР. «Совинтерспорт». Федерация футбола СССР. Другие организации... Все непрочь затребовать долю, причем отнюдь не мизерную.

Так что на сегодня финансовое положение киевского «Динамо» и московского «Спартак» нельзя даже сравнивать. Разнятся стартовые площадки — разнятся и полет.

— **Остается, видимо, лишь по-хорошему позавидовать вашему извечному конкуренту на зеленом**

(Окончание на стр. 30)

ДОЗА ТОЧНОСТИ, ДОЗА ОТКРОВЕННОСТИ

Владимир ПАХОМОВ

Тема разгона футбольной команды ЦДСА в 1952 году, после Олимпиады в Хельсинки, по-прежнему интересна читателям, которые продолжают присылать письма с откликами на опубликованную в 1988 году нашим журналом документальную повесть «Точка разрыва». Появились и другие публикации в прессе, связанные с событиями почти сорокалетней давности.

Надо сказать, что и тогда, в начале 50-х годов, достаточно широко были известны причины, приведшие к расформированию славной армейской дружины. Писатель Варлам Шаламов, прошедший в сталинских лагерях в общей сложности двадцать один год, в одном из своих рассказов — «Путешествие на Олу» — размышляет во время описания матча футболистов, который он видел в Магадане в те времена: «Не знаю, были ли среди участников жертвы знаменитой сталинской расправы с футболистами. Сталин вмешивался не только в литературу, в музыку, но и в футбол. Команду ЦСКА, лучшую команду страны, чемпиона тех лет, разогнали в 1952 году после проигрыша на Олимпиаде. И команда эта никогда не воскресла. Среди участников магаданского матча тех игроков не должно было быть».

Читал в нескольких апрельских номерах «Советского спорта» заметки А. Галинского «Тайна команды лейтенантов» и нахлынули воспоминания. Не могу забыть великодушную в первые послевоенные годы армейскую команду, незаслуженно расформированную в 52-м году. Многие ее игроки стали моими добрыми знакомыми, правда, когда они уже покинули футбольное поле. Довелось познакомиться и с их выдающимся тренером Б. Аркадьевым, а с легендарным В. Бобровым меня связывали, и я горжусь этим, долгие годы дружбы. Быть может, поэтому всякое,

что пишется о команде лейтенантов, читаю с особым вниманием.

А. Галинский пишет: «Мои погодки хорошо помнят, что одновременно с расформированием команды ЦДКА Министерство Вооруженных Сил СССР ликвидировало большое число штатных спортивных команд — не только футбольных! — и в Москве, и в остальных военных округах. Говорили, что тогдашний министр Вооруженных Сил А. М. Василевский был ярким противником профессионального армейского спорта, предпочитая ему массовую физкультуру и спорт. После смерти Сталина Министерство Вооруженных Сил СССР было названо Министерством обороны СССР и его возглавил Н. А. Булганин, у которого, видимо, была другая точка зрения на этот вопрос, поскольку тотчас же началось повсеместное восстановление армейских штатных команд».

К сожалению, некоторые факты в этом абзаце изложены неверно. Министерство Вооруженных Сил СССР никогда не переименовывалось в Министерство обороны. 25 февраля 1950 г. Министерство Вооруженных Сил СССР было разделено на два министерства — Военное и Военно-Морское. 15 марта 1953 г. они были объединены в Министерство обороны, которое возглавил Н. А. Булганин.

Так что Министерство Вооруженных Сил СССР никак не могло быть причастным к расформированию в августе 1952 г. команды ЦДСА. Но, быть может, здесь налицо описка и автор записок, сообщая о ликвидации большого числа штатных армейских команд, имеет в виду Военное министерство, одно из двух возникших вместо Министерства Вооруженных Сил СССР? Но все дело в том, что одновременно с расформированием команды ЦДСА ее участь не постигла ни одну из армейских команд ни по какому виду спорта. После августа того же 52-го года чемпионами СССР стали баскетболисты, ватерполисты и волейболисты ВВС.

Таблицы футбольного чемпионата СССР напоминают, что глубокой осенью все того же 52-го года шестой финишировала команда города Калинина, которую сегодня мы назвали бы командой СКА МВО (Калинин), как это принято нынче говорить по отношению к выступающим в первой лиге калининским, а с недавнего времени тверским хоккеистам. Одинадцатыми были футболисты ВВС.

Никаких перемен после роспуска в августе 52-го года ЦДСА не наблюдалось и в классе «Б». 16-е место в итоге заняла команда Дома офицеров (Ташкент), ее одноклубники из Киева были на 14-м месте, из Свердловска — на 12-м. Первую пятерку замкнула команда ВМС, базировавшаяся вначале в Москве, а затем по решению Управления боевой и физической подготовки Военно-Морского министерства — в Ленинграде. Наконец, 3-е место, дававшее по положению о первенстве СССР 1952 г. право играть в следующем сезоне в классе «А», заняла команда Дома офицеров (Тбилиси).

После того как Н. А. Булганин стал министром обороны, повсеместного восстановления армейских штатных команд не могло произойти, ибо к этому времени никто их, за исключением ЦДСА, из классов «А» и «Б» не исключал. Не соответствует действительности утверждение автора заметок, что команда Центрального Дома Советской Армии была восстановлена, едва умер Сталин. Его не стало 5 марта 1953 г., а команда ЦДСА появилась перед болельщиками весной 1954 г., отсутствовал в итоге два сезона, включая и соревнования, состоявшиеся в год смерти И. Сталина, — чемпионат и розыгрыш Кубка СССР.

Как раз по приказу Н. А. Булганина в один отнюдь не прекрасный майский день 1953 г. перестали существовать в классах «А» и «Б» армейские футболь-

ные команды мастеров. В некоторых случаях вместо представителей военных округов в миг появились профсоюзные команды (скажем, ташкентский и тбилисский Дома офицеров переименовали в обоих случаях в «Спартак», а в Свердловске на смену Дому офицеров пришел «Авангард», сохранивший армейский состав). Игроки команды МВО, составленной из бывших футболистов ЦДСА, города Калинина, ВВС и ВМС, были моментально разобраны едва ли не всеми клубами класса «А». Солидное пополнение пришло, например, в московский «Спартак», к его землякам динамовцам.

До мая 1953 г. случилась история с расформированием еще одной команды класса «А», но к этому факту никто из руководителей военного ведомства страны непричастен. Речь идет о представителях ВВС, которые в командных видах спорта были предметом особых забот командующего авиацией Московского военного округа В. И. Сталина. Но после того как его в августе 1952 г. отец освободил от должности, никто в руководстве ВВС СССР или ВВС МВО не был столь горячим, а порой и просто одержимым поклонником спорта, спортсменов, отдельных команд, как В. Сталин. В. Бобров как-то рассказывал мне о своеобразной поговорке, появившейся тогда в спортклубе летчиков в связи со сменой их куратора — «пришел Судец — всем конец», это имелся в виду будущий маршал авиации В. А. Судец, далекий от интересов больших спортсменов из команд мастеров. Не случайно ранней весной 1953 г. футбольная команда ВВС, пригласившая к тому времени в состав некоторых известных бывших футболистов ЦДКА, была расформирована. Примерно в одно время с ней не стало команд ВВС по волейболу, водному поло, баскетболу, мотоциклетному, велосипедному и конному спорту, хоккею. Правда, хоккеисты ВВС успели победить в чемпионате СССР 1953 г., но он завершился в январе.

Не могу согласиться с А. Галинским, считающим, что роспуск команды ЦДСА, нанесший серьезный ущерб советскому футболу, не явился трагедией в прямом смысле, поскольку все участники матча, проигранного сборной Югославии, остались живы, здоровы, никого из них не арестовывали, не ссылали, не вызывали на допросы, цэдэковцы, мол, продолжали играть в других командах.

А по-моему, расформирование команды все же было трагедией и для игроков и для тренера ЦДСА. Куда ни шло, если речь шла бы о команде, в силу причин разваливающейся и уже ни на что не способной. Но ЦДСА в 1952 г. — это хорошо подготовленный коллектив, владевший Кубком СССР, реально готовый шестой раз стать чемпионом страны. Армейцы без игроков, приглашенных в сборную СССР, и без своего главного тренера в том году заняли первое место в турнире сильнейших команд страны, который состоялся перед чемпионатом страны, проведенным в один

круг. О профессиональном статусе футболистов в то время, конечно, никто не думал. Но для подавляющего большинства тогдашних игроков ЦДСА, если не для всех, футбол был средством существования. Один из них — Ю. Ныркков недавно в числе причин, заставлявших армейцев успешно выступать, назвал мне материальный стимул, о чем не то что писать, а говорить вслух десятилетиями было не принято. «Нам хорошо платили, если мы выигрывали», — заметил генерал в отставку. Нетрудно представить, каково стало футболистам, привыкшим побеждать, когда их лишили тогдашнего занятия в жизни — играть в футбол.

Трагедией, на мой взгляд, стало для некоторых игроков сборной СССР и тренера лишение их высоких спортивных званий, а для Ю. Ныркова, А. Водягина, М. Родина, А. Гринина, В. Николаева, Б. Коверзнева и В. Демина, трагедией явилось и то, что их никогда не упоминали в отчетах о выступлениях за команду г. Калинина, куда они были вынуждены перейти. Хотя большинство из них сыграли в ее составе, придя из ЦДСА, по 3—4 матча, их не упоминали даже, если речь шла о забитых мячах. Скажем, точно послал мяч в ворота соперников В. Николаев, а в газетах на следующий день об этом эпизоде писали, что гол забила команда г. Калинина или — одна из атак команды г. Калинина закончилась голом.

Каково было А. Гринину и его партнерам с их звонкими фамилиями, забивавшими голы прилюдно, при тысячах зрителей, а на следующий день газеты именно об этих голах молчали. Конечно, бывшие футболисты репрессированной команды могли ожидать и худшего, чем исчезновения своих имен из газет.

Действительно, никого из футболистов опальной команды не арестовали, не ссылали, не вызывали на допросы, но они, как говорится, висели на волоске.

Думается, применить к Б. Аркадьеву и его питомцам более строгие санкции, чем разгон команды — чемпиона СССР и снятие спортивных званий, замалчивание фамилий некоторых игроков просто-напросто не успели. Команда, проигравшая футболистам из страны, где «правила клика Тито», отошла на задний план. Не до нее стало! Шла подготовка к XIX съезду партии, проводившемуся спустя 13 лет после предыдущего. Потом состоялся сам съезд. Насколько теперь стало известно, в немилость к И. В. Сталину тем временем попали даже В. М. Молотов и А. И. Микоян. На смену привычному Политбюро пришел Президиум ЦК партии в составе 36(!) человек. Затем возникло «дело врачей». Умер Сталин, началась борьба за власть в самых верхних эшелонах партийного и государственного руководства, наконец, арест Л. П. Берии.

Согласен с А. Галинским — подлинная история расформирования армейской команды еще ждет своих исследователей. Но меня не удивляет, что приказ о расформировании штатной воен-

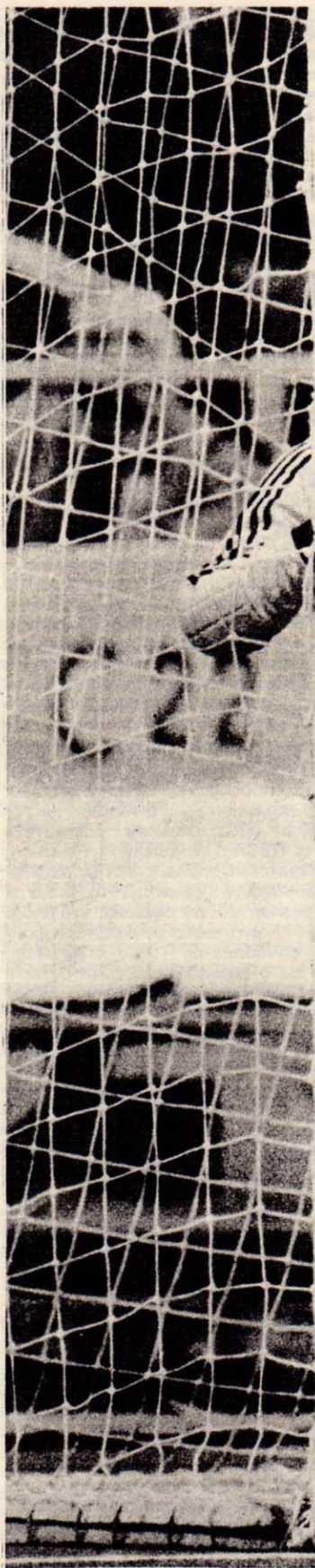
ной команды был официально отдан цивильным спортивным учреждениям. В данном случае это учреждение, а точнее человек, поставивший подпись под приказом о разгоне ЦДСА, были пешками в политической игре.

Уж если И. В. Сталин мог прийти в бешенство, узнав об относительных неудачах советских спортсменов на международной арене (скажем, он рассвирепел после того, как на чемпионате Европы 1947 г. по классической борьбе советские атлеты заняли 2-е место в командном зачете, победив в трех самых тяжелых категориях, то нетрудно представить его реакцию на поражение футболистов от сборной Югославии, страны, на руководителей которой во главе с Тито был тогда обращен весь сталинский гнев (как тут не вспомнить фразу, однажды услышанную Б. Аркадьевым и запомнившуюся ему на всю жизнь).

И. Сталин сам за свою жизнь никогда не подписал ни одного приговора ни одному из своих политических противников. Так зачем же ему лично было наказывать провинившихся, на его взгляд, футболистов и тренера? Под рукой были Г. Маленков и Л. Берия, наверняка раскалившие ярость вождя. Делом техники было для них обязать цивильное спортивное учреждение расформировать штатную военную команду.

В своей книге «Трудные дороги к Олимпу» Н. Романов вспоминает, как ему вскоре после окончания Олимпийских игр позвонил Г. Маленков с настоятельным предложением распустить команду ЦДСА. Поскольку Н. Романов, если верить ему, предложил не распустить армейскую команду, то было в очень резкой форме сказано, что он не понимает всей ответственности за проигрыш футболистов на Олимпиаде. «Если вы отказываетесь сами решать этот вопрос, то он все равно будет решен, но уже без вас» — это слова Г. Маленкова. По-моему, прочитав подобное, нет нужды задаваться вопросом, кто же разогнал команду ЦДСА.

И последнее. О письме И. Сталина игрокам нашей команды накануне повторной встречи с югославской сборной. При личных встречах, а мы с А. Галинским знаем друг друга уже более 30 лет, Аркадий Романович уверяет меня, что такого письма не было, ссылается на свои очень уважаемые источники. А я, наоборот, много слышал, как получили сталинское послание в нашей делегации, как его читали, какова была последующая реакция футболистов. Довольно подробно этот эпизод из жизни наших олимпийцев на играх 52-го года описан Н. Романовым в упомянутой мной его книге. Вскоре после ее выхода я звонил Николаю Николаевичу, и он прямо мне сказал, что речь шла о сталинском тексте, примерно двухстраничном. В нем подчеркивалось, какое значение имеет повторный матч с югославскими футболистами. Н. Романов не скрывал, что письмо готовилось в Москве. «Специалистами», — добавил он мне в телефонную трубку после небольшой паузы.

«И НИКОГДА

НИКОМУ

НЕ ЗАВИДОВАЛ...»

Последние два сезона Станислав ЧЕРЧЕСОВ и у болельщиков, и у прессы на виду: второй год подряд страж ворот московского «Спартака» признается лучшим голкипером страны. Интервью с ним чуть ли не каждый месяц появляются то в одном, то в другом издании. По моим наблюдениям, в глазах публики сформировался «имидж» Черчесова — лихого джигита, рыцаря без страха и упрека, человека, уверенно и в общем-то без особых проблем идущего по жизни... И как бы за скобками остался другой — смею думать — настоящий Черчесов: предельно самокритичный, рассчитывающий каждый шаг, анализирующий малейший свой промах. И еще — интересный собеседник, со своим, нестандартным, взглядом на футбол.

Разговор наш шел на «ты», и, когда уже был выключен диктофон, Станислав попросил: «Давай об одном договоримся: ничего в интервью не «причесывай». Правильные или неправильные, но пусть это будут мои мысли, мои слова». Я обещал, что будет именно так, и договоренность нашу выполняю.

— Сейчас, когда в высшей лиге после многолетнего перерыва завоевал право играть владикавказский «Спартак», нет ли у тебя желания вернуться в команду, где начинал, в места, откуда родом?

— Сколько лет прошло... Я ведь из Алагиря во Владикавказ (тогда он еще

Орджоникидзе назывался) уехал, как только восьмой класс окончил, а в Москве — с 84-го... Но родителей каждый год во время отпуска навещаю и знаю: многие считают, что я должен вернуться.

— А ты?

— А я и так в «Спартаке» — в московском.

— Но ведь был год, когда ты красно-белым цветом изменил.

— Ты о сезоне-87? Так там никакой измены не было: в «Локомотив» я ушел по «взаимному согласию сторон». Бесков мне тогда прямо сказал: «Делаешь все правильно, и решение твое одобряю».

— Это после того, как ты четыре года просидел в «глухом запасе» за спиной Дасаева?

— Ну, во-первых, я не «сидел», а тренировался — в классной команде, рядом с одним из лучших вратарей мира, у великодушных тренеров. Знаешь, как со мной Федор Сергеевич Новиков работал!

А во-вторых, у меня не было никакого комплекса «обойденного слабой»: я реально оценивал свои силы и понимал, что не готов еще играть на уровне высшей лиги. Для вратаря важна ведь не только техника ловли мяча, но и тактическая мудрость, психологическая устойчивость. Все эти качества приходят только со временем, а в свои 20—23 я чувствовал, что не застрахован еще от срывов в игре, после которых запросто могу раз и навсегда сломаться. А когда понял, что — все, стоп! — пора выходить из тени, тогда и состоялся тот разговор с Бесковым.

— Насколько я помню, в конце 87-го о возможном зарубежном контракте Дасаева и речи не было. Ты, наверно, понимал, что в «Спартак» можешь уже и не вернуться...

— Хочешь верить, хочешь нет, но интуиция мне что-то подсказывала... Во всяком случае, Семину при первом же нашем разговоре я сказал: «Юрий Павлович, я играю у вас год, а там посмотрим».

— «Локомотив» в том сезоне выглядел в высшей лиге вполне достойно, и ты достаивался комплиментов чуть ли не после каждой игры.

— Да, я тогда окончательно поверил в себя. Но чемпионат доигрывал, уже имея в кармане приглашение Бескова вернуться в «Спартак» первым номером: Дасаев собирался в «Севилью». Кстати, получив приглашение, я тут же сказал об этом Семину. Мне не хотелось, чтобы он узнал о моем уходе от кого-нибудь со стороны.

— Отставка Бескова стала для тебя, очевидно, сюрпризом.

— Ну, естественно, я был в некоторой растерянности. Вернувшись из отпуска, тут же пошел к Старостину прояснить ситуацию: думал, может, и надобность-то в моих услугах отпала. Николай Петрович мне сказал: «Станислав, ты ведь спартаковец... Не сомневайся...» Когда в команду пришел Олег Иванович Романцев, то же самое я услышал от него.

— В 89-м «Спартак» стал чемпионом, ты — лучшим вратарем страны, а вот в сборной Лобановского Черчесову места так и не нашлось...

— Ну и что мне было делать? протесты, что ли, в газеты писать?!

— Но ты разве не чувствовал, что был готов, во всяком случае, ничуть не хуже, чем Чанов?

— Э-э, здесь ты меня уже провоцируешь на оценку коллег... На такие вопросы я принципиально не отвечаю. Скажу только, что никогда никому не завидовал. Другое дело: вся эта нервотрепка — то привлекут в сборную, то выведут из состава — отразилась на подготовке к минувшему сезону — скомканной она у меня вышла. В первом круге несколько игр за клуб я попросту «провалил»...

— Интересно, как команда на твои ошибки реагировала?

— Каждый по-разному: кто-то отнесся с пониманием, другие чуть ли не презирать стали, третьи себе под нос бубнили что-то неслестное для меня. В 89-м у меня ведь тоже случались ошибки, но поддержку команды тогда чувствовал неизменно.

— Так в чем же причина столь разительной перемены?

— А ты что, не заметил — у нас ведь команда совсем другая: ушли Родионов, Черенков, Бубнов, Женья Кузнецов. Другой состав — другой микроклимат.

— Тебе эти изменения не по душе?

— Да нет, все нормально: идет смена поколений, коллектив фактически заново создается. Безболезненным такой процесс не бывает — это одна из причин нашего отступления на пятое место в первенстве страны. Кроме того, в отличие от чемпионского сезона каждый на поле был как бы сам за себя. Я, кстати, тоже не показал тот уровень игры, на который рассчитывали тренеры, партнеры, да и я сам.

— Не дело интервьюера спорить, но даже с трибуны было видно, что продолжается поиск новой игры: «Спартак» наконец стал использовать фланги, десять лет пребывавшие у вашей команды в небрежении. Шалимов, Мостовой, Кульков часто берут инициативу в свои руки, смело идут на обводку, что раньше, по-моему, в «Спартаке», культивировавшем «стеночку», было чуть ли не табу.

— Тебе не кажется несколько странным: ты вроде как от меня мой же клуб защищаешь? Когда уходили Родионов и Черенков, я на собрании сказал: «Вот увидите, у нас через год команда будет не хуже той, что была при Сергее и Федоре». И сейчас я так же думаю. А о том, что беспокоит, считаю нужным говорить без утайки: не хватает, очень не хватает нашим игрокам — особенно новичкам — игровой дисциплины...

— А матчи с «Наполи» — разве они не подтверждение того, что движение идет сейчас в верном направлении?

— Трудно отвечать за всех, но у меня, когда узнал результаты жеребьевки, определившей нам в соперники команду Марадоны, первая мысль была такая: «Что ж, с сильной командой и

играть интересно». И мне, и, я думаю, всем остальным игрокам хотелось себя и команду проверить: как мы смотримся на фоне Марадоны и Алемао?

Европейский уровень — он на какие-то вещи заставляет взглянуть другими глазами. Я тебе должен сказать, что в этом году, поездив со сборной и «Спартак» по свету, проанализировав увиденные по телевизору матчи чемпионата мира, я кое-что пересмотрел в своем отношении к футболу: придется вносить коррективы в наработанную годами собственную тактику вратарской игры.

— От добра добра не ищут: Бышовец включил тебя в свою сборную, в «Спартаке» ты вновь в числе лидеров команды, второй год подряд читатели «Огонька» признают тебя лучшим вратарем страны. И вдруг — менять манеру игры...

— А иначе нельзя: то, что проходит в матче с «Металлистом», с «Миланом» не пройдет. Впрочем, в детали вдаваться не буду: пойдут ли перемены на пользу, станет ясно в новом сезоне.

— Ты, насколько я заметил, до всего стараешься дойти своим умом. А опыт предшественников... Вообще, у тебя есть авторитеты во вратарском деле?

— Конечно. Яшин, Маслаченко, Дасаев, Шумахер — к каждому из них у меня особо уважительное отношение. Но вот что касается опыта... Смотри: у Дасаева рост — 190 сантиметров, у меня — 183. Ринат иногда мог просто лечь — и достать мяч в углу... Так что игру свою каждый должен строить, ориентируясь на собственные возможности.

— Кстати, раз уж вспомнил о Дасаеве: ты не собираешься по его стопам за рубеж? И если это так, то не пугает ли тебя проблема языкового барьера: говорят, что для Рината это была одна из причин не очень-то удачной адаптации в европейском футболе.

— Ну, допустим, когда собирается полный стадион, когда публика начинает скандировать или петь гимны, то твоих подсказок ни на каком языке никто на расстоянии дальше чем в два-три метра не услышит. На поле мы все-таки разговариваем на языке футбола. Что же до моих «зарубежных перспектив», то отголоски каких-то разговоров я слышал, но конкретных предложений пока не поступало.

— Тебе — 27. Для вратаря — возраст «детский», но о «послефутбольном» будущем ты наверняка думал уже не раз.

— Когда чувствуешь свою ответственность перед близкими (а мы с Аллой ждем сейчас первенца), конечно же, пытаешься что-то спрогнозировать. Но вопрос твой немножко не по адресу: будет в стране порядок, наладится нормальная жизнь, я не пропаду. Ну а если все развалится, к чему сегодня и идет дело, то какое будет иметь значение, куда ушел Черчесов...

Беседу вел Дмитрий ПАСЫНСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЩИТНИК

Сергей МИКУЛИК

Если спросить у болельщиков, кто такой Александр Новиков, то большинство, не сомневаясь, ответит — бывший защитник московского «Динамо», отличавшийся чрезмерной жесткостью. А наиболее просвещенные и прозвище игровое его назовут. А кое-кто из любителей утонченного футбола наверняка прибавит, что большего грубияна он едва ли встречал в последние годы на наших полях. Такую, получается, оставил он о себе славу.

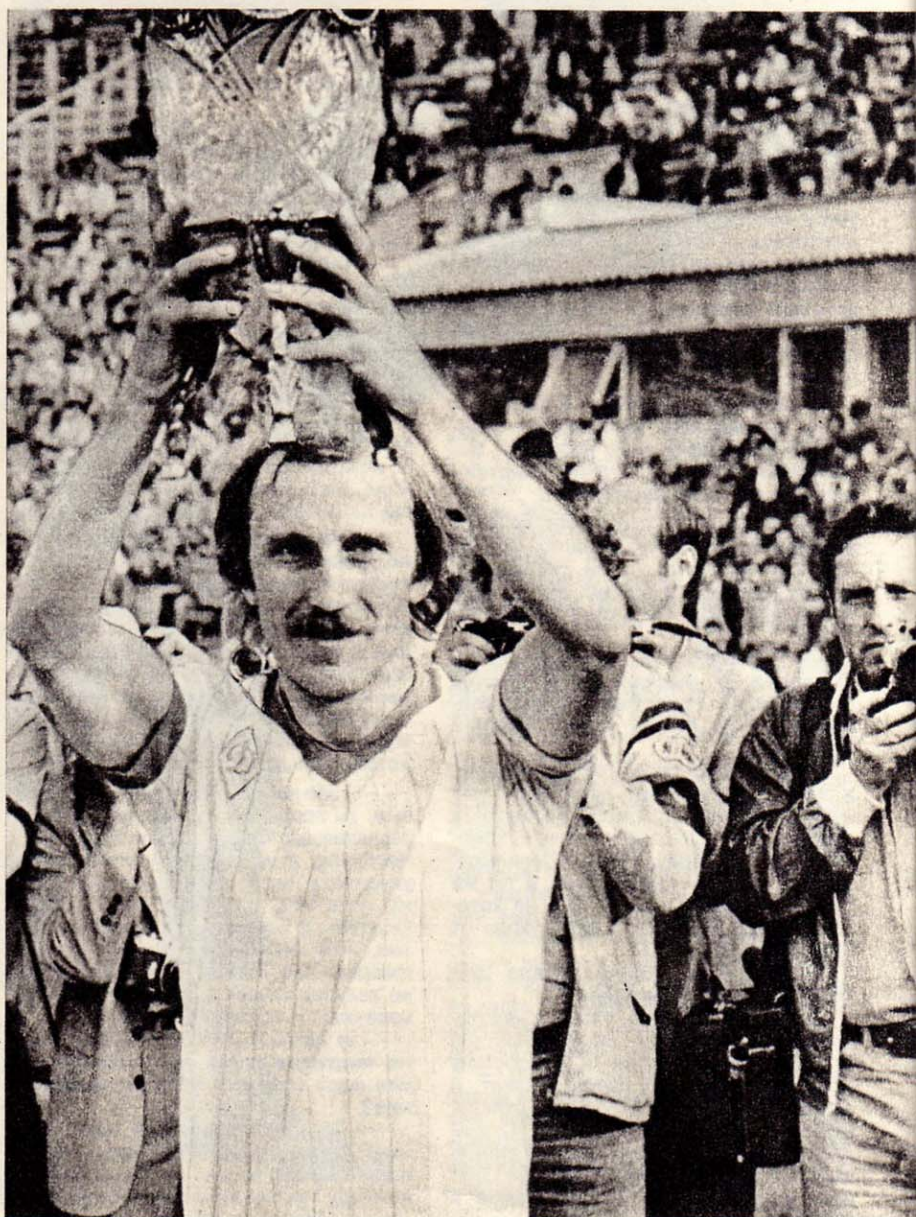
А он между тем ничего не оставил и, проведя три сезона в первой лиге, возвратился в высшую, где за тринадцать лет выступлений в «Динамо» провел 327 игр, выйдя в 87-м по этому показателю в рекордсмены клуба и обогнав самого Льва Яшина. И в первой три этих года (два — в Ставрополе и последний во Владикавказе) отыграл практически без замен. Так что же, во всех этих командах так были нужны грубияны? Мы ведь как-то привыкли, что молва не врет, хотя бывает, что и она ошибается.

Я как-то не помню, чтобы за долгий свой игровой век высказывался Новиков о себе и своей игре в центральной печати — ну разве что прокомментировал один раз высказывание Владимира Гуцаева о «костоломах». Со своей позиции прокомментировал — заднего, или, как мы говорим, последнего, защитника, который не имеет право пускать себе на спину нападающего, потому что, минуя его, тот выходит уже непосредственно на ворота. И Новиков не пускал. Все эти годы.

— Такая уж всегда была моя роль. Я понимаю, что зрелищностью она не очень отдает, но да что поделаешь — одиннадцать нападающих ведь на поле одновременно выйти не могут. Каждый решает свои задачи. Я вот, если хотите, мешаю другим играть, но нисколько не считаю себя от этого ущемленным.

— А мнения других о вашей игре вас когда-нибудь интересовали?

— Ну конечно. И если вы хотите спросить, как я отношусь к тому, что из меня сделали самого грубого в отечестве футболиста, то я категорически с этим ярлыком не согласен. Жесткий — да, это я принимаю, но вот грубый...

— **Цифровое подтверждение этому действительно найти нелегко — ведь карточек у вас было не так уж и много.**

— Сейчас некоторые по шесть-семь за сезон набирают, и никто их, по крайней мере в печати, не называет при этом грубиянами, и более того, такой урожай «горчичников» не мешает им играть в сборной. Я имею в виду, например, Кузнецова, Горлуковича или Хидиятуллин, но при этом никаких камней в их огород не швыряю — у каждого, как известно, своя манера игры, и коли она подходит еще и серьезным зарубежным клубам, то, видимо, имеет право на жизнь. Футбол — игра контактная.

— **И защитник заинтересован в этом контакте больше?**

— Мы ищем единоборства, тогда как форварды больше избегают их. И задачи у нас разные — мне, например, достаточно оставить нападающего без мяча, и я уже выиграл единоборство, ему же надо пройти меня и что-то делать дальше.

— **Легко сказать — вас пройти...**

— Я старался, чтобы было трудно. Взять того же Гуцаева — он частенько шел в обводку ради обводки, и за то время, что он владел мячом, я по несколько раз успевал оказаться на его пути, и если с третьего или четвертого захода удавалось отобрать мяч, я был вполне удовлетворен — эффектно он мог обводить меня сколько угодно, лишь бы эффективность была нулевая. Если кто-то играл на зрителя, то я — на результат.

— **Отобрать — чисто?**

— Нет на свете такого защитника, которому бы это всегда удавалось. Среагируешь чуть с запозданием на какой-нибудь финт — и заденешь соперника по ноге. Чисто игровое нарушение, а с трибуны может выглядеть как умышленное.

— **С трибуны-то — ладно, а вот в глазах судьи...**

— Для него, как правило, нарушителем тот, кто остался стоять на ногах, свисток в девяти случаях из десяти дается в пользу упавшего. А мне нельзя падать — за мной ворота, я на подкат шел только в самых крайних случаях и никогда, заметьте, не прыгал на соперника двумя ногами, как это сейчас чуть ли не повсеместно распространено. Такой подкат — действительно потенциальная травма.

— **А ваш — нет?**

— Побойться могу, что ни разу в жизни не стремился нанести вред кому-либо из моих товарищей по футболу. И сам никого обвинить не могу в том же — меня-то ведь тоже били достаточно.

— **И тем не менее заменялись вы крайне редко.**

— Можно сказать, никогда. На Спартакиаде народов в 79-м доиграл матч, получив по ходу игры перелом. Бесков,

когда на следующий день меня в гипсе увидел, изумился — как же стерпел? Я ответил — работа. А в «Динамо» своем родном заменился, помню, в 87-м на 25-й минуте матча в Минске. Из пределов штрафной тогда удар наносился, и я бросился под него, хотя и видел, что соперник идет на «накладку». Seriously травмировал колено, и мне сказали, что в команде я больше не нужен.

— **Раз видели накладку, может, не стоило бросаться на верную травму?**

— Так мяч же в ворота летел...

— **Команду, насколько я помню, как раз вскоре после той игры принял Анатолий Бышовец?**

— Я на него не в обиде — у каждого нового тренера свой состав. Всех предыдущих я, правда, устраивал, а тут, видимо, старый стал — тридцать два стукнуло да и больной. А вот начальники разные динамовские могли бы, наверное, как-то по-другому распрощаться, нежели просто на улицу выкинуть — я ведь на их, а не Бышовца глазах тринадцать лет в бело-голубой майке, не щадя себя, бился.

— **Вы ведь коренной, что называется, динамовец?**

— Да, десятилетним мальчишкой пришел к тренеру Байкову. Хорошая у нас в детях уже команда подобралась: Вадик Павленко, Серега Камзуллин...

— **Павленко метеором ворвался в большой футбол, когда вы были еще в глубоком дубле.**

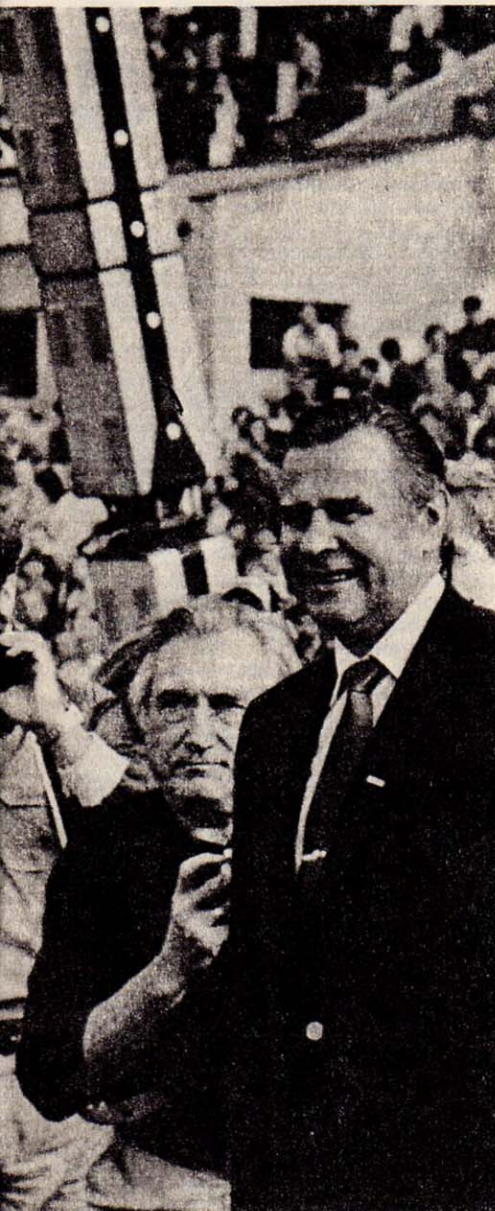
— Да, 74-й — звездный был год для него, девятнадцатилетнего. Встал тогда в состав вместо травмированного Толи Кожемякина — тот-то вообще талантище был, каких редко встретишь, — и начал забивать, словно всю жизнь в «Динамо» играл. Я восхищался тогда Байдачным с Еврюжихиным — как они Вадика в игру приняли! Для них игрока-двух на своих краях пройти не проблема была, а пасы навесные — как рукой разбрасывали. А в воздухе Вадик играть умел.

— **Но взлет его длился так недолго...**

— Да, полетел мениск, была неудачная операция... В «Спартаке» московском побывал, потом в «Тереке», снова в «Динамо», но это был уже не тот, конечно, Павленко. Кроме мениска что-то еще в нем сломалось. Я не поверил, когда мне сказали, что он грузчиком в винном магазине работал — это когда я уже в Ставрополе играл. Оказавшись в Москве, нашел тот магазин на Первомайской, но его на ремонт закрыли, а Вадик, сказали, уволился. А он же никогда, сколько помню, вина в рот не брал, железным режимщиком был.

— **Простите, а вы?**

— Я не был так талантлив, как Вадик, и очень хорошо отдавал себе отчет, что все жизненные удовольствия и вольности — не для меня. Или футбол — или... Я выбрал футбол.

— А вас — Александр Александрович Севидов...

— Да, с этим человеком связаны все мои самые светлые футбольные воспоминания. При нем я встал в состав в 75-м, на следующий год выиграл с командой чемпионское звание, а еще через сезон — Кубок. И жизнь была прекрасна и безоблачна, никто не называл меня грубияном, потому что партнерами моими в защите — на краях — были Маховиков с Паровым, которые и смеяться-то в центр ко мне никому с мячом не давали, а впереди меня играл лучший, на мой взгляд, опорный полузащитник тех лет в советском футболе — Олег Долматов. У нас была чудесная команда, и, если бы от нас в начале 79-го не убрали Севидова по грязному доносу, а вовсе не по состоянию здоровья, как писали тогда в прессе, она бы, уверен, далеко пошла.

— Но в вас и другие тренеры, которых сменилось в начале 80-х в «Динамо» великое множество, продолжали как будто бы верить?

— Да я-то вроде бы свое дело делал, но команда разваливаться начала прямо на глазах — и сейчас вспоминать больно. Ушли, недоиграв, Максименков, Долматов, Минаев. В других командах оказались Бубнов, Пильгуй, Маховиков, Гершкович, Латыш. И мы как-то незаметно из команды, борющейся за высшее место, превратились в прозябающего аутсайдера. Вот тут на грузки на меня навалились поистине колоссальные, и от того, что так часто приходилось быть в центре внимания, и началось, наверное, складываться «мнение»...

— И все же дыма совсем без огня, наверное, не бывает. Кстати, кому вы обязаны не слишком-то, видимо, приятным прозвищем «автоген»?

— Соловьеву Вячеславу Дмитриевичу, одному из приложивших руку к развалу команды в то самое смутное для «Динамо» время. Он, кстати, на игровых установках призывал всегда защитников играть в кость и «бить так, чтобы уносили». Я, правда, никогда так не играл, но слушать такое было все-таки жутковато. Наставник наш и прозвал меня «автогеном» — в том смысле, что я призван срезать всех под корень, а Сергея Никулина — «косой». Такой вот у него был жаргончик, за что я при всем желании не могу быть исполненным к Вячеславу Дмитриевичу глубокой благодарности. Да, я не щадил игравших против меня нападающих. Но ведь и они меня не по головке гладили. Но я никогда не катался по траве, не взывал к трибунам, судьям или тренерам. Я шел встык — и не прятал ноги. Я никогда не бил никого исподтишка. Ну а если кто-то меня обыгрывал — цеплял, бывало, конечно. И наказания принимал как заслуженные — всегда.

— Я слышал, что однажды вам пытались предъявить и другое обвинение?

— Вы имеете в виду тот слух, что игра нами против ростовчан в 85-м была

проиграна не просто так? Это, наверное, был самый трагичный матч в моей жизни — по последствиям. Севидов, как известно, забыв все старые обиды, вернулся в команду в 84-м. И мы с ходу выигрели Кубок! А весной следующего года играли на два фронта — мы ведь в Кубке кубков дошли до полуфинала. «Рапиду», правда, проиграли по сумме двух игр, но чувствовалось, что игру нам Саныч возвращает. И тут — этот злощастный матч с Ростовом. 3:0 после первого тайма ведем, вся игра наша, и... 3:4. В итоге проигрываем. Начальником команды у нас только-только стал тогда Малофеев, а после того фиаско он уже единолично продолжал работу с клубом, для начала обвинив нас с Алексеем Прудниковым в «сдаче» игры и переведа в дубль. Потом, правда, извинился и сказал, что подозревал нас зря. Это же надо додуматься — я Севидова сплавил! Да я бы землю в той игре ел, если бы знал, что Саныча после дурацкого, необъяснимого этого поражения снимут. Да разве я один...

— А с Эдуардом Васильевичем потом нормальные сложились отношения?

— Вполне. Он мне очень импонировал своим футбольным фанатизмом — наверное, потому, что я сам такой. Но и ему ведь, как известно, недолго дали поработать. А на Бышовца я, повторю, за отчисление не в обиде. Да он и сам, кстати, впоследствии при встречах признавал, что поторопился со мной расстаться.

— Зато в обиде, наверное, на кое-кого из динамовского руководства?

— А вы бы, скажите, не обиделись, если бы вам приз лучшего игрока московского «Динамо»-87 на следующий год втихушку в раздевалке бы вручали? Я тогда в составе ставропольцев приехал на родной динамовский стадион матч на Кубок с ЦСКА играть. И хотели мне этот приз ведь ребята из динамовского пресс-центра более-менее торжественно вручить. А руководство вот «высшее» запретило. Потому как у него, руководства, «мнение» было, что мне годом раньше нужно было заканчивать, не хотело оно, чтобы я еще где-то играл после их команды. А что я им, собственно говоря, такое сделал, кроме того, что верой и правдой служил московскому «Динамо» столько лет, и еще бы послужил, если бы не выгнали? Или вы считаете, что правы они, а не я?

— Долго вас в Ставрополе заявить не могли?

— Да пару месяцев совали палки в колеса некоторые люди. И нервов это, конечно, стоило — у меня ведь ни скандалов каких-то, ни дисквалификаций, ни даже тривиальных нарушений режима никогда не было — ни одного. Так почему же я на старости лет не могу — первый раз! — перейти из одной команды (где я к тому моменту уже и не числился) в другую, рангом пониже. В ходе сезона уже решилось, что могу.

— И что следующие два года оставили в памяти?

— Спокойную, размеренную жизнь — в первой лиге ведь, не в пример высшей, календарь довольно ритмично свер-

стан. Успевал и с семьей время проводить, и на поле был вроде бы не из последних — в первой лиге все же все на темп медленнее делается, так что я спокойно относился разрушительную миссию свою выполнять успеваю. Даже, пожалуй, слишком спокойно — команда наверх особо не стремилась, а вылет ей никак не угрожал.

— Тут и подоспел Газзаев со своим предложением?

— Да — за высшую лигу, говорит, биться буду, только такую команду хочу подобрать, пойдешь? Мне, если честно, приятно было, что он обо мне вспомнил, что не считал меня, как некоторые, вышедшим уже в тираж. Ну, и плюс условия у него — по всем показателям — куда как лучше ставропольских были. А мне, старику, знаете, и заработок напоследок не помешает, и восстановительные разные мероприятия. Словом, я недолго раздумывал, тем более что прекрасно знал человека, к которому собрался, — мы, будучи игроками, много лет делили с Валерием один гостиничный номер.

— Теперь — с Валерием Георгиевичем?

— Я всегда относился ко всем своим тренерам с уважением. Я не считал себя высококлассным игроком, но то, что умею, изо всех сил старался делать доброту. И Газзаев лучше, чем кто-либо другой, знал, что я его не подведу, и что даже намека на какое-то панибратство в наших отношениях и быть не может.

— Вы не только помогли, отыграв весь сезон от звонка до звонка, новой своей команде пробиться в высшую лигу, но и стали чуть ли не самым корректным ее игроком. Вот этой-то метаморфозы вряд ли кто ожидал...

— Опыт — что вы хотите. Играем, например, с сухумскими динамовцами, и их нападающий Смирнов как бы на замахе меня обыгрывает. Говорю «как бы», потому что парень этот в дубле московского «Динамо» при мне еще появился и я с тех пор помню, что он может сделать. Весь стадион замер, а я знаю, что с этой ноги он бить не будет, обязательно под себя уберет. Так и случилось — а я тут как тут. Представляете, к пенсии на мою долю уже не свист стал доставаться, а аплодисменты.

— Но один «горчичник» вы все-таки заработали...

— Да, в игре со ставропольцами. Мы решили уже к тому времени задачу выхода наверх, и теперь оставалось еще занять чистое первое место. Но для меня еще, кроме общего принципа, был и свой — команда-то бывшая моя и ей тогда как раз для попадания в переходные игры очки позарез были нужны. Вот и погорячились в одном моменте, когда мог нападающий один на один выйти. А то, знаете, разговоры эти — как тогда после игры со СКА. А я хочу оставить о себе память как, может, и о жестком, но честном футболисте. Я привык дорожить своим именем.

ЗДОРОВЫЕ ЛЮДИ

В МЕНЬШИНСТВЕ

В предыдущем номере журнала мы познакомили читателей с нашим новым автором — кандидатом медицинских наук Владимиром Мельниковым. Его первое выступление — «Гладиаторы уходят в рэкет», открывшее эту рубрику, — было посвящено проблемам и бедам нашего большого спорта, здоровью участников спортивного зрелища — спортсменов и зрителей. Придя к весьма неутешительному выводу, что мы с вами все вместе очень нездоровы, редакция пообещала продолжить начатый разговор — о нашем здоровье, о путях выхода из тупика, в который зашли сегодня.

Передаем слово вновь Владимиру МЕЛЬНИКОВУ.

И так, как ни горько это признавать, здоровых людей среди нас сегодня меньшинство. Остальные успели свое здоровье растратить, потерять, а три четверти наших детей, как оказалось, лишены его уже с рождения. Что удивляться, если лишь одна из пяти наших женщин в состоянии сейчас родить нормального ребенка. Останемся в приведенном доказательстве. Статистика столь угрожающая, и нас в последнее время так старательно оглушают этими цифрами, что у многих, возможно, появилось чувство безнадежности, желание просто от них отмахнуться: коли все так плохо, — может, лучше и не думать, все равно ничего изменить нельзя...

Сегодня мы как раз поговорим о том, что можно, что необходимо предпринять, чтобы все-таки изменить положение — действительно безрадостное.

Я уже упоминал в прошлом разгово-

ре, что за долгие годы работы над этой проблемой пришел к выводу, что прежде всего необходимо искать пути информационного воздействия на людей. Все они очень разные. Среди моих пациентов есть, например, такие, до которых информация просто не доходит. Назовем их непросвещенными. Есть другие, которые эту информацию просто не в состоянии усвоить. Это информационные инвалиды. И есть, наконец, профессиональные кретины — между прочим, определение Карла Маркса. Это самая трудная группа людей, убежденных, что все, что они знают, — Истина. Тем более что у многих есть «подтверждающий» эту истину Диплом. Страшные профессиональные кретины есть и в инженерном деле, и в медицине, и в спорте...

Я определил для себя три группы. Можно выделить и больше, но выделять необходимо. Почему? Потому, что с каждой из групп надо работать, если мы действительно хотим что-то изменить. Чтобы информация имела воздействие, надо знать, с кем работаешь. Потом выбирать методы. Однако найти их, сидя и размышляя, изучая литературу, долго и трудно, даже невозможно. Поэтому я выбрал другой метод — сам пошел к этим группам, отправился к людям.

Я уже упоминал в нашей прошлой беседе, что контакт с ними налаживался не сразу. Поначалу я наталкивался на откровенную враждебность, особенно если приходил на встречу от общества «Знание». Ничего удивительного — в глазах наших людей оно давно уже стало частью Системы. Действительно, наше областное общество «Знание» всегда занималось пропагандой марксизма-ленинизма, сегодняшней

политики партии и правительства. И, естественно, когда в обеденный перерыв людей загоняли на подобные лекции — они отправлялись на них чуть ли не с проклятиями. Но вскоре наши отношения изменились. Попробую объяснить, как я этого достигал. Достаточно просто — обратился к инстинктам человека, среди которых первый — Инстинкт самосохранения. Он вечен, потому что вечен страх за собственную жизнь. Я определил его как первую ступеньку, на которую необходимо было поднять своих слушателей. За ней следует вторая — инстинкт сохранения семьи, близких. И, наконец, третья ступенька — инстинкт сохранения вида, человечества, когда человек готов даже собой пожертвовать, лишь бы люди жили хорошо. Подняться на нее особенно трудно. Иисус Христос, по моему, был последним, кто достиг подобной ступени.

Эту систематику я создал для себя в поисках тех рычагов, на которые можно было бы нажимать в работе с аудиторией. И вот к каким выводам пришел: инстинкт самосохранения можно использовать в любой аудитории, потому что за собственную жизнь люди боялись и будут бояться всегда. Правда, нажимая на этот рычаг, надо соблюдать особый такт, всегда оставаясь врачом. Ибо на страхе играл фашизм. На страхе играл коммунизм, хотя, может быть, не обозначал это так четко.

Сегодня люди боятся всего — будущего голода, всеобщего хаоса, хулигана на улице... Но чем дальше, тем больше стали бояться, что мы просто можем не дожить — ни до хаоса, ни до всеобщего счастья. В какой-то степени страх этот должен остаться, но ни в коем случае не перейти в панику, не парализовать человека, не погубить, а лишь для того,

чтобы стимулировать его к поискам подлинных путей выживания. На первом этапе мне удалось добиться успеха довольно быстро, потому что пробудить в людях страх за собственное существование можно при минимуме ораторских способностей и информированности населения. И вот результат: большинство моих слушателей вдруг начали искать самую чистую улицу в городе для жилья, самый чистый участок в области для дачного домика...

Итак, человек обеспокоен за собственную жизнь, но еще не парализован. Он уже ищет выход. Однако в этих поисках иной готов выкрикнуть сгоряча: «Ну и ладно, черт с ним — буду жить на

«СЕГОДНЯ ЛЮДИ БОЯТСЯ ВСЕГО»

полную катушку, брать свое, пока можно...» Словом, из данной ситуации возможен и самый эгоистический выход, способный принести беду окружающим. И вот в этом состоянии я пытаюсь поднять человека на следующую ступеньку, когда страх за будущее своих детей, а если их нет — за близких, просто дорогих людей, обязательно должен возобладать над страхом за собственную персону.

Совершенно шоковой информацией для родителей, особенно для молодых, оказалось то, что так называемое «дозированное закаливание», а попросту загорание, настоятельно и долгие годы рекомендуемое инструкцией Минздрава, сегодня просто вредно для детей белой расы. Однако загорать нашим детям приходится не только в детских садах, но и на так называемых «самых чистых» дачах. Как выяснилось, подобных «абсолютно чистых» уже не существует, да и не может существовать. Проблема вышла на уровень общечеловеческий: от страха за своих детей — к пониманию того, что в одиночку не выжить. Мы или выживем все вместе, или вместе погибнем...

Развитие информации, связанной с инстинктом второй ступени — страхом за собственных детей, — для всех нас должно стать наиважнейшим делом. Проблема детских садов, раннего образования, раннего насыщения ребенка информацией, проблема школ — это то, с чего нужно начинать.

Сегодня в адрес нашей школы раздается столько упреков, во многом справедливых! Мы упоминали в прошлой беседе об информационном ваку-

уме, возникшем в ней в силу того, что мы вынуждены были отказаться от старых ориентиров, потому что они были ложными, но пока не предложили новых. Истинных. Так вот, определенная часть людей стала искать выход в создании альтернативной системы образования и обучения — не государственной. У нас уже появляются лицеи, церковно-приходские школы. Увы, информационный вакуум, как показала жизнь, присутствует и в них. Я, например, не очень верю в перспективы неохристианства в нашей стране. Сомневаюсь, что детишки, закончившие церковно-приходскую школу, выйдя в нашу жизнь где-нибудь в крупном городе, будут надежнее защищены от пороков, чем дети, обучавшиеся в обычных школах. Потому что всему свое время. И христианство, а тем более русское православие все-таки были связаны с русской культурой, с определенным периодом развития нашего общества.

А мы живем в совершенно конкретное время. Это время хаоса, время развала, время культуры наших каменных домов, наших микрорайонов. И все это тоже Культура — нищая, убогая, но в ней формируются сегодня наши дети. И об этом не следует забывать. А вот о чем надо думать постоянно, так это о создании системы защиты (так называемой Системы протектора) для наших детей. Уже сегодня, не подключая пока такие крупные образования, как Система народного образования, Верховный Совет, необходимо малыми силами — в детских садах, школах — развивать подсистему протектора. Это постоянная информация для нашего ребенка о том, как ему спастись, как вырасти более или менее нормальным человеком в условиях разрушающейся экологической системы. Эта информация, являясь жизненно необходимой, в то же время становится и организующей силой, преобразующей толпу в целенаправленно развивающееся сообщество.

Одним из мощнейших инструментов воздействия на этот процесс является физкультура и спорт. Но... я говорил об этом давно и продолжаю настаивать, что прежде всего необходимо разделить два понятия: физкультура и спорт. Это главное. Разделить полностью, причем физкультуру надо сильно видоизменить даже в названии своем. Это ведомство должно стать прерогативой медицины — одним из разделов Минздрава. Ведь мы ведем разговор о необходимости реабилитации, восстановления человека, в том числе наших, в подавляющем большинстве больных, детей.

Я настойчиво подчеркиваю, что не может идти речи о какой-либо тренировке. В этом смешении понятий мы наделали бездну ошибок. И наделали их люди, подготовленные в чисто спортивном плане, когда начинали заниматься оздоровлением. Например, во многих городах у нас никак нельзя бегать, т. е. заниматься оздоровительным бегом. К сожалению, человек, выбегающий утром на городскую улицу, дабы «убежать от инфаркта», как ему

обещали. В том числе на страницах нашей прессы, не видит своего сердца, кричащего в выхлопных газах. Не видит своих легких, которые задыхаются, ибо их поры закрываются этими летучими веществами, отчего разрушается сама поверхность легкого. Заниматься этими проблемами должен только медик, причем очень хорошо подготовленный. А таких, специально подготовленных, у нас просто нет. Их нигде не готовят. Это очень большой вопрос. Впрочем, у нас все вопросы большие.

Бывшие спортсмены могут заниматься со здоровыми людьми в здоровых условиях. Но, как мы уже говорили, здоровых людей у нас практически нет, здоровых условий уже давно нет, как нет и специально подготовленных медиков. В итоге заниматься вопросами реабилитации населения сегодня никому. Однако на оздоровление государство выделяет средства — это часть бюджета. Куда же они идут?!

Передать решение этой проблемы Минздраву уже сегодня, на мой взгляд, преждевременно. Ему не справиться, потому что ситуация экстремальная. И ничего не дадут локальные меры: здесь кооперативчик открыли, там детскую спортшколу реорганизовали... Выход существует единственный: нам нужна Национальная программа. В США, например, существует Национальная программа «Чистый воздух». И возглавляет ее президент Буш. Это совсем не означает, что он является ведущим специалистом в этой области. Он — знамя. Американцы умеют это делать. Так и у

НЕОБХОДИМА НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ

нас должно быть: коли встал столь остро вопрос о здоровье нации, то должна быть Национальная программа по восстановлению этого здоровья. И возглавить ее тоже должен президент.

Затем, естественно, возникает вопрос об исполнителях и координаторах этой Программы. Попробуем конкретизировать эти понятия.

Исполнителями, на мой взгляд, должны стать медики. Начинать надо с изменения условий, в которых мы живем. Условия — это экология, это санитарная и санитарно-эпидемиологи-

(Окончание на стр. 31)

ОБНОВЛЕНИЕ

В декабре минувшего года в Сеуле состоялся чемпионат мира по гандболу среди женщин. Звание чемпионки мира в третий раз подряд завоевала сборная команда СССР. Сегодня экспресс-итоги этого чемпионата подводит государственный тренер СССР по гандболу Александр КОЖУХОВ.

Что скрывать, конечно, ехали с надеждой на победу. Хотя и опасений было достаточно, и поволноваться пришлось вдоволь. После Олимпиады-88 в команде произошли огромные перемены. К руководству сборной пришли новые люди. По итогам выборов на совместном заседании тренерского совета и президиума Федерации гандбола СССР главную команду страны возглавил Александр Тарасиков — наставник краснодарской «Кубани». Вторым тренером стал москвич Георгий Ларин. От прежнего состава в сборной СССР остались лишь три игрока: Наталья Морскова из «Ростсельмаша», Марина Базанова из киевского «Спартака» и Елена Немашкало — из команды «Автомобилист» (Бровары). Причем последняя, став мамой, появилась на сборе всего за полгода до чемпионата. Потеряли мы и сильных литовских гандболисток, которых было немало в прежнем составе сборной. В связи с тем, что вильнюсская команда «Эгле» отныне не участвует в чемпионате страны, они отказались и от выступлений за сборную. Лишь одна Аушреле Жюкене, по договоренности с республиканской федерацией гандбола, отправилась в Сеул. Вот вам и первая причина для беспокойства: очень много новых игроков, не прошедших горнила таких крупных соревнований, как чемпионат мира. И новые тренеры сборной, прекрасно зарекомендовавшие себя в подготовке своих клубов к чемпионату страны, все-таки впервые готовили сборную к соревнованиям подобного уровня. В процессе подготовки неизбежно были допущены ошибки, за что наставников серьезно критиковали. Но, видно, выводы были сделаны правильные — в итоге сработали отлично.

Основанием для надежд служил тот факт, что многие из новичков сборной уже прошли подготовку к последней Олимпиаде и по объективным показателям должны были бы играть в Сеуле еще два года назад, но, вопреки мнению большинства специалистов, оказались за бортом. Среди них Светлана Выдринна, Галина Оноприенко, Аушреле Жюкене... На них надеялись.

Неприятности же начались с первого дня. У Аэрофлота в Сеул лишь один рейс в неделю — в итоге прилетели туда всего за сутки до первой игры — с

командой Дании, тогда как большинство соперниц уже успели акклиматизироваться. Самым тяжелым днем акклиматизации считается четвертый, и именно в этот день нам предстояла встреча с самым серьезным соперником — сборной ГДР. Называю ее так по привычке. В Сеуле выступали две команды Германии, так как, несмотря на объединение страны, пока еще не успели объединиться федерации гандбола. А тут еще в первой же встрече получила серьезную травму коленного сустава Светлана Миневская — отличный бомбардир, на которую возлагалось столько надежд. И все-таки наша сборная выиграла у датчанок четыре мяча (21:17) и сумела вырвать победу у немецких гандболисток, хоть и с минимальным преимуществом — 21:20. Именно этот тяжелый матч породил во мне чувство уверенности, ибо во втором тайме убедился — команда играет стабильно, и просто не может проиграть. Как показали дальнейшие события — не ошибся.

В психологическом плане очень трудным оказался матч со сборной Норвегии, который для нас был вроде бы не принципиальным — восемь мячей могли проиграть и все равно выходили бы в финал. А вот для итоговой расстановки мест в подгруппе он оказывался решающим. Наш проигрыш вывел нас во вторую позицию сборную Норвегии и лишил надежд на медали гандболисток ГДР, которым оставалась бы лишь игра за 5-е место. Поэтому у наставников сомнений не было — надо выигрывать обязательно, потому что команде, претендующей на высшие титулы, терять авторитет нельзя никак. А в мире спорта симпатии всегда на стороне тех, кто ведет себя на площадке по-спортивному. До конца первой половины матча норвежки даже лидировали, но затем наши гандболистки сумели сравнять счет и победить.

Очень приятно было, когда вечером на этаж, где жили наши девушки, пришли спортсменки ГДР с цветами, сувенирами, даже песни пели... А утром за завтраком к нам подошли руководители команды и тоже искренне благодарили за эту победу, давшую в итоге возможность команде ГДР завоевать бронзовые медали.

О финальном матче со сборной Югославии уже написано немало — преимущество в два мяча (24:22) принесло сборной СССР золотые медали чемпиона мира. Считаю эту победу вполне заслуженной. В нашей команде особо хотел бы выделить вратарей: двух Светлан — Богданову и Розинцеву. Из «ветеранов» прекрасно сыграла Лена Немашкало, показавшая отличные бой-

цовские качества. Из нового пополнения приятно удивила Света Пряхина, которая лишь вчера вышла из юниорского возраста, но отлично вписалась в команду. В символическую сборную мира, составленную журналистами, вошли две наших спортсменки — Светлана Выдринна и Елена Немашкало, а лучшим игроком чемпионата спонсоры назвали нашу Наталью Морскову.

Мне, как гостренеру, предстояло дать оценку выступлению сборной страны на чемпионате мира. Поставил «четверку», ибо считаю, что команда сыграла где-то процентов на 75. Предстоит много поработать над тактикой нападения и защиты. Над коллективной контратакой. И особенно — над техникой передачи мяча, ибо потеря было многовато. Самое серьезное внимание предстоит обратить и на игру без мяча. Многие наши молодые спортсмены еще недопонимают, что игра без мяча — одна из важнейших составляющих игры в гандбол.

Основным итогом чемпионата назвал бы рост общего уровня гандбола в мире. Если раньше, где-то лет восемь назад, призовые места делили между собой лишь четыре сильнейшие команды — Югославия, Венгрия, ГДР и СССР (затем в их спор вмешались сборные Норвегии, Чехословакии и Южной Кореи), то сейчас уже со всеми командами надо играть в полную силу. Во многих странах мира гандбол стал получать солидную дотацию от государства, и это сразу сказалось на уровне игры. Словом, спокойной жизни ждать не приходится. Приятно, что это понимают наставники нашей сборной. После награждения главный тренер сказал своим подопечным всего несколько слов: «Чемпионат канул в Лету. Завтра начинается новый сезон, а мы начинаем готовиться к Барселоне».

На мой взгляд, итоги чемпионата мира обнадеживают. Мне особенно понравилась обстановка в команде — ни малейшего намека на какие-то группировки, которые еще в недавнем прошлом доставляли нам всем столько неприятностей. Сегодня в сборной страны шесть игроков из краснодарской «Кубани», но им, пожалуй, «доставалось» от своего тренера даже больше, чем остальным.

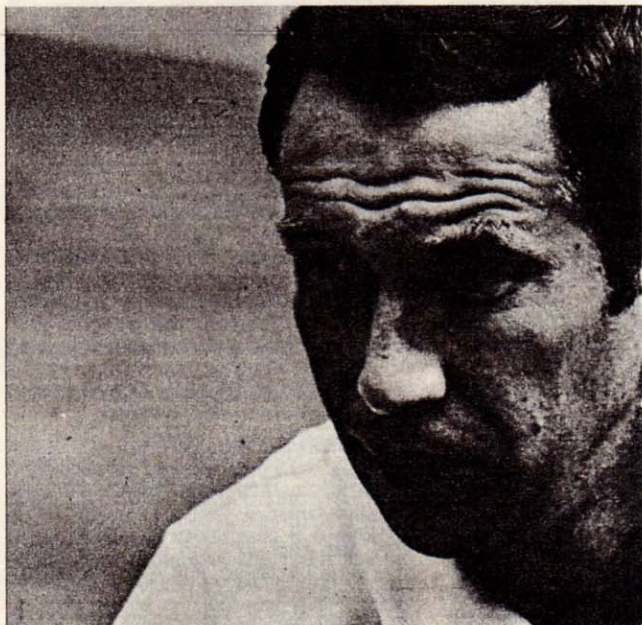
В заключение обязательно хочу назвать наших клубных наставников, отлично подготовивших игроков для сборной команды. Это И. Турчин («Спартак», Киев), Александр Панов («Ростсельмаш»), Леонид Гуско (БПИ, Минск»), Павел Чумаков («Автомобилист», Бровары), Левон Акопян («Мелиоратор», Волгоград), Виталий Барсуков («Калининец», Свердловск). Их подопечные приезжали на сборы подготовленными и никаких претензий тренеры сборной к ним предъявить не могли. В золотых медалях чемпионки мира, завоеванных советскими гандболистками, — огромная доля их труда. Спасибо им всем. Очень помогли нам врач Алексей Кнак, массажист Вячеслав Сахаров и руководитель комплексной научной группы Александр Кубраченко.

Всего несколько лет назад и представить было трудно, что с таким нетерпением мы будем поглядывать на часы в ожидании времени, указанного в телепрограмме, а включив приемник, ловить неповторимый звук мяча, доносящийся с площадки, — еще до того, как загорится телеэкран. И вот ведь ждем, волнуемся и готовы волноваться часами, ничуть не жалея о времени, «потерянном» у экрана, ибо именно телевидение подарило нам это неповторимое зрелище, подавляющему большинству ранее не знакомое, — Большой Теннис... Все началось с того, что технический канал Центрального телевидения позволил нам перенестись на зеленые корты Уимблдона. А там... как любовь с первого взгляда — захватила, не отпускает и, наверное, уже не отпустит. Многомиллионная армия поклонников этого вида спорта теперь пополнилась и нашими соотечественниками.

К сожалению, волнения минувшего сезона уже позади. Но, дабы не скучать в ожидании предстоящих баталий, вернемся на знакомые корты, постараемся осмыслить увиденное, разобраться в том, что произошло в прошлом году: что порадовало и что огорчило? Попробуем ответить на вопрос: почему все случилось именно так, а не иначе? И, естественно, поразмышляем о дне завтрашнем.

Смотреть поединок иногда приятно в одиночестве. А разбираться лучше сообща. Вот почему мы и пригласили к разговору заслуженного мастера спорта, комментатора Центрального телевидения Анну ДМИТРИЕВУ и главного тренера мужской сборной СССР по теннису Шамиля ТАРПИЩЕВА. Разговор состоялся порознь с каждым из них. Но в этом заочном диалоге известных специалистов попробуем найти ответы на вопросы, волнующие сегодня всех почитателей тенниса.

Что скрывать, мы замираем у экрана, когда на нем появляются звезды — их всех уже давно знаем в лицо. Первая тройка мирового тенниса по составу не изменилась, хотя внутри нее и произошли перемещения. И ни один из этого «созвездия» в минувшем году не избежал поражения от соперника, стоявшего в мировой таблице о рангах значительно ниже.

Насколько закономерны были результаты поединков, отнесенных к разряду сенсаций, и общий итог сезона? Кто же все-таки побеждал на главных кортах и за счет чего? — на этот вопрос первым отвечает Шамиль Тарпищев.

— Прежде всего отметил бы, что произошло заметное выравнивание игры сильнейших. Первая тройка мирового тенниса в конце прошлого года выглядела так: Стефан Эдберг, Борис Беккер, Иван Лендл. Считаю, что все закономерно, никаких сенсаций. Первый стал первым вполне заслуженно. Он играл в ту же силу. И козыри у него остались прежние — подача. Считаю молодого шведа самым талантливым из этой ведущей тройки, хотя психологически не всегда устойчивым, чем и объяснил бы его неожиданные поражения от далеко не самых сильных соперников. Иван Лендл — все та же машина, но тактически по-прежнему однообразен, что в итоге и стоило ему потери лидерства. На мой взгляд, очень прибавил Томас Мустер из Австрии и Андрес Гомеш из Эквадора. Победа последнего на открытом первенстве Франции зако-

номерна, скорее, с позиций его общих заслуг перед теннисом, но, думаю, не отражает реального соотношения сил на этом популярнейшем турнире из серии «Большой Шлема». Просто его соперники упустили свой шанс.

Общие тенденции мирового тенниса очевидны: по пути увеличения интенсивности он ушел так далеко, что сегодня выигрывает тот, кто может создать запас времени перед ударом. Скорости возросли неимоверно. Сегодня каждый умеет все. И очень важно суметь создать себе этот запас времени для варианта. Это — главный резерв как для теннисиста, уже попавшего в мировую элиту, так и для того, кто еще находится на подступах к ней.

В оценке сильнейших Анна Дмитриева практически не расходится с наставником сборной страны, а вот среди подающих надежды отметила иные имена.

— У мужчин, на мой взгляд, появилась целая группа теннисистов, которых бы отнесла к новой волне в мировом теннисе. Это в основном американцы, и лучшим из них считаю Андре Агасси, сумевшего обыграть самого Эдберга. Он

ТОЧКИ ОТСЧЕТА

предложил сильнейшему теннисисту мира просто другую игру, что была не мощнее, но... быстрее. Нельзя было не заметить и его соотечественника и ровесника Пита Сампраса — победителя открытого первенства США. Очень понравился Горан Иванешевич, у которого есть все! Потенциально он даже интереснее других. Девятнадцатилетний югослав уже выиграл «Бриллиантовую ракетку», уже обыграл Беккера на земле и чуть-чуть не обыграл его же на Уимблдоне.

К сожалению, явно сдает Лендл. Он уже «сдал» первую ракетку и, бесспорно, сдает по такому показателю, как общее количество проигранных. Думаю, что ему просто скучно стало играть. Правда, сейчас он придумал себе цель, которую, впрочем, долго придумывать и не требовалось: выигравший в свое время все, кроме Уимблдона, Лендл заявил, что уйдет тогда, когда победит и здесь. Боюсь, что это ему все-таки не удастся. Как ни грустно, но время работает против него.

Беккер все еще хорош. Бесспорно, в расцвете своего удивительного талан-

та, но... по-прежнему не ровен. Уимблдон ему в прошлом году выиграть не удалось, потому что неожиданно он буквально «провалил» финал — другого слова не подберу.

Ну а о первой ракетке мира Стефане Эдберге всегда говорила с восхищением. Все, что он делает, — правильно, хорошо, разумно. И ни малейшего признака «звездной болезни», не обошедшей, к сожалению, в общем-то очень неплохого Беккера. Говорят, что сумасшедшая слава не может не избаловать. А вот Эдберга не избаловала. Работает над собой постоянно, самоотверженно и неутомимо. И растет, улучшая свою игру буквально во всех компонентах, хотя, казалось бы, достиг уже всего. В частности, он заметно прибавил в игре на задней линии, где еще недавно испытывал явные трудности. Словом, первый в мире показал далеко не все.

О нашей отечественной элите мы привыкли получать довольно противоречивую информацию. То взахлеб писали о Чеснокове, то на него же обрушивались с упреками. То давали весьма серьезные авансы Зверевой,

то вдруг переходили на весьма сдержанный тон. Словом, подающие надежды у нас были всегда, но назвать тех, кто оправдал их сполна, пока не можем. И все-таки минувший сезон хотелось бы считать обнадеживающим.

— Так высоко мы еще не поднимались, — Шамиль Тарпищев отнюдь не голословен. — В ноябре прошлого года Чесноков стал 12-м в мировой таблице о рангах. Черкасов — 21-м. Волков — 24-м. Среди шестнадцатилетних первым в мире оказался Андрей Медведев. И он же замкнул шестерку сильнейших среди теннисистов в возрасте до восемнадцати лет. Наконец, команда юношей выиграла Кубок мира. Есть вроде бы резерв. Но многое настораживает. Сначала о ведущих. Чесноков, на мой взгляд, просто упустил свой шанс на открытом первенстве Франции, которое должен был выиграть, потому что это был его турнир по всем параметрам, в том числе по турнирной сетке. Но... опять в который раз сдался Леконту. Считаю, что по итогам прошлого сезона наш лидер должен был бы быть пятым-шестым в мире, а по задаткам ему и в тройку сильнейших войти по силам. Но... в последние полтора года Чесноков включился в настоящую гонку — турниры, турниры... без конца. А вот в технико-тактическом отношении, по моему, остановился. Сегодня он достигает результатов за счет обилия соревнований, знания противника, нервной системы, ставшей более устойчивой именно в силу накопленного опыта, но... не за счет роста мастерства.

Самым талантливым в нашей ведущей тройке считаю Волкова. Он очень быстр. И на быстрых кортах имеет уже солидное преимущество перед соперниками. Но, к сожалению, слишком много было упущено в детстве — работа ног, техническое оснащение. Даже самых талантливых молодых теннисистов поздно выпускать на международные соревнования в 18 лет. Нужно выходить значительно раньше — в десять-двенадцать. Когда наши юниоры выигрывают Уимблдон, их ровесники там уже не играют — они выступают среди взрослых.

И вновь А. Дмитриева готова во многом согласиться со своим коллегой.

— Мы, безусловно, сделали шаг вперед. Заметно лучше заиграл Андрей

Черкасов. Кстати, он единственный из наших теннисистов принял участие в престижнейшем турнире, проводимом в 1990 году впервые — финале турниров «Большого Шлема» с призовым фондом в 6 миллионов долларов, из которых победитель получил 2 миллиона. Только за участие в нем теннисисту полагалось 100 тысяч долларов, а отбирались они лишь по итогам турниров «Большого Шлема». Андрей играл в четвертьфиналах и завоевал это почетное право. Считаю, что работает он нормально. Бывают турниры, на которых этот теннисист просто неподражаем — как

БЫВАЮТ ТУРНИРЫ, НА КОТОРЫХ АНДРЕЙ ЧЕРКАСОВ ПРОСТО НЕПОДРАЖАЕМ

Эдберг. И по чисто человеческим качествам ставлю его очень высоко.

Бесспорно, очень способен Волков. Но, на мой взгляд, ему не хватает чисто спортивных качеств. Например, на открытом первенстве США он буквально разнес Эдберга, что стало сенсацией турнира. Но... потом «пролетел» буквально в одни ворота сопернику, даже имени которого не припомню. Не могу объяснить, в чем была причина — в настроении или в чем-то другом. Близко этого теннисиста не знаю, говорю лишь о впечатлении, производимом им на корте.

Не хуже был и наш лидер Андрей Чесноков, хоть и медленно, но все-таки и он прибавляет.

Словом, у мужчин можно говорить об определенном прогрессе. А вот у женщин ситуация приближается к критической. Уезжает Оля Морозова... Мы много говорим о правах наших спортсменов. И это справедливо. Но почему-то редко вспоминаем о бесправном положении тренера. Все, чего добилась Лариса Савченко, — заслуга Оли. Однако она давно уже не работает тренером, выступая в малооплачиваемой роли надсмотрщика, что ли, выбивавшей билетов, кассира, хранящего деньги... словом, в любой, кроме главной — тренера-наставника, профессионала. У нас уже просто потерял подобный критерий. А вот в Англии, как выяснилось, она понадобилась именно в этом качестве — и ей предложили прекрасный контракт на много лет — возглавить сборную страны. Он отвечает прежде всего ее сокровенному желанию — работать на корте. А дома... команды, как таковой, давно уже нет — каждый сам по себе зарабатывает деньги. Поэтому чувства ее мне понятны: что ей здесь делать?!

Равноценной замены Морозовой я пока не вижу. И иллюзий по поводу положения дел в женском теннисе отнюдь не питаю. Те, что уже есть, возможно, чуть прибавят. Например, Наташа Зверева, если... папа-тренер уяснит, наконец, что дочка-ученица профессионально его уже переросла и в их общих интересах обратиться все-таки за помощью к другому наставнику. Ей просто необходима помощь профессионала высокого класса. Я не изменила своего отношения к этой теннисистке. Говорила и готова подтвердить вновь, что это редкий талант. Она играет на ощущениях. И когда вдруг его теряет, — только подлинный профессионал может и объяснить и помочь. Габриэла Сабатини, хорошо отыгравшая минувший сезон, была во многом примитивнее нашей Наташи, которой зачастую просто не хватало последнего удара. И вопрос укрепления чисто физических качеств этой теннисистки, о чем говорила в прошлом году, пока остается открытым.

Ларисе Савченко 25 лет. Для женщин в теннисе это возраст, когда уже лишь поддерживают достигнутое, а не прибавляют. Ей частенько мешает собственный характер. И над повышением культурного уровня поработать не мешало бы.

Заметнее всех прибавила Лейла Мехси, вошедшая в двадцатку сильнейших. Возможно, она подойдет и к десятке, если... будет так же аккуратно себя вести. Обнадеживает окружение: прекрасный тренер Теймураз Какулия, очень грамотный профессионал; семья, дружная и все понимающая; муж, который помогает во всем...

А вот подающими надежды — не риску пока называть никого.

Хорошо. Тревожат женщины, но мужчины-то порадовали. Значит, в будущем сезоне хоть от них можем ждать большего? Однако в интонации Тарпищева оптимизма явно поубавилось.

— То, что было заложено, они выплеснули. Определенного успеха достигли. Теперь надо идти дальше. В недавнем прошлом все члены сборной проходили три обязательных сбора в год. Это нужно прежде всего им самим. Нельзя жить одними турнирами. Если удастся собрать всех и провести необходимый объем черновой работы, прогресс будет. Если же нет, итог однозначен: стабилизация результатов, а затем неизбежный спад. У меня это уже четвертое поколение теннисистов — я знаю, чем все это грозит и чем может кончиться. Не хотелось бы.

— Согласилась бы с Шамилем безоговорочно, — на этот раз вступает в спор Анна Дмитриева, — если бы... не знала, как проводится эта черновая работа. Да, она необходима — тут спору нет, но... кому ее вести? У нас катастрофически не хватает тренеров-профессионалов. О роли главного тренера сборной в наших сегодняшних условиях я уже упоминала в связи с судьбой Оли Морозовой. Тарпищев подобной участи тоже не избежал. Прекрасный организатор, великолепный психолог, он, одна-

ко, так же заматан бесконечными организационными проблемами. Не знаю, достанет ли у него сил и времени кропотливо и с полной отдачей работать на корте.

Все знают, сколько труда, времени, сил требует подготовка теннисиста. Не меньших затрат требует и подготовка тренера. Возможно, это должно быть одной из важнейших забот и главного наставника сборной?!

И вот тут мы неизбежно прикоснулись к сложнейшей и очень деликатной проблеме — взаимоотношениям наставников и повзрослевших их учеников. Людям, близким к спорту, здесь ничего объяснять не надо: первый тренер отдает своим подопечным себя целиком — растит, пестует, нянчит, терпит капризы, преодолевает трудности невероятные, заменяя порой родную маму. Но... неизбежно наступает момент, когда того, первого наставника, когда-то за руку выведшего крохотного мальчишку на корт, ему, повзрослевшему, становится уже недостаточно.

Я ни в коем случае не хочу никого обидеть — приглашаю лишь обратиться к опыту сильнейших: ведь никто из них не ограничивается единственным тренером, у всех есть целая команда. У Лендла, например, она насчитывает где-то человек десять. Первый наставник, наверное, нужен будет теннисисту всегда, особенно при его кочевой жизни — просто как родной человек, рядом с которым в любых условиях можно наладить и сносный быт, и получить ту необходимую каждому долю тепла, заботы, к которым он успел привыкнуть. Мне очень приятно, что наши ведущие теннисисты с таким почтением, уважением и благодарностью относятся к своим

У ЛЕНДЛА ТРЕНЕРСКАЯ КОМАНДА НАСЧИТЫВАЕТ ЧЕЛОВЕК ДЕСЯТЬ

нынешним тренерам. И порой просто жаль этих мальчишек, которые в силу своей порядочности не рискнут первыми заикнуться о привлечении профессионала высокого класса, который на определенном этапе уже просто им необходим. Если они действительно решили пробиться в элиту мирового тенниса. Может быть, именно взрослым необходимо сделать первый шаг, избавив своих подопечных от угрызений совести. Право же, стоит над этим подумать.

Раз уж прикоснулись мы к «деликатным проблемам», попробуем прояснить и еще одну, к которой в последнее время проявляется повы-

шенный интерес. Это повальное увлечение турнирами за рубежом, приносящими нашим спортсменам валюту. Их на первый взгляд пренебрежение соревнованиями в собственной стране. Насколько обоснованы и упреки, и даже обвинения в их адрес — в забвении чувства долга, в погоне лишь за высокими зарплатами?

Шамиль Тарпищев невозмутим:

— Будем откровенны: ни Госкомспорт, ни «Совинтерспорт», ни Федерация тенниса не в состоянии сегодня предложить спортсменам достойные условия. Им выгоднее иметь дело с местными предприятиями или кооперативами. Слишком много у нас дыр в законодательстве, а отсутствие единой системы налогообложения является главной причиной всей возникшей неразберихи. Госкомспорт, например, может предложить спортсмену лишь 50% его призовых денег, тогда как местное предприятие — значителен больше. И первого винить нельзя — он руководствуется документами, спущенными ему из Совмина. А в совместном предприятии все решает правление. Эти организации поставлены в совершенно неравные условия, при которых в худшем положении оказались именно государственные учреждения. И, естественно, спортсмены предпочитают иметь дело с теми, кто предлагает им лучшие условия.

Наши ребята играют сегодня в Кубке Дэвиса лишь потому, что хорошо относятся ко мне. А могут и не играть, потому что ни с одной нашей организацией у них нет договоров — никому они не обязаны. Вот Чеснокова осуждали, что он не играл на «Кубке Кремля», а он ведь ничего не нарушил.

Во всем мире это уже законченный процесс: чтобы спортсмен мог вести профессиональную работу, он должен заключить договор с федерацией. Ну а кто из наших теннисистов его подпишет, если мы ничего не можем ему дать! В теннисном же мире сегодня даже 50-й игрок уже полностью себя обеспечивает.

У тех, кто осуждает, доводы выглядят убедительно: пока были молодые — государство растило, вело, субсидировало, а потом, видите ли, им стало невыгодно иметь с ним дело. Не будем спешить. Выслушаем и другую сторону. Чесноков, например, мне признался, что не приехал на первый наш международный турнир, потому что ему неприятно играть при столь необъективной прессе, перед публикой, которая — стоило ему сорваться — тут же принималась его освидетельствовать, словно забывая, как он в свое время в одиночестве «тащил» Кубок Дэвиса. А Волков, которому во время долгой болезни никто ни разу не позвонил?! Нет, есть у него основания сказать с горечью: «Закончу играть — я никто!»

Анна Дмитриева продолжает ту же мысль.

— К сожалению, нас просто учили постоянно кого-то осуждать. А я не осуждаю. У каждого человека есть право выбора. И не все обязательно

должны быть героями, готовыми все отдать без остатка. Думаю, что нынешние, выбившиеся «в люди», материально с государством уже рассчитались. Однако в свое время из подающих надежды выезжало человек двадцать. Пробились наверх единицы. Так почему же с них хотят получить за всех двадцать?

И все-таки морально-нравственные критерии предавать забвению тоже нельзя. Очень важно, конечно, чтобы спортсмен, достигнув определенной вершины, стремился и что-то создать. Меня, например, огорчает, что наши теннисисты мало участвуют в благотворительной деятельности. Но, повторяю, могу огорчаться, а осуждать права на себя не беру. Равно как и не брошу камня в Наташу Звереву, не участвующую в турнирах у себя дома. Она пока не может подняться выше своих обид на Госкомспорт, «Совинтерспорт». Скорее, это больше беда ее, чем вина. Надеюсь,

НЕЗАВИСИМОСТЬ У ФЕДЕРАЦИИ ЕСТЬ, ДА НЕТ... ИГРОКОВ

что со временем сама все поймет.

Итак, насколько я поняла, ситуация сложилась критическая. Но неужели совсем безвыходная? — Шамиль Тарпищев говорит явно о наболевшем.

— Если бы четыре года назад, когда я так настойчиво доказывал необходимость создания независимой Федерации тенниса, нам бы удалось ее создать, — сегодня не оказались бы в столь плачевном состоянии: долгожданная независимость почти получена, но... федерация осталась без игроков. Все уже повязаны зарубежными контрактами. Хотя, если правильно вести бизнес, можно вполне обойтись и без этих денег наших спортсменов. Я — за то, чтобы отдать им честно заработанное. Все федерации существуют за счет турниров. Ведь любая организация живет лишь при условии, что в нее идут добровольно. Вот нам и надо думать над тем, как работать, чтобы выжить и дать спортсменам достойные условия, дабы не потерять еще одно поколение.

Сколько трудностей ждет впереди, прекрасно понимаю. Основной доход федерации вижу в проведении серии турниров с призовым фондом не менее 350—400 тысяч долларов, причем с доведением за пять лет этой суммы до миллиона. Аналогичный женский турнир должен сначала иметь призовой фонд не менее 250 тысяч долларов. В перспективе тоже надеюсь вести счет на миллионы. И это не утопия. Надеюсь и на доходы от издательской деятельно-

сти. Думаю, что на первом этапе нам этих средств хватило бы для развития тенниса в стране. Ну а на втором этапе мечтаю о строительстве Теннисного центра, организации собственного производства. Конечно, поначалу очень не помешают спонсорские деньги. Только у нас пока весьма странно понимают само понятие «Спонсорство». «Московские новости», например, вложив средства, хотя непременно получат в полтора раза больше. В цивилизованных же странах спонсор преследует иные цели: он не о доходе думает — он дает Имя!

Первый опыт организации коммерческого турнира у нас уже есть. Правда, о том, что пришлось пережить при подготовке и проведении «Кубка Кремля», даже вспоминать страшно. Я, конечно, знал, на что шел. Но взялся за это дело, чтобы не провалить столь долго вынашиваемую идею, не дать ей заглохнуть. Конечно, прими в нем участие Андрей Чесноков плюс еще четыре-пять звезд — Беккер, например, — это уже было бы иное качество, возможно, была бы трансляция на ФРГ. А отсюда выстраивается уже стройная цепочка — дополнительные средства. Не потеряй федерация еще до своего рождения собственных звезд, была бы возможность организации показательных турниров — еще деньги. Вот для чего она нам нужна, собственная элита, а не для того, чтобы урвать побольше из заработка теннисистов.

Думаю все-таки, что это поколение уже потеряно. А тут и у совсем зеленой молодежи соблазны появились — шестнадцатилетним предлагают контракты на сотни тысяч долларов. И пусть сами они их подписывать еще не имеют права, — мамы подпишут. Словом, работа впереди колоссальная. Очень важно ее делать грамотно. А для этого необходимо, чтобы нас понимали. Сейчас взаимопонимание как будто намечается — Госкомспорт уже идет навстречу. И это обнадеживает.

Точку в нашем долгом разговоре ставит Анна Дмитриева.

— Главная болезнь нашего тенниса в том, что слишком много у нас сейчас людей, мыслящих старыми категориями. Их нельзя винить, они прожили жизнь в таких условиях и не могут мыслить иначе, хотя и искренне желают добра. Но, пожалуй, еще больше тех, кто просто присосался к теннису, ибо здесь хорошо, тепло, чисто, уютно. И уж совсем обидно, что первые, которых назвала бы искренними консерваторами, оказались вместе с ними.

Нужны новые люди. Конечно, чистые на руку, ибо новая независимая федерация должна зарабатывать деньги. Естественно, со временем те, кто добросовестно в ней поработают, не останутся внакладе. Но пока об этом думать рано. Федерация создается с нуля. Согласно с Тарпищевым, что нынешнее поколение наших сильнейших для нее потеряно. Поэтому нам как воздух нужны деловые люди. И на первых порах бескорыстные. Мысли работников новой федерации должны быть

обращены прежде всего на жизнь внутри страны. Отечественный теннис должен развиваться не на пожертвования, а на то, что сумеем создать сами. Предстоит создать клубную систему, наладить издательскую деятельность... Потому вновь и вновь возвращаюсь к тому же — нужны люди, желающие создавать, а не только питаться от этого. И у нас такие есть, хотя их пока мало. Но... необходимо, чтобы этих людей в федерацию еще избрали. Не сомневаюсь — старые силы сделают все, дабы их туда не пустить. Вот почему вновь согласна с Тарпищевым: борьба предстоит долгая,

трудности впереди неисчислимые...

Думаю, что состоявшийся разговор в пространном заключении не нуждается. Да, вновь говорили мы в основном о трудностях, но столь привычного чувства безнадежности все-таки не осталось. Ведь еще вчера на что мы жаловались? — Не хватает мячей и ракеток, тапочек и пристойной формы.

Теперь заговорили о вещах принципиально иных — о создании клубной системы, строительстве теннисного центра... Вчера жаловались на вечную нехватку средств. Сегодня

размышляем о том, как их заработать, причем самим. И все чаще, настойчивее звучали в этом разговоре совсем уж непривычные для нас слова: коммерческие турниры, издательская деятельность. Даже доходы предстоящие подсчитывать начали — миллионы в этих подсчетах замескали. И пусть пожмет плечами скептик: рановато, мол, не будем оглядываться на скептиков. Главное — начать. И, как мне кажется, мы уже начали...

Диалог записала Татьяна БЕЛЯЦКАЯ

ПРОФИЛЬ-91

КОЗЕРОГ — ЗНАК УСПЕХА?

Такое предположение по крайней мере можно сделать по итогам сезона 1990 года, в котором Стефан Эдберг стал первой ракеткой мировой классификации. Итак, несколько штрихов к портрету представителя именно этого созвездия Зодиака.

День и место рождения: 19 января 1967 г., Вастервик, Швеция. Живет попеременно в Вастервике и Лондоне.

Физические данные: рост 188 см, вес 72 кг.

Правша, холост.

Послужной список в турнирах «Большого Шлема»

Открытый чемпионат Австралии — 1/4 финала в 1984 г., победа в 1985 г., 1987 г. Франции — 1/4 финала в 1985 г., финалист 1986 г. в паре с Андресом Ярридом.

Англии — 1/2 финала 1987 г., победа в 1988, 1990 гг.

США — 1/2 финала 1986 г., финалист того же года в паре с Ярридом.

Позиция в мировой таблице о рангах: 1982 г. — № 523, 1983 — № 53, 1984 — № 20, 1985 — № 5, 1986 — № 5, 1987 — № 3, 1988 — № 3, 1989 — № 3, 1990 — № 1 (на первое ноября).

С начала профессиональной теннисной карьеры с 1982 г. заработал около 3 млн призовых денег. На вопрос, почему он не живет в Монте-Карло, как большинство теннисистов, Эдберг ответил: «Я просто не люблю этот город. Зато обожаю Лондон и мою трехкомнатную квартиру». Отец Стефана, Бенгт Эдберг, работает полисменом в Вастервике, городе на юге от Стокгольма, который лежит на самом берегу Балтийского моря. Мама Барбара занимается домом. Когда Стефан путешествует по миру, выступая на очередных турнирах, он, как послушный сын, звонит домой как минимум два раза в неделю: «Я постоянно помогаю семье деньгами, зато близкие отвечают поддержкой, так необходимой в трудные мину-

ты. Часто слышу их слова: Ты — самый лучший! Помни об этом! Ничто не может повергнуть тебя в депрессию! Или что-то в этом роде, особенно после проигрыша. Завтра будет новый, совершенно иной день! Это поддерживает меня...»

Он не курит и вообще не употребляет алкогольные напитки. Стефан холост, но у него есть «гёрлфренд» — 23-летняя шведка Анетт Олссен, с которой Эдберга познакомил в свое время Матс Виландер. На вопрос, собирается ли он жениться, Стефан ответил, что для этого слишком молод и хотел бы еще немного поиграть в теннис. Если бы Анетт настаивала на этом, то, он считает, их союз вскоре бы распался.

Стефан любит спокойную, тихую музыку. О музыке типа «хэви-метл» имеет однозначное мнение: «Я не могу это слушать, через пару минут мне кажется, что у меня лопается голова». Зато в восторге от ансамбля «Дайе Стрэйтс», любит «Генезис», «Симпл майндс».

Какие фирмы опекают Эдберга? «Адидас» одевает чемпиона с ног до головы и обеспечивает прекрасной коллекцией ракеток. Стефан носит часы фирмы «Эбель», ездит автомобилями марки БМВ, бесплатно пользуется авиалиниями SAS. Кроме того, рекламирует сладости «Сникерс» и «Припс».

Среди коллег-теннисистов Эдберг больше всего дружит с Матсом Виландером. Оба обожают хоккей и ценят его даже выше тенниса. Отдыхать предпочитает, как и многие шведы, в местах теплых, экзотических, например на Канарских островах.

Стефан Эдберг о себе: «Я — спокойный, застенчивый, несмелый. Легко бросаю дело на полпути. Например, Ноа или Макинрой имеют свой собственный имидж на корте, полный темперамента. Они запросто отпускают шуточки, валяют дурака. Я так не могу. У меня

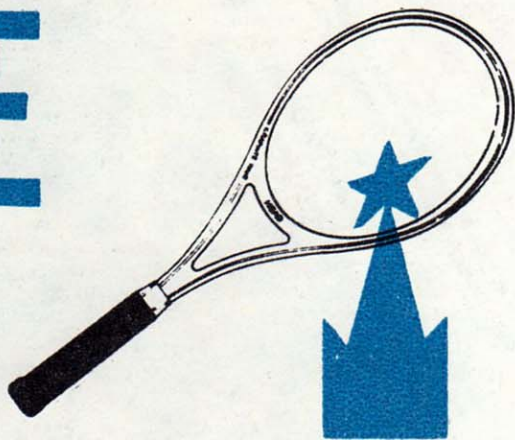

это выглядело бы ненатурально. На площадке я прежде всего играю в теннис. Знаю, что часто произвожу впечатление несколько расстроенного, подавленного различными мыслями и чувствами, опустившего голову. Но это не длится долго. Через несколько минут я беру себя в руки, поднимаю голову, стараясь скрыть минутную слабость или нервозность. У меня просто нет иного выхода. У меня принцип: играть до конца на солидном уровне, несмотря на результат. На улице стараюсь оставаться незамеченным. Если это удается — я доволен. Люди слишком много говорят о Лендле или Беккере. Это настолько влияет на них, что они чувствуют себя стесненными, раздраженными, безрадостными. Популярность утомляет, ограничивая свободу».

Тренер Эдберга, англичанин Тони Пикард, бывший член сборной команды Англии в Кубке Дэвиса, считает Эдберга талантом (или бриллиантом) чистой воды: «Он хорош и в других видах спорта. Таким асам, как правило, не хватает дисциплинированности, настойчивости, упорства. Но это не относится к Стефану. При всех его достоинствах он еще и рассудителен, откровенен, самокритичен. Все это черты чемпиона».

ЕЛЕНА ЕРМИШКИНА-ЗИКМУНД

ВПЕРВЫЕ ПЕРВЫЙ

На уфимских улицах уфимца Андрея Черкасова пока не узнают. Автографы не просят, цветов не дарят. Пока. Зато в Москве ему стоя аплодировали российские лидеры: Борис Николаевич Ельцин и Иван Степанович Силаев. Вместе с властью предрержащими Черкасова приветствовал весь стадион «Олимпийский» — в четвертьфинальном матче «Кубка Кремля» в двух тяжелых сетях уфимец сломал сопротивление восьмой ракетки мира Эмилио Санчеса.

«Черкасов здесь любимец публики», — заметил второй финалист американец Тим Майотт, которого, в свою очередь, советские болельщики поддерживали активней, чем его соперника по четвертьфиналу Александра Волкова. В финале московского турнира Черкасов на одном дыхании победил и Майотта. Судя по всему, «Андрей второй» не собирается засиживаться на вторых ролях.

Его тренер Наталья Рогова вспоминает, что стремление к первенству во всем, даже в эстафетах, было едва ли не единственной отличительной чертой восьмилетнего новичка. В группе Натальи Леонидовны занимались мальчики быстрее и сильнее будущего чемпиона.

«Сначала с ним было просто интересно работать, — вспоминала Рогова, — но в девять лет я уже знала: из Андрея будет толк».

То, как эта милая женщина проводила наборы своих учеников, достойно удивления. Она принимала всех: и тех, кто проходил отборочные тесты, и тех, кто не проходил, но очень хотел играть в теннис. На вопрос об индивидуальном тренерском чутье на чемпионов Наталья Леонидовна ответила очень просто: «Больше всего меня подкупали хорошенькие глазки, симпатичным детшкам я отказать не могла».

Весь советский теннис последних лет построен на таких удивлениях. Кто бы мог подумать, что вчерашняя студентка Татьяна Наумко вырастит лучшего игрока страны, теннисиста первой десятки мира Андрея Чеснокова. Никому и в голову не приходило, что чудак Марат Зверев, выгоняемый вместе с дочерью из родного общества за «устаревшие взгляды», выведет Наташу в лидеры мирового тенниса.

Так и Наталья Рогова, никогда не имевшая намерения воспитать чемпиона и желавшая только одного — чтобы ее ученики выросли хорошими людьми, неожиданно получила от судьбы в подарок очень одаренного ребенка. И в совершенно не теннисной Уфе, имевшей по паре закрытых и открытых кортов и единственную на весь город теннисную спортивную школу, сумела довести Черкасова до «тридцатки» лучших теннисистов мира.

«Вызывает восхищение то, что при отсутствии хорошо разработанной и материально подкрепленной программы подготовки теннисистов у нас есть прекрасные результаты. Многие страны мира, имея все условия для развития этой игры, не вырастили ни одного теннисиста экстракласса», — заметил Джин Скотт, директор «Кубка Кремля».

Начинающим тренером Наталья Рогова ездила на все методические сборы, прилежно учила труды нашего заслуженного теоретика С. П. Белиц-Геймана и, по собственному признанию, поимела все те ошибки, которые допустил в свое время Семен Павлович. Позже появилась возможность читать не только советскую литературу — кругозор расширился, изменились взгляды. «Чтобы победить соперника, надо обладать арсеналом нетипичных ударов, — убеждена Наталья Рогова. — Все великие теннисисты, вспомните Борга, отличались оригинальной техникой».

Маленький Черкасов поразил всех нестандартным ударом справа: сильно закрытая хватка ракетки, ярко выраженное вращение туловища вокруг правой ноги. Но именно таким способом он мог бесконечно долго выматывать соперника. Справа Черкасов практически не ошибается. «Мало кто из сверстников, — писал в сборнике «Теннис» Виктор Янчук, — имеет шансы на успех в игре с этим самообытным, цепким, напористым и самоотверженным игроком». Тренер пошла на поводу у своего ученика и в этом проявила бесценную мудрость. Она не стала переделывать Андрея под классические каноны, а дала возможность таланту раскрыться так, как ему того хотелось. Прошло пять лет, и слова Янчука, сказанные о подростке, подтвердились на взрослом уровне.

1987 год Черкасов закончил третьим юниором мира, а в 19 лет вошел в первую сотню лучших теннисистов-профессионалов, обогнав по этому показателю Андрея Чеснокова, преодолевшего сотенный рубеж двадцатилетним.

Год 90-й Андрей начал с сенсационного выступления на чемпионате Австралии. Его победная серия из четырех матчей была прервана только в четвертьфинале, и только Иваном Лендлом.

Лендл оценил советского теннисиста еще юниором. Два года назад в Антверпене предложил вместе потренироваться. Андрей смотрел на великого чеха во все глаза и запомнил каждую мелочь, даже то, как быстро Лендл старался вводить мяч в игру, не теряя времени на побочные дела, как был собран и настроен на работу.

Черкасову тоже не откажешь в целеустремленности и трудолюбии. Правда, на занятия по общефизической подготовке его терпения не всегда хватало. «Андрей не приемлет монотонности, — признала Наталья Леонидовна, — того, что требует долгого повторения, например отработки отдельных элементов. Тут ему приходится себя заставлять».

За чемпионатом Австралии последовали победы в разных турнирах. Но понастоящему советский теннисист заявил о себе на открытом чемпионате США. «Черкасов? — переспросил меня знаменитость американской теннисной журналистики Бад Коллинз. — Он блестяще вошел в восьмерку на Ю-Эс оупен». Четвертьфиналист двух турниров «Большого Шлема» — на сегодня это визитная карточка Андрея, так же как и победы над Анри Леконтом и Майклом Чангом.

Восьмерка, наверное, счастливое число в его гороскопе. На пяти турнирах «Гран-при» подряд, с июля по октябрь, он выходил в четвертьфиналы, где ему противостояли Андре Агасси, Джон Макинрой, Борис Беккер. Если проигрывать, то только сильнейшим. В этом солидном послужном списке не хватало одного — победы на крупном турнире. И он ее одержал на «Кубке Кремля», первом турнире теннисистов-профессионалов в СССР.

Наталья БЫКАНОВА

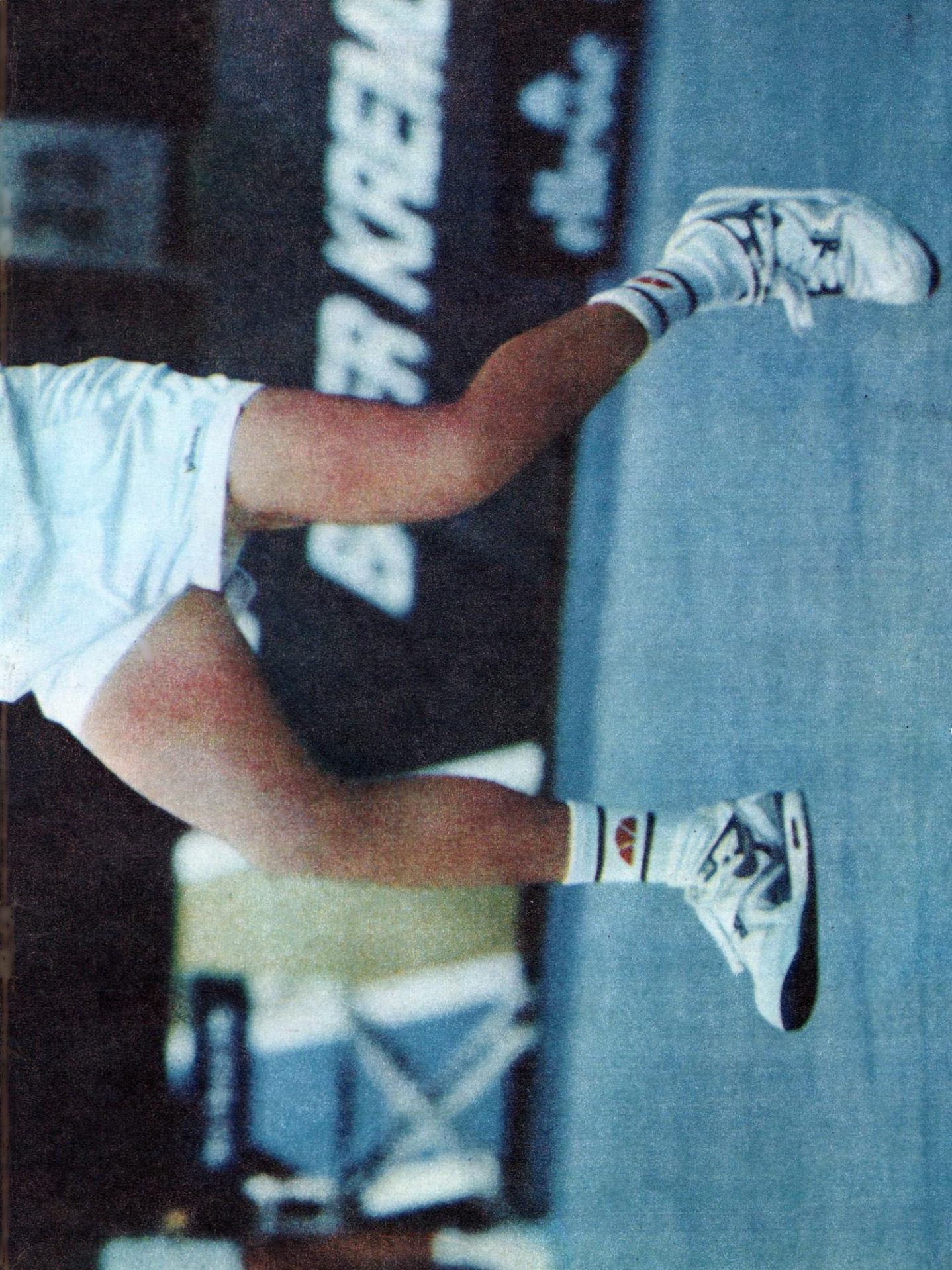
портретная
галерея

Андрей Черкасов войдет в историю тенниса как первый победитель первого Московского международного турнира «Кубок Кремля»

фото Андрея ГОЛОВАНОВА

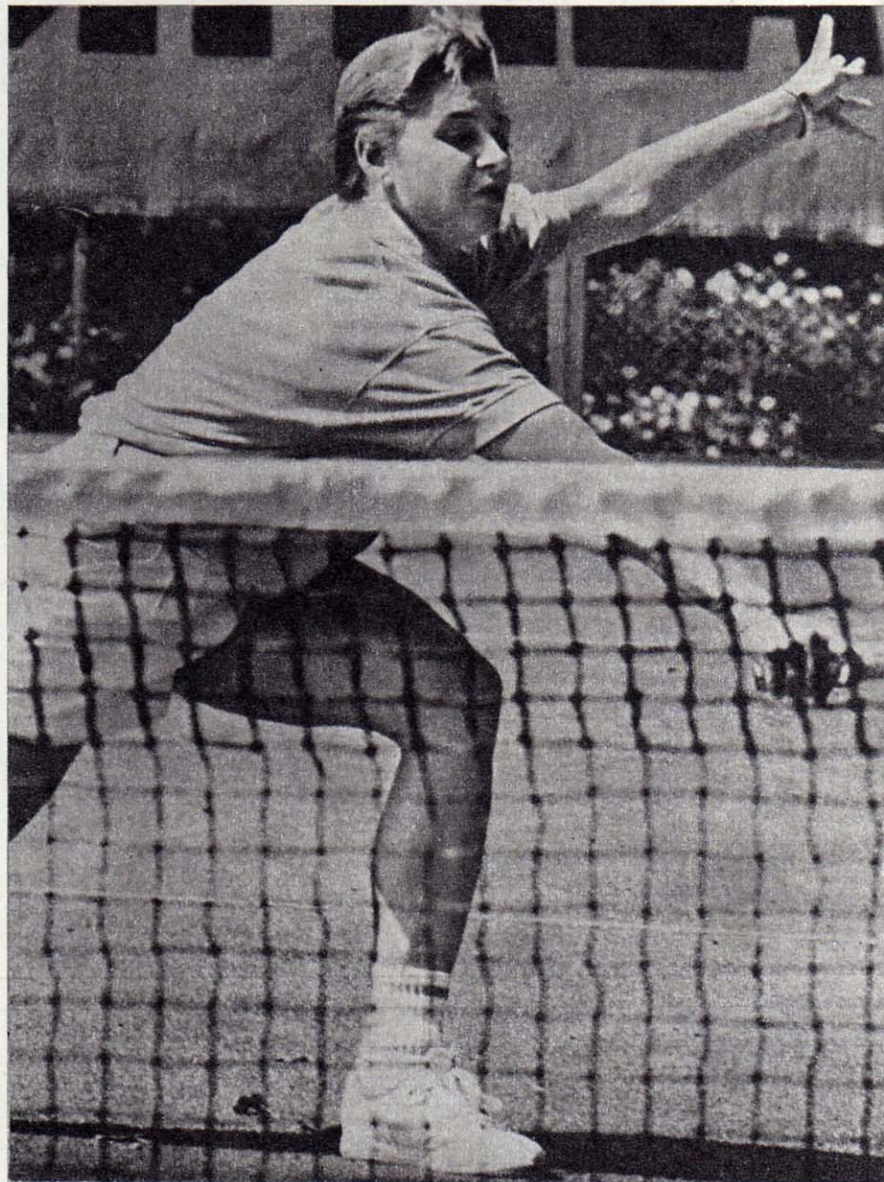

ИНТЕРВЬЮ
ДЛЯ ОТКРОВЕНИЙ

ЦЕЛЬ- НЕ МИЛЛИОН

(БЕСЕДА С ЛАРИСОЙ САВЧЕНКО)

Довольны ли вы своей нынешней жизнью?

— Ничего себе вопрос!.. Как говорится, с места в карьер... Да, несомненно, да. Довольна. Я счастлива в личной жизни. У меня муж, с которым мне приятно быть рядом. Хорошо, если бы и мама была ближе. Но сейчас все складывается так, что я редко вижу маму. Она живет в другом городе, во Львове, где я выросла.

У нас — своеобразные условия жизни. Мама — на Украине, мы с Аликом снимаем квартиру в Москве, в Ясенево, пока строится наш дом в Юрмале — муж мой латыш. А вообще у меня интересная жизнь, современная, динамичная — можно и так оценить ее, с взлетами и падениями и не знаю, чего сейчас больше. Сумбурная, правда, в чем-то жизнь, но ведь я сама ее выбрала...

— Уже несколько лет вы, Лариса, крутитесь в цикле профессиональных турниров, замкнуты в бесконечном его беге, где едва ли возможна длительная передышка. Не надоела ли эта жизнь, где перемешаны корты и авиарейсы из одной точки земного шара в другую, тренировки и снова дальние дороги?..

— Случаются, знаете... такие эпизоды, моменты, когда все то ли приедается, то ли просто утомляет, и тогда моя судьба кажется мне не слишком, скажем, привлекательной. Но рядом со мной надежные люди — муж, тренер Александр Сергеевич Богомолов, много повидавший в теннисе. Они видят, как и сколько я работаю, знают, что я во многом человек настроения, и, наверное, потому находят пути поддержать меня, не дать пасть духом. Вот минувший, например, год, 1990-й... И работала вроде бы как надо, и старалась, но не шла, не получалась игра, и все тут... Не стану, конечно, плакаться, не буду жаловаться. Не одни только неудачи

были. Что-то и получалось... Чуть ли не в каждом турнире в паре играла финал, случалось, что мы с Натальей Зверевой и побеждали. Тренер, муж, другие близкие мне люди убеждали, что не все потеряно: мало ли как складываются обстоятельства. И это ободряло меня, поддерживало в моменты сомнений, тоски, дурного настроения...

И все же... Все же в одиночном разряде игра не клеилась. И оттого-то заметно опустилась на компьютере женской теннисной ассоциации (ВТА)...

— Огорчаётесь, когда проигрываете?..

— Когда как. Если в 1989-м старалась выиграть все, что было по силам, рвалась к вершинам турниров, то в следующем году, трезво оценивая силы и возможно-

сти, степень своей подготовленности и уровень спортивной формы, понимала, что не имею права претендовать на многое. Но вместе с тем и в такой ситуации я настраиваюсь на каждый матч. Выигрываю — нередко — с большим трудом, собирая успех, победу буквально по крупинкам. Каждый матч — это сейчас для меня внутренняя борьба. Оговариваюсь — было бы неверно думать, что я не подготовлена, не готовлюсь. Работаю, тренируюсь. Стараюсь все выплеснуть, но очень тяжело, очень...

— Чем же это объясняется?

— Может быть, причина в неудачном начале года. Была травма спины. Лечилась в Нью-Йорке. Там меня поставили на ноги за минимально, видимо, возможные сроки. Врачам достался нелегкий пациент — я не только не могла двигаться, встать не могла.

— И дорого обошлось лечение?

— Точно не знаю. Моя страховка дала возможность лечиться, не думая о деньгах...

Хотел бы напомнить тем читателям, которые, быть может, не следили прежде за успехами Ларисы, что она бывала на компьютере и выше. Уже пять лет Савченко по праву входит в элиту мирового тенниса, к которой обычно причисляют первые пять-десять ракеток мира. Напомню, что 1986 год Лариса закончила двадцать шестой, по итогам следующего сезона она — двадцать четвертая, 1989 год Савченко начала шестнадцатой ракеткой мира, а 1990-й — двадцатой. Наивысшая ее позиция в мировой таблице о рангах в одиночном разряде — тринадцатая: она вышла на нее 23 мая 1988 года. Про успехи же Савченко в парном разряде, наверное, наслышаны многие. Лариса вместе со Зверевой выиграла в 1989 году один из турниров «Большого Шлема» — открытый чемпионат Франции, не однажды попадала эта микрокоманда и в финалы других турниров «Большого Шлема», в том числе и Уимблдона. На счету Зверевой и Савченко победы в парном разряде в десятке крупнейших международных турниров.

— Пока вы вспоминали только своего личного тренера Богомолова. А какие были отношения со старшим тренером сборной СССР?

— Да, теперь приходится говорить в прошедшем времени. Наш старший тренер ныне работает в Англии. Ольга Васильевна Морозова возглавляла национальную команду СССР много лет и, естественно, оказала на всех нас немалое влияние. Она руководила нашими тренировками, подсказывала, как готовиться к турнирам, какую избирать тактику на матчи с теми или иными соперницами. Все сборы, почти весь подготовительный процесс проходил под ее контролем... Отношения? Не всегда все было идеально. В чем-то мы и расходились. Что-то не устраивало меня, что-то, напротив, вызывало ее протест. Так бывает. Тем более когда взрослеем, набираемся опыта и по своему начинаем оценивать и теннис, и все, что с ним связано. В предыдущем составе сборной я, пожалуй, чаще дру-

гих не соглашалась с Ольгой Васильевной. Наверное, это объясняется не тем, что я считала себя самой квалифицированной или самой знающей. Все проще. Скорее — это следствие моего характера и темперамента. Именно потому я заметно чаще других и «выступала», могла сказать все, что думаю. Мы и спорили, и, бывало, ругались...

— Остальные были более покладисты?

— Случалось, все возмущались тем или иным решением тренера, однако продолжали делать то, что нам сказали. Решительности достаёт не всегда...

— А ваш личный тренер работал в полном контакте со старшим тренером сборной?

— Вероятно. Не берусь судить точно, но мне кажется, они находили общий язык. Уверена, что Саша обращался к Морозовой за какими-то советами, иначе успешно работать просто невозможно. Она многое знает: и по плану турниров, и о том, как готовиться на сборах, как играть в подготовительном периоде и т. д. Ольга Васильевна, несомненно, знающий специалист...

— Теннисистка, выступающая постоянно в профессиональных турнирах, связана со многими людьми. Не только с тренерами, но и с юристами, деятелями союзных и международных организаций. В последнее время едва ли не признаком хорошего тона было обругать «Совинтерспорт», призванный представлять наших спортсменов на международной арене. А ваши отношения с этой организацией? Ваши интересы представляет Ай-Эм-Джи — «Интернэшнл менеджмент групп». Поддерживаются ли какие-то контакты между этими двумя фирмами?

— Не могу ответить на ваш вопрос. Наверное, поддерживаются, но точно не знаю. У меня нет абсолютно никаких контактов с «Совинтерспортом» — ни один человек за последнее время, год-полтора, может быть, два, не позвонил, не встретился, не поговорил со мной. Никому я не нужна и не интересна. Не знаю ни одного представителя этой организации.

— Так уж и ни одного — а Александр Иванович Наумко?

— Так он для меня не из «Совинтерспорта», а из отдела тенниса. Хотя, конечно, знаю, что год назад он перешел на новую работу, стал директором московского женского турнира, раньше из серии «Вирджинии Слимз», теперь из цикла «Крафт дженерал фудс». Знаю, что и зарплату ему платит теперь «Совинтерспорт». Однако знакомством с Наумко и ограничиваются все мои контакты с фирмой...

— Но это, насколько я наслышан, не мешало вам поддерживать вполне корректные отношения со спортивными организациями — имею в виду финансовые расчеты.

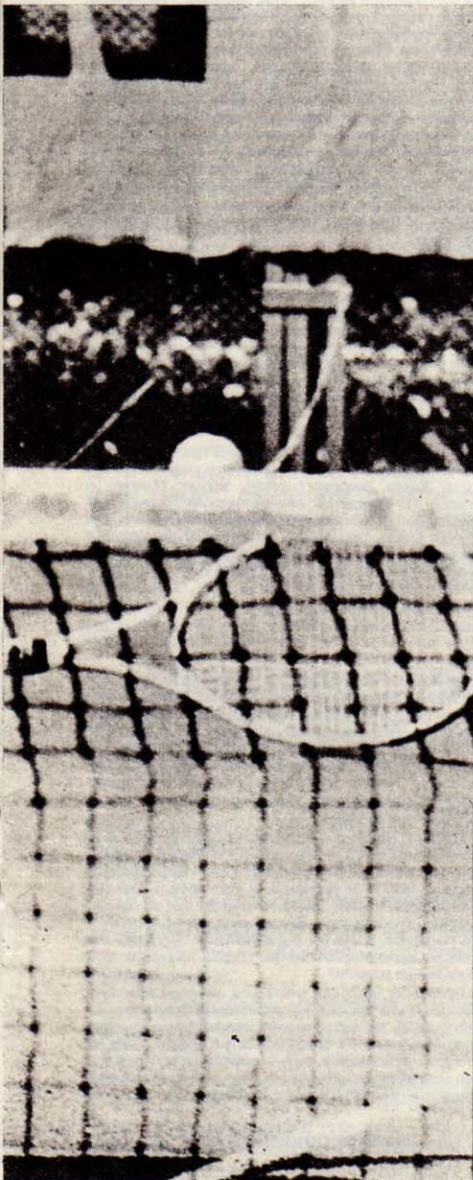

Фото Игоря УТКИНА

— Я отдаю все, что предложено мне было федерацией тенниса, хотя прекрасно, конечно, знаю, что федерация эта валюта не попадает: насколько же можно, оказывается, затянута признание федерации в качестве юридически и экономически самостоятельного, по-настоящему ответственного и деятельного органа. Но совсем не убеждена, что это для меня оптимально выгодное и разумное в нынешних условиях решение. Наталья Зверева и Андрей Чесноков перешли на полную хозяйственную «независимость», так сказать, на хозрасчет, и ничего — хуже им не стало. Добавились, конечно, какие-то хлопоты, но, может быть, это та овчинка, что стоит выделки? Уж слишком велика разница между тем, что оставляют они себе, и тем, что достается мне.

Но вместе с тем хорошо понимаю: положение в женском теннисе заметно отличается от того, что в мужском. И не только потому, что у них выше призовые фонды. Но и в силу того, что у мужчин с января 1990 года организаторами турнира оплачивается чуть ли не все — и отель, и питание. Теннисисты тратятся только на дорогу. У нас же пока этого нет, лишь с нынешнего года начнут пробовать новшества, но помню, два или три турнира будут содержать спортсменов полностью, и потому у женщин расходы больше.

Пока я в раздумьях. Хотя хотелось бы определить, если хотите — стабильности...

— Но ведь новое законодательство, действующее в стране с 1 июля, когда по мере увеличения зарплаток резко возрастают проценты взимаемых налогов, заставляет вас трезво оценить сегодняшние преимущества контрактов, предлагаемых Госкомспортом, который имеет право брать с вас те же налоги, что брал и раньше, то есть те же двадцать процентов. Двадцать, согласитесь, не шестьдесят...

— Да, здесь есть над чем подумать, но я пока не готова дать ответ, как поступлю завтра. Надо думать, надо считать... Понимаю, это вроде бы звучит не слишком привычно: у нас не принято было рассуждать о выгоде, о расчете, хотя во всем мире это не считается чем-то предосудительным... Буду думать...

— Стало быть, отношения с Госкомспортом, федерацией, «Совинтерспортом» будут «выясняться»... Так же, видимо, как и отношения с нами, журналистами. Читал, вы обижаетесь на те статьи и комментарии или реплики, где вас укоряют в недостатке патриотизма — так толкуют ваш отказ участвовать в чемпионатах страны. Говорят, вы, мол, привыкли к большому гонорарам, к значительным призовым фондам и именно потому не играете в стране...

— Деньги считать надо, но в этом случае дело, как я уже устаю повторять, не в деньгах. Главное — планы и самочувствие спортсмена в то или иное время. И если уж что мы считаем (по крайней мере я), то в первую очередь очки, которые зарабатываем на международных турнирах и которые определяют наш рейтинг. Но журналисты почему-то постоянно смещают акценты. Вот свежайший пример — начинается московский турнир из серии «Крафт дженерал фудс», и представительница Женской ассоциации тенниса (ВТА) объясняет, почему Наташе Зверевой не показилось интересным сыграть в Лужниках. Бренда Перри, тур-директор, достаточно четко разъяснила, что к чему, сколько очков можно заработать в турнире с призовым фондом в сто

тысяч долларов, и тем не менее вечером по телевидению нам говорят о другом, о том, что Наташе показался незначительным гонорар. Да поймите же ради бога, что не в деньгах дело. И не в соперницах, которые приехали в Москву. Даже если бы играли здесь Граф и Навратилова, Сабатини и Селеш, все равно победа давала бы те же самые 110 очков, которые положены в турнирах такого ранга — четвертой и пятой категорий...

Я далека от журналистики, однако чуть ли не по любой статье могу безошибочно определить, насколько ее автор разбирается в теннисе, насколько в нем заинтересован. Беда в том, что немногие пишут пока об этом виде спорта. Теннис не сформировал такую группу знатоков, какая существует в футболе. Более того, даже журналисты, давно освещающие теннис, в сущности, глубоко равнодушны к нему, да и к теннисистам тоже. Не обо всех, конечно, говорю... Подождите, подождите... Я не хочу вас обижать, понимаю, что вы сейчас выступите в защиту коллег, и все-таки назову вещи своими именами...

— Минутку, минутку, давайте все-таки не станем это делать... Ведь я буду в неловком положении...

— Ну, тогда предлагаю все отметить: вы же сказали, что журнал предложил мне выступить в разделе «Интервью для откровений». Я, конечно, скажу не все, только то, что считаю сейчас нужным, но все-таки не лишайтесь меня слова.

Патрикеев часто пишет такое, что мы диву даемся: ведь он около тенниса давным-давно — сколько себя помню, столько помню и эту фамилию. Он же сидит почти на каждом турнире, он же слушает наши и наших тренеров объяснения.

Если пишешь о чем-то, надо вникать в суть проблем того вида спорта, в котором ты специализируешься... И по крайней мере — выслушивать другую сторону, не только слушать, но и слышать... Журналист давно в теннисе, но это, как я считаю, означает только одно — надо развиваться в той же мере, в какой развивается теннис.

Конечно, можно убедить себя, что не следует обращать внимание на явные несуразицы. Когда, например, тот же Патрикеев пишет что-то несусветное, то мне это раньше было просто смешно, как и любому знающему суть дела человеку. Но в последнее время все чаще я думаю иначе — а ведь значительно большинство читателей верят журналистам, ибо они не представляют, где и в чем правда. У нас, вы знаете, печатки привыкли верить. Повторю, я не специалист в этой области, только читатель, и не берусь судить обо всех журналистике, хотя бы и одной лишь спортивной. Говорю сейчас только о том, что посвящено теннису. Так вот, мне кажется, что теннисной журналистики в стране вообще не существует. Не обижайте, ладно? Не странно ли, что самые убедительные и бесспорные для меня статьи о теннисе встречаются в «Правде»? А почему не в спортивных изданиях? Да и изданий специальных, посвященных теннису, нет. Пришла вчера сюда, на турнир, с журналом «Новое время» и люди, не рассмотрев, что у меня в руках, подошли один за другим — не теннисный ли журнал наконец-то появился? Составляемый вами «Альманах» слишком долго готовится — пока попадет к читателям, многое устареет.

Все ждут какой-то новинки, а ее нет и нет. В любой, наверное, европейской или американской стране есть теннисные журналы, ежемесячные или даже еженедельные, а мы все еще чего-то ждем, о чем-то спорим...

— Обоснованны ли предположения, что лидеры больше никогда не будут выступать в чемпионатах страны по теннису, по крайней мере до той поры, пока эти чемпионаты не станут открытыми?..

— Ерунда это. У каждого игрока решение будет определяться реальными, так сказать, сегодняшними обстоятельствами. Я, например, если вы и меня относите к лидерам, убеждена, что буду играть в союзных чемпионатах. Но, конечно, надо менять статус наших турниров. Уже и городов вроде бы

закрытых нет — всюду дозволено ездить иностранцам, а теннисные соревнования у нас по-прежнему только «для своих». А почему бы и наши чемпионаты не открыть? Призовой фонд? Если постараться, то можно найти. Вот «Про Сёрв» едва не сорвал наш женский турнир, но ведь «Совинтерспорт» все-таки выручил. А если не чрезвычайные обстоятельства, если плановая подготовка? Уверена, валюту найти можно. Это ведь пока в долг — потом же, при нормальной организации все окупается. И с лихвой. Многие национальные федерации живут именно за счет турниров.

Надо только, чтобы спортсменам было интересно, чтобы на нашем чемпионате страны можно было, как во Франции или Австралии, как в Италии или США, зарабатывать очки — ВТА или АТП. Может быть, зрителям и интересно увидеть Чеснокова или Звереву. Но самим-то спортсменам тоже должно быть интересно. Ну сколько можно играть только между собой, только со своими!

Не подумайте, что у меня сегодня плохое настроение или скрывается дурной характер, но очень хочется «воздать должное» тем, кто по долгу своему призван помогать теннису, а он, напротив... Вот есть во Львове такой человек по фамилии Мартынич, зовут Вадим Терентьевич. Он живет за счет тенниса, но не во имя тенниса. Сидит всю жизнь в «Динамо», и именно он своими действиями развил прекрасную школу. Когда-то здесь выросли Игорь Пилипчук, Александр Залужный, Сергей Грузман, когда-то здесь работали квалифицированные тренеры, и вот ничего, в сущности, не осталось и никого. Именно он довел до того, что все рухнуло. Тренеры разошлись, кто-то уехал за границу. Уволил он и моего первого наставника, Тетерина.

Наш вид спорта стал сейчас настолько профессионален, настолько непрост, что судить о нем со стороны трудно, ты, только ты, можешь решать, где и сколько тебе играть.

Поскольку я высказываюсь достаточно откровенно, то признаюсь, что и я в оценке ситуации и своих возможностей небезгрешна. В 1990 году здорово просчиталась, решив сыграть в таком большом количестве турниров. Только, поверьте, причина просчета не в жадности к заработкам. Сейчас, в новых условиях, мы ищем себя и потому нередко ошибаемся — ведь никогда прежде не было у нас — у Зверевой, Волкова и у меня возможности самим решать, сколько играть, и потому-то, понимаете, только потому я перебрала с турнирами. В следующий раз буду умнее.

Наши ошибки — наши. И как бы там ни было, не надо за нас решать, что нам делать, в каких турнирах играть. Хочет Зверева сыграть, значит, приедет и сыграет. Но заставить ее невозможно. Только она вправе решать собственную судьбу в спорте. Мне, как и Лейле Мехки, показалось интересным выступить в «Москву оупен», и мы сыграли. Зверева же, повторю, решила, что ей это пользы не принесет, и потому она не играла.

Эти мои рассуждения относятся и к внутренним нашим чемпионатам. Захочет Зверева выступить в таком турнире, сочтет себя подготовленной к нему, значит, сыграет. Но на нет и суда, по-моему, нет.

Помню, как обрушились на Чеснокова те, что он не сыграл в зимнем чемпионате СССР. Упрекали, что он не хочет играть дома, а Андрей только что, буквально за считанные дни или недели, не помню уже точно, до этих упреков сыграл в другом турнире, не столь престижном, в Москве. Но этот турнир входил в его планы. Так что зрители наши, если они интересуются игрой Андрея, могли его увидеть. Однако трибуны не были переполнены.

Говорят, публика не ходит на теннис, потому что не играют наши звезды. Неправда это! Перед женским турниром в Москве же проведился матч Кубка Дэвиса, и играли все — и Чесноков, и Черкасов, и Волков. Соперничали с ними знаменитые испанцы во главе с Эмилио Санчесом, теннисистом из мировой десятки. И тем не менее зрители было немного. Так скажите, разве не вправе наши лидеры задать вопрос, почему же на них не пришли?

Думаю, не надо нам считаться, не надо выяснять, кто прав, а кто виноват. Надо уметь и широко рекламировать такие турниры, заранее готовиться к ним, и публика, уверена, все с благодарностью оценит. Если же мы будем от недели к неделе жаловаться, что звезд мол, нет, что наши лидеры играют плохо, то зрители, глядишь, и поверят. Поверят и отвернутся от тенниса.

— Давайте понимать друг друга?

— Чемпион — живой человек. Он может устать, может плохо себя чув-

ствовать. Может, наконец, решить более основательно подготовиться к какому-то принципиально важному для него турниру. Не забывайте, что у каждого из нас теперь свои планы, согласованные и с тренером, и с менеджером, и с международной ассоциацией. Мы все заранее «расписаны» по турнирам. Ситуация сейчас не та, что была, скажем, в середине семидесятых. Или даже всего три года назад. Время меняет теннис, и не понимать этого специалистам нельзя.

Да, Зверева не сыграла в «Москву оупен», но это — ее выбор: она посчитала, что для нее это самое верное решение. А мотивы... Если сочтет нужным, объяснит... И не в деньгах, даже не в очках дело. Стало быть, так, с ее точки зрения, нужно, и все...

— Вы в Москве сыграли. Это ваше решение? Или решение мужа Александра Васильевича? Тренера Александра Сергеевича?

— Это общее наше решение... У нас в «команде» нет такого положения, что кому-то принадлежит решающее слово. Так получается, что мы вместе приходим к решению...

— Теннис стал вашей жизнью. Вам еще играть и играть, и сейчас, конечно, рано загадывать, кем вы станете после корта — тренером ли, функционером... И все же...

— Хотелось бы стать функционером...

— Не тренером?

— Нет. Добавлю, что если в стране все образуется, все будет более-менее нормально, то очень хотела бы работать не по контракту где-то за границей, а здесь, дома... Но, скажу откровенно, если все останется так, как сейчас, когда и тренеры, и организаторы мучаются в поисках кортов, мячей, когда нет буквально ничего и все надо доставать... Нет, не хотела бы я все это испытать...

— Когда вы готовитесь к турниру, находясь за рубежом, то — при всех материальных и бытовых удобствах — не возникает ли проблема спарринга, партнера для тренировок?..

— В последнее время со мной ездит тренер. Саша — превосходный теннисист, и он не только тренер, но и спарринг-партнер...

— А кто оплачивает его поездки?

— Госкомспорт. Пока я выполняю все финансовые обязательства, споры не возникают...

— Проблема питания «там» решается, очевидно, просто. А здесь?

— Мучаемся. Как, впрочем, и все. Вот полчаса назад я была в раздевалке (а наш разговор идет во время Московского международного турнира. — О. С.) и видела, как там Робин Уайт буквально прыгала от радости — ей из магазина за валюту принесли питьевую воду, к которой она привыкла. Талая или горная

вода. Несколько дней эту проблему у нас решить не могли!

Качество питания в нашем виде спорта, где так велики энергетические нагрузки, необычайно важно...

— Не ожидается ли некий перерыв в теннисе в ближайшее время?..

— Имеете в виду рождение ребенка? Пока не думала об этом... Пока не планирую перерыв в игре, а там посмотрим...

— Теннис расширяет кругозор хотя бы потому, что позволяет увидеть мир, если, конечно, спортсмен не замыкается только на тренировках и матчах... А в остальном вы не чувствуете себя обделенной? В частности, успеете ли читать то, что глотает ежедневно «вся страна»?

— В дни турниров я читаю очень много. Тем более в последнее время. И потому, что много интересного печатают и газеты, и журналы, и потому, что у меня теперь отличный наставник — муж старше меня, у него широкий круг интересов, он очень знающий человек. Он и готовит для меня подборки толстых журналов и еженедельников от «Огонька» до «Литературки» на три-четыре недели чтения. Мне кажется, я не отстаю, я в курсе того, что, как вы выразились, читает «вся страна»...

— А изменилось ли ваше внутреннее самочувствие, пришла ли какая-то дополнительная уверенность в связи с тем, что вы теперь материально независимое лицо?..

— Скажу да. Впрочем, уверенности мне всегда, наверное, хватало. Сейчас я меньше беспокоюсь за свое будущее, хотя говорить мне об этом, видимо, рано — еще поиграю... Но, вы знаете, вобретении себя заметнее более важную роль играет не увеличивающаяся сумма призовых, а то окружение, которое появилось в последнее время. Друзья мужа — люди для меня интересные, много знающие. Они помогают сориентироваться в сложных ситуациях. Но сохраняю верность и давней своей, самой дорогой для меня подруге Наташе Алексинной. Плохо лишь, что мы живем далеко друг от друга, она по-прежнему во Львове, где я бываю теперь нечасто.

Но ведь если у меня будет свой дом, когда достроится он в Юрмале, то я, наверное, стану менее подвижна: там же буду и тренироваться, отсюда направляться на турниры...

— Главное увлечение за пределами корта?

— Пожалуй, езда в автомашине. Приобрела БМВ-324, турбодизель. Быстрая езда пьянит меня. Вот иногда говорят — «он или она за рулем отдыхает». Так это — про меня. Никакого внутреннего напряжения. Только ощущение скорости. Вожу как сумасшедшая и все-таки не слишком далеко отхожу от дозволенного правилами ГАИ. Не стану утверждать, что помогает теннисная реакция. Причина уверенности — в

иним. Поехала сразу, как только села — не было никакого обучения, каких-то мучений и затруднений, неудач, боязни дороги...

— Машина есть, а что дальше? Планируются еще какие-то большие затраты? У вас, миллионеров, говорят, свои проблемы...

— Рубеж миллиона долларов еще не перешла. Но это не цель. Тем более что запросы у меня самые, вероятно, скромные. Главная страсть — машина. Не могу сказать, что не люблю одеваться. Наверное, любая женщина хотела бы хорошо выглядеть. У меня есть, видимо, свой стиль, и я ему следую, но особо вникая в детали. Поскольку есть возможность одеваться, я ее не упускаю. Но все весьма обычно, никаких экстравагантностей...

— А где вам легче играть? В Европе, в Азии, в США?..

— Безусловно, в США. Там у меня много удачных турниров, много городов, где я чувствую себя как дома. Из года в год в значительной мере одна и та же публика, фанатики тенниса. Они знают тебя, принимают, поддерживают. Прекрасно разбираются в игре, с уважением к ней относятся. Никаких признаков бескультурья вроде хождения по трибунам или около трибуны во время розыгрыша мяча, как это было в Москве в дни матча Кубка Дэвиса. К сожалению, то, что немисливо в Юрмале или Донецке, обычно в Москве. Жаль. Так вот, в США играть интересно. Там прекрасно поставлена реклама, там не за день-два, не за неделю, а за год до начала турнира знают о нем. В Москве не такие уж и маленькие турниры, не так часто они проходят, чтобы мы могли позволить себе не замечать их, относиться к ним спустя рукава, однако... Вот я вспоминала США. Там проходят и такие же, стотысячные турниры, а то и меньше, семидесятипятитысячные, проходят порой где-нибудь далеко от крупных центров, в горах, в крохотных городках и тем не менее мест на трибунах нет. Конечно, это зависит и от теннисных традиций, от положения вида спорта в стране.

Мы — новички. Мы еще многого не умеем. Наверное, и денег недостает на рекламу, и все-таки выход искать надо...

— Мы — любители в широком смысле этого слова?..

— Да, и в этом все дело. Есть несколько профессионалов в женском и мужском теннисе, а все остальное, прежде всего организация, остается на любительском уровне двадцатилетней, если не полувековой давности. Кто у нас директор турнира? Организатор, беспокоящийся об уровне соревнований, о приглашении сильных зарубежных спортсменов? Да нет, он прежде всего «доставала» — в первую очередь ему надо беспокоиться о покрытиях для кортов, о питании, транспорте, рекламе, о компенсации расходов — до тенниса ли ему?! Жалко мне наших людей, прогибающих то, что должно разуться само собой. Может ли помочь им федерация, если у нее тоже никаких абсолютно прав?

И все-таки я оптимистка. Все-таки верю в наш теннис. Верю, что когда-нибудь московский женский турнир перейдет в иную категорию — призовой фонд будет равен не ста тысячам долларов, а полумиллиону или даже миллиону. Верю, что человек с ракеткой станет такой же приметой нашей жизни, как во Франции или в США...

Интервью взял Олег СПАССКИЙ

БЕККЕР:

«Я ЖАЖДУ ЖИЗНИ»

Почти неделю трехкратный победитель Уимблдона Борис Беккер провел в Монте-Карло в беседах с корреспондентом «Штерна». Они беседовали у Беккера в квартире, на пляже, в уличных кафе, в ресторанах о том, как надоедает теннисисту-профессионалу трескотня вокруг его персоны, как он постоянно стремится к нормальной жизни, которая недоступна суперзвезде. А дело в том, что с ним всегда случаются такие вещи, как в одну из пятниц в Мюнхене: он нарушил правила и был остановлен полицейским, который его сразу же узнал: «Добрый вечер, господин Беккер», — после чего был отпущен без штрафа.

«Вот так всегда», — говорит Борис Беккер. — Или они с тобой особо милы или действуют особо грубо, по принципу: уж ему-то мы покажем — но никогда со мной не обращаются нормально».

Заголовок для интервью в «Штерне» дал сам Борис Беккер. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию отрывки из этого интервью.

«Штерн»: Борис, надев вчера черный парик и темные очки, вы ранним вечером уселись в уличном кафе, недалеко от вашего дома в Монте-Карло и провели в нем два часа. В кафе было многолюдно, посетители все время менялись. Расскажите, что вы почувствовали, изменив так свой облик?

Беккер: Этот маскарад дал мне чувство истинной свободы. Поначалу я был внутренне несколько скован, не зная, узнают ли меня. Однако через некоторое время убедился, что окружающим

нет до меня дела. Люди потягивали свой кофе, ели мороженое, шурились от солнца и глядели вслед проходящим мимо столов красивым женщинам. Этим в итоге занялся и я. И, надо сказать, что перспектива оказалась отнюдь не плохой.

«Штерн»: Но вы, как известно, не закрываете глаза на хорошеньких женщин?

Беккер: Отнюдь. Но в этот жаркий вечер я делал это особенно спокойно. Ведь для людей я все-таки «Павлин». И такого «Павлина» обычно в ресторане никогда не оставляют в покое. Глазеют туристы, с соседних столиков подмигивают и отнюдь не только японцы фотографируют, а болельщики, узнавая, хлопают по плечу, просят автограф на салфетке и рассказывают о своих детях-теннисистах. А вот сейчас — никакой реакции.

«Штерн»: Да, но сейчас вы беседовали с официантом, заламывая в отчаянии руки и что-то энергично выговаривая ему на вашем «баденском английском», так что ваша беседа была похожа на перебранку.

Беккер: Да, хотелось испытать официанта. Когда я, Борис Беккер, не скрываясь, прихожу в ресторан, то выполняются все мои самые сумасшедшие желания. Неважно, есть ли требуемые деликатесы в меню или нет — официанты каким-то образом их достают. Но сейчас... сейчас все это не удалось. После того как я позволил себе три кружки пива, мне захотелось стаканчик красного вина. Что касается последнего, то у меня есть кое-какая тренировка. Но после целой бутылки я бы ушел отсюда «без носков».

«Штерн»: Но у вас их и так нет. Вы ведь, как правило, носки вообще не носите.

Беккер: Ну хорошо, скажем так: я бы просто свалился со стула. Потому что попросил официанта один стакан. «Нет», — сказал он, — мы подаем вино только в бутылках, мистер». И тут я набросился на него и стал настаивать, требуя, чтобы он прекратил устраивать сцены и подал именно стакан. Но мое возмущение не произвело ни малейшего впечатления и ничуть не поколебало вежливости этого господина.

«Штерн»: Вы считаете удачей, что в этот вечер были лишены особого обслуживания?

Беккер: С тех пор как пять лет назад я впервые выиграл Уимблдон и в мой адрес павалила почта, мне редко выпадал такой волнующий вечер.

«Штерн»: Из этого следует, что дамы не так уж часто балуют вас своими визитами и оснований для зависти нет?

Беккер: Вы, однако, шутник. Я имел в виду, что давно не переживал такого волнующего вечера в обществе. Большинство людей, очевидно, думают, что я вращаюсь в каком-то Большом мире и что мне там на редкость здорово. Но в действительности этот Большой мир, в котором я вращаюсь, часто до отчаяния мал. Под малым я имею в виду то, что мне недоступна даже нормальная человеческая жизнь.

«Штерн»: Вы увлекающийся человек? Вы жаждете жизни?

Беккер: Бешено жажду. Поэтому я поклялся себе и в будущем иногда повторять эти маскарады. Тогда, возможно, где-нибудь на улице мне и

поддадут под зад коленом. О'кей! Пусть это и больно, но боль по крайней мере даст мне почувствовать, что я один из многих, а не обезьяна в золотой клетке, которой публика постоянно подсовывает сладости.

«Штерн»: Судя по вашей «жажде жизни», вы свою печень спортсмена потчуете не только свежим апельсиновым соком?

Беккер: Это точно. Я хочу знать не только по книгам, что такое «нагрузиться под завязку» и, шатаясь, прийти домой, чтобы на следующее утро в башке гудело.

«Штерн»: Странно, что в беседе со мной вы совсем не заикаетесь, а в некоторых газетах можно было прочесть, что у вас бывают тяжелейшие приступы заикания?

Беккер: Вот-вот, это как раз и есть та кампания, которую развязала против меня желтая пресса, пытаюсь представить идиотом. Во время одного турнира в Австрии я давал двухминутное интервью и пару раз дружно запутался в словах. Ну и что?! Во время матча я, случается, делаю по пятнадцать двойных ошибок — и ничего! А тут пара загинок в речи стала поводом для появления бредовых заголовков в прессе. Они быстро организовали телефонные интервью с «самыми настоящими» лингвистами и «матерыми» профессорами-психологами, которые потом перед многомиллионной аудиторией заявили, что я явно балуюсь наркотиками. Когда диктор в телевизионном выпуске новостей оговорится, ни одному же человеку не придет в голову написать, что он перед эфиром «побаловался кокаином»! Этим психологам я бы с удовольствием ответил: «С вашего позволения, господа, это у вас явно не все дома!»

«Штерн»: Ваш единственный наркотик — это теннис?

Беккер: Теннис мирового класса. Со всеми его экстремальными требованиями — «к душе и телу». Если бы эти психологи имели хоть малейшее представление о том, через какой ад приходится проходить во время крупного турнира, — они бы тогда помолчали. Будь я наркоманом, то не выдержал бы и одного длительного турнира. Тем более не выстоял бы в пятчасовом матче при сорокаградусной жаре, играя до полного изнеможения. Я бы не смог тогда в течение нескольких лет держаться на вершине мирового тенниса, а уже через несколько месяцев скатился бы на 317-е место в мировой классификации.

«Штерн»: А правда ли, что не только на спортивной арене, но и в жизни вы стремитесь к острым ощущениям?

Беккер: Пока эти острые ощущения не вредят теннису, в который я влюблен по уши, то да. Вот та граница, не переступая которую я позволяю себе получать удовольствие от острых ощущений — и духовных, и физических. В пределах этой границы я хочу испытать все. Знаете, в чем я больше всего завидую женщинам?

«Штерн»: Нет, конечно.

Беккер: Я завидую женщинам в том, что они могут рожать детей. Я завидую

их возможности испытать это душой и телом. Кстати, я с удовольствием сам имел бы детей. Я действительно очень этого хочу. Если я встречу подходящую мне женщину, то с удовольствием стану отцом.

«Штерн»: Однако в Монте-Карло в этом завитом под барокко и слегка взбитом парике вы выглядели отнюдь не как средний отец семейства: вы ввалились в это шикарное кафе как пижон.

Беккер: А вы разве не замечали, как я поднимал бокал в честь посетителей кафе и обращался к ним со словами: «Эй, старик, будь здоров!»?

«Штерн»: Да, конечно. Поэтому мне и интересно, зачем вы устроили такой маскарад по столь мелкому поводу?

Беккер: Потому что я шизофреник. Мне непременно хотелось испытать себя в своем втором облике, что так глубоко сидит во мне — я хотел выглядеть и вести себя, как другой Борис, каким я себя ощущаю. Я хотел хоть раз побыть тем парнем, каким являюсь в жизни, а не выходящим из маленького городка Леймен, аккуратным мальчиком в белом костюмчике, а эдаким расхлябанным типом, от которого тещи обращаются в бегство.

«Штерн»: Значит ли это, что под вашей теннисной формой прячется вторая натура?

Беккер: Это мое второе «я», о котором никто не знает. Я родился в 67-м году, когда в семье, в школах, на улицах начался крупный раздор между поколениями. И именно потому, что я родился в этот год, позднее много читал о бунтарях тех лет, большинство из которых были не старше, чем я сегодня. Думаю, я тоже вышел бы с ними на баррикады — против войн, против обывателей, против авторитарных правителей — «учителей жизни». Это отнюдь не означает, что я во всем левый. Я с удовольствием в общем-то соблюдаю дисциплину в работе — и в этом отношении, возможно, даже правый. Но любовь к свободе этих бунтарей, то, что им не нравилась немецкая затхлость порядков и не хотелось, чтобы кто-то диктовал им образ жизни, — все это относилось и к моему темпераменту. Поэтому я решил переодеться и таким образом продемонстрировать свою готовность бросить вызов общественным нравам.

«Штерн»: Что вас больше всего, собственно говоря, раздражает?

Беккер: Меня раздражают люди с застывшими предрассудками.

«Штерн»: Итак, вы ищете спасения в анонимности, которой вам не хватает?

Беккер: Как спортсмен, нет. Слава — часть моей жизни, и болельщики, выкладывавая деньги за билеты, имеют право на то, чтобы я от них не прятался. Как частное лицо, да. Моя проблема, порой доводящая меня до безумия, состоит в том, что я двадцать четыре часа в сутки нахожусь, так сказать, на службе. Это длится уже пять долгих лет: то, что я не могу стряхнуть этот образ Беккера, не могу даже после сделанной работы. Круглые сутки я остаюсь этим парнем со знаменитыми голубыми глазами. У кинокассеты, в магазине, покупая штаны, у светофора, в аптеке

— везде и всегда я тот парень, к которому люди относятся как к своему талисману.

«Штерн»: Но если вы так страдаете от того, что вас везде узнают, то почему живете как раз в туристском центре — Монте-Карло?

Беккер: Вы правы, Монте-Карло летом — это сущий кошмар для меня. Летом в летние месяцы здесь, на Лазурном берегу, отдыхает пол-Германии. Тогда я осмеливаюсь появляться на улице только в автомобиле или сижу в чудеснейшую погоду целыми днями дома, так что я уже сосчитал все петли на коврах.

Штерн: Каково же их число, скажите, чтобы можно было приблизительно представить размеры вашей квартиры?

Беккер: Ровно три миллиона шестьсот двадцать четыре тысячи восемьсот семьдесят пять. Однако зимой Монте-Карло — рай для меня. Я часами сижу в одиночестве у моря и размышляю о своей жизни, о возможных взлетах и падениях. Взгляд на море, этот безграничный вид придают моему теннису невероятную силу.

Штерн: Не является ли Монте-Карло однако также и убежищем от армии — бундсвера?

Беккер: Одним человеком меньше — я думаю, это не повредит. Тем более в наше время, когда политики все равно собираются сокращать армию.

Штерн: Эти признания наверняка будут стоить вам новых «зуботычин» со стороны бульварной прессы.

Беккер: Тем не менее меня это не ломает и я останусь на ринге. Меня в общем-то нужно довольно крепко ударить, чтобы я почувствовал. Если бы я не обладал этой стойкостью, то давно бы уже спился или действительно пристрастился бы к наркотикам. Но эти люди пусть пишут, что им вздумается: Элвиса Пресли они из меня не сделают. Даже убийственная трескотня не доведет меня до депрессий и одиночества.

Штерн: Вы так странно клянетесь в этом, будто уже знаете об опасности и пытаетесь заглушить страх свистом, забравшись в темный подвал.

Беккер: Хотите, открою вам свой секрет? Если бы мог, я пожелал бы себе сегодня задним числом проиграть матчбол в финале Уимблдона против Кевина Каррена в 1985 году.

Штерн: Вы это серьезно, не кокетничаете? Вы хотели бы проиграть финал Уимблдона 85-го года?

Беккер: Да, серьезно. Конечно, 7 июля 1985 года было для меня сказочным днем. Представьте себе: я открываю уже после победы газеты и читаю, что молодой немец из маленького городка Леймен одержал победу века. Я закрыл тогда глаза и подумал: этого не может быть — молодой парень, которого все поздравляют, — это я. С тех пор семерка для меня число счастливое. Но это чертовское везение обернулось для меня и чертовски невезением, потому что жизнь, которая обрушилась на меня после этого, оказалась в мои семнадцать-восемнадцать лет одному мне просто не по плечу. Я по

крайней мере вынужден был непрерывно играть роли, которые мне не хотелось исполнять.

Штерн: Вы любите ваш теннис, но вы его и ненавидите?

Беккер: Да, иногда я его за это ненавижу. Только я не хочу, чтобы меня неправильно поняли: я бы снова хотел наслаждаться всеми своими победами, я не отказываюсь ни от одного из кубков... Но я бы действительно хотел пожелать себе выиграть матчбол на Уимблдоне лишь в 22 года, будучи уже более разумным. А потом поиграть еще пять лет — и все, покончить с этой сказкой.

Штерн: Из каких глубин вашей души поднимается это неистовое честолюбие, жажда стать первым? Вы могли бы удовлетвориться и тем, что годами находитесь в тройке сильнейших?

Беккер: На море я часто размышлял о причинах этой страсти. Думаю, в глубине души я склонен к мести. Маленьким мальчиком в Леймене я много тренировался и играл со Штеффи Граф. Она была лучшей среди девочек, а я худшим среди мальчиков. Ребята постарше, которые уже через некоторое время ничего не могли поделаться со Штеффи, часто дразнили меня из-за моей неумелости. В общем, ребенком я часто стоял в углу и чувствовал себя очень обиженным. Вот тогда я поклялся себе, что однажды вышибу этих задавал с корта. Эта жажда мести глубоко укоренилась во мне, и сегодня ее чувствуют такие соперники, как Стефан Эдберг, Иван Лендл, Андре Агасси, которые мне лично ничего дурного не сделали. Против этой моей жажды лидерства нет никакого лекарства.

Штерн: Среди лучших игроков мира вы считаетесь самым опасным из тех, кто способен переломить ход борьбы в неудачном матче в свою пользу. Возможно, эта черта является психологическим результатом той ранней мстительности?

Беккер: Абсолютно верно. Я лучше всего себя чувствую в отчаянном, безвыходном положении, когда приперт к стене и ни один зритель не даст за меня и ломаного гроша. И вот в таких унижительных для меня ситуациях я уже действительно видел позади игравшего против меня Лендла, тех, кто насмеялся и издевался надо мной в прежние времена — и я всаживал им мячи мимо ушей. Но Иван Лендл думал, наверное, что в этот момент я его ненавижу, как чуму.

Штерн: Слава и деньги, несмотря на утомительные перелеты с турнира на турнир, являются зримым вознаграждением за вашу игру. А есть ли невидимая для зрителей награда?

Беккер: Иногда я сижу в самолете и думаю: не сошел ли я с ума. Чтобы сыграть в Австралии, я покупаю себе билет из Ниццы и лечу двадцать один час. Из Австралии я мчусь после финала в тот же день в Японию, где должен показать все, на что способен, едва успев забросить чемоданы в гостиницу... Однако публика как раз и является той наградой, которая заставляет меня забыть об испытаниях, публика

тайно притягивает меня, как магнит.

Штерн: Как магнит? А какого рода эта тайная связь?

Беккер: Моя связь с публикой в лучших моих играх — это связь эротическая. Комментаторы и люди у телеэкрана видят лишь то, что на поверхности: подачу и попадание в сетку, удар закрытой ракеткой и топ-спин, крос и тай-брейк. Но то, что творится в моем сердце, откуда я черпаю свою энергию, — этого они не видят. А это и есть эротическая связь, которую я ощущаю между собой и публикой в действительно крупном матче. Пятичасовая игра на глазах у двадцати тысяч зрителей в возбуждающей атмосфере Флэшинг Мидоу — это как акт любви для меня. Я не знаю, как передать эти интимные переживания.

Штерн: Но вы уже, однако, начали их описывать.

Беккер: Зрители приходят на матч не для того лишь, чтобы посмотреть, как ты играешь в теннис. Они хотят не только тебя видеть, но и обладать тобой. Они хотят, чтобы ты продемонстрировал им полностью свою силу и страсть. И как и в любви, в большой схватке страсть приходит, приходит не сразу, она начинается с легкого взгляда. В тот момент, когда я вхожу на стадион, я уже во власти двадцати тысяч зрителей. Я знаю: в этот момент они еще молча рассматривают меня — и реагирую на это подобным же замешательством — нагибаюсь и завязываю шнурки на кроссовках, хотя это вовсе и не требуется. Однако это замешательство не должно длиться долго, я не могу слишком долго находиться в руках зрителей, иначе я почувствую неуверенность в себе и моя страсть к игре не выплеснется наружу. Я должен побороть эту неловкость и добиться того, чтобы уже я владел публикой, до того как мы сольемся в общем восторге — публика со мной и я с публикой.

В сентябре этого (1990) года такое было во Флэшинг Мидоу в игре против американца Аарона Крикштейна. Я проиграл первый сет и проигрывал второй со счетом 0:2. И тут я подумал, что не имею права вот так прощаться со зрителями. Потому что в этот момент внезапно почувствовал их азарт, почувствовал, что они хотят от меня большего, что они требуют всего, на что я способен. И в тот момент это снова произошло: я постепенно оказался «в зоне». «В зоне» — это своего рода транс, ты как будто оказываешься очень далеко от всего происходящего, осязаемого. Ты вдруг перестаешь слышать аплодисменты, начинаешь видеть все будто под увеличительным стеклом, теннисный мяч вырастает до размеров футбольного, с каждым ударом ты бьешь точно в линию — бац, бац, бац, тебе буквально все удаётся: момент настал, ты хозяин положения.

Штерн: Вы воспринимаете публику как женщину?

Беккер: Да, как женщину. В самом прекрасном и волнующем смысле этого слова — как женщину.

**Материал к печати подготовила
Маргарита ТРЕГУБЕНКО**

ТЕННИСНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Габриэла Сабатини, проявившая себя наконец на корте как боец, незадолго до этого обратилась за помощью к известному американскому психологу Джиму Лоэру. В результате она впервые выиграла открытый чемпионат США 1990 года, победив в финале Штеффи Граф.

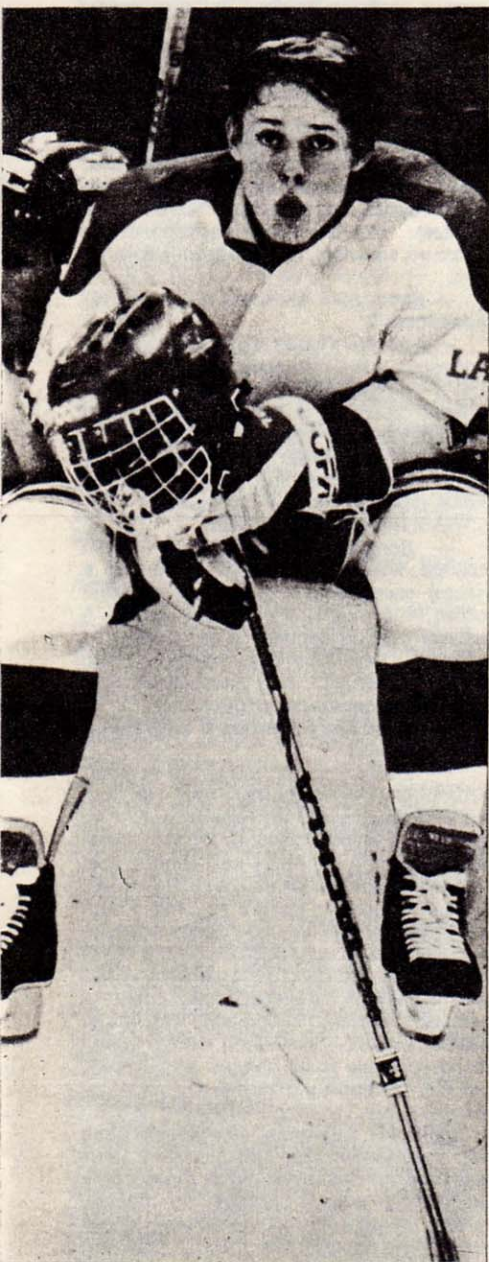
Андре Агасси был назван наиболее восхитительным мужчиной-1990 читателями журнала «Севентин Мэгэзин». А вот аудитория «Тенни де Франс» признала Андре самым «секси» среди всех теннисистов-профессионалов. Яник Ноа удостоился «звания» обладателя самых красивых ног, а Иван Лендл — наиболее интеллигентного игрока.

Как быстро восстановиться? Через день после проигрыша Монике Селеш на открытом чемпионате Германии 1990 года Штеффи Граф гоняла в автомобиле «Формула-1» со скоростью 120 миль в час по трассе «Гран-при» в Хокенхайме (Германия) в течение 90 минут.

Фирма «Росиньоль Теннис» предназначает 10% от своих доходов по продаже ракеток на трехмесячную благотворительную акцию по восстановлению публичных кортов по всей территории США в осенне-весенний период.

Теннисисты-профессионалы часто используют плейер, чтобы взбодрить себя перед матчем, но вот Дженнифер Сантрок — единственная спортсменка, увлекающаяся музыкой в перерывах между геймами. На турнире Ролан-Гаррос во время матча с Граф зрители с удивлением заметили, что Дженнифер с удовольствием погружается в мир любимых песен, в то время как соперница настраивается на игру. Почему? Сантрок призналась: «Когда происходит смена сторон, на трибунах возникает такой невообразимый хаос, что музыка помогает как раз не отвлекаться, сконцентрироваться больше на моей игре». Действительно, что-то новенькое!

ДИНАСТИЯ

Думал ли, гадал ли Владимир Буре, что через каких-то 15 лет его Павлик станет восходящей звездой советского хоккея?

Фото Игоря УТКИНА

О спортивной семье Буре писали уже довольно много. Известнейший тренер по плаванию Валерий Буре, его сын Владимир — чемпион Европы по плаванию и призер олимпиады, наконец, представители молодого поколения — хоккеисты Павел (он уже успел чемпионом мира стать) и Валерий Буре — чем не спортивная династия? Однако уверен, что большинство болельщиков хорошо знакомы лишь со спортивными достижениями этих мастеров. А вот какие «в миру», например, Паша и Валера-младший? О жизни вне хоккея я попросил рассказать их отца, Владимира Валерьевича БУРЕ.

— Владимир Валерьевич, вы, профессиональный спортсмен, пловец, сей-

час тренер, не с чужих слов знаете, что такое тренировки в плавании. Не было ли ваше решение отдать ребят в хоккейную секцию продиктовано желанием оградить их от сумасшедших плавательных нагрузок? Ведь дети, естественно, могли пойти по вашим стопам.

— Действительно, в плавании нагрузки очень велики и в плане тренировок я считаю мой вид спорта более тяжелым, чем хоккей. Но, честно говоря, когда я привел Пашу в хоккейную школу ЦСКА, то ни о чем подобном не думал. О нагрузках в хоккее не имел ни малейшего представления, у меня и друзей среди хоккеистов не было, не у кого было спросить. Просто любил хоккей и хотел, чтобы дети им занимались,

да и они тоже этого желали. Что же касается тренировок, то тяжесть их не равнозначна сложности. В плавании после 6—7 часов (я сам тренировался по 8) занятий и мышцы болят, и печень, да и монотонность тренировок не радует. Но ведь и специфика плавания совсем другая! В хоккее такие нагрузки не только не нужны, но и невозможны. Впервые, игры через 2 дня на третий, вторых, хоккей — это игра, а значит, творчество и импровизация. Человек же физически измотанный творить не в состоянии. Что, кстати, часто замечаю во время игр нашего чемпионата. Если же взять, скажем, месяц из жизни пловца и хоккеиста, то я бы не смог определить, кому труднее. Ведь хоккеисту, тем более в ЦСКА, надо быть гото-

вым постоянно к борьбе, к достижению максимального результата. Постоянно! А это, поверьте, тяжело не только психологически. Это и переломы, и вывихи, и ссадины с синяками. Я иногда ребятам говорю — ну что у вас за нагрузки? Утром зарядка, потом час покатались, на следующий день 20 минут отыграл и отдыхай. Не жизнь, а малина. Но это, сами понимаете, только чтобы подхлестнуть, взбодрить. Я-то вижу, как им тяжело.

— Ваши рассуждения наводят на мысль, что вы и хоккейным тренером могли бы быть. Тихонов с вами не советуется? Или, может быть, о чем-то просит в плане индивидуальной подготовки Павла и Валерия?

— Нет, конечно, нет. Сам я тоже ни во что не вмешиваюсь. Да, я хожу на тренировки, стараюсь не пропускать ни одной, но это потому, что мне интересно, и потому, что я отец и несу за детей ответственность. Что касается индивидуальной подготовки, то мы в семье ее проводим летом, на юге. Скажем, у Паши слабые колени — из-за того, что он практически все время играл за более старший возраст и времени на восстановление не оставалось. Где-то его перегузили. Поэтому сейчас надо недостаток исправлять. Как это делать, я в принципе знаю. Во время отпуска у нас так заведено: каждый день бегаем, занимаемся со штангой, играем в теннис.

— Кстати, об отпуске. Насколько я знаю, раньше хоккейная команда ЦСКА и в отпуск ездила вся вместе. То есть сборы проходились и на юге и составляли 99% от жизни хоккеиста команды мастеров. А как сейчас?

— Ну, отпуск, естественно, все проводят дома. А в течение игрового сезона процент времени, проведенного на сборах, возрастает практически до ста. В прошлом сезоне Павел домой вообще почти не приходил, ужасно мучился, но... Сейчас, правда, ситуация изменилась — он стал одним из лидеров, ему больше доверяют и зачастую отпускают после игр вечером. А в принципе всех неженатых держат на сборах постоянно.

— А чемпиона мира Павла Буре поклонники не одолевают? Вы же сами, кстати, в 20 лет женились...

— Женские голоса в телефонной трубке раздаются, и нередко, это верно. Но вот насчет женитьбы пока разговоров не было. Если завтра придет и скажет: «Я женился», возражать не стану. Но пока советую не торопиться — ведь времени не то что на семью, ни на что у них не хватает.

— Вы сказали, что Павел стал одним из лидеров команды. Вероятно, с этим связано повышенное внимание к нему со стороны селекционеров НХЛ. Какие у него планы на этот счет?

— Вы правы, давление усилилось и не только на него, но и на меня. Меня даже свои же соотечественники уговаривают — давай отправим, давай отправим. Драфт на него куплен «Ванкувером», но пока мы решили играть здесь.

Почему? Потому что интересно и еще предстоит многое сделать. В принципе поиграть в НХЛ, я думаю, надо, но пока еще рано.

— Вы этот вопрос обсуждали на равных или все-таки мнение отца весит больше?

— Видите ли, я, слава богу, еще пользуюсь авторитетом у своих сыновей, и они могли убедиться, что если я что-то говорю, то, как правило, так оно и получается. Тем более что и в профессиональном плане ребята мне доверяют. Поэтому когда я убеждаю, что до НХЛ еще надо дозреть, то Павел, я думаю, понимает, что это не просто блажь и не приказ старшего по званию, а аргументированное решение.

— А как в вашей семье отнеслись к незапланированным «уходам» советских хоккеистов в клубы НХЛ?

— Скажу так. Если бы мы рассуждали как Федоров или Могильный, то повода для нашего интереса уже не было бы. То есть повод, может быть, и был бы, но другой. Жизнь меняется стремительно, сейчас становятся нормальными вещи, которые еще вчера даже и в голову прийти не могли. Чем плох контракт с зарубежным клубом? Но мы хотим, чтобы все шло своим чередом. Думаю, так и будет.

— Как складываются отношения Павла с Тихоновым?

— Пока нормально, и я считаю, что по-рабочему. Поначалу, когда Паша только дебютировал в команде мастеров, он обижался на то, что тренер на него покрикивал. Мол, раньше никто такого себе не позволял. Пришлось поговорить с ним по душам и все объяснить. Во-первых, раньше, «в детях», он был лидером, больше всех забивал, все получалось — что на него ругаться. А тут уровень на порядок выше и требования соответственно. Во-вторых, я же вижу как Тихонов «горит» во время игры. Он если и накричит, то не потому, что хочет унижить, а из-за того, что не может сдержать эмоции. Тем, кто на площадке, легче. Разозлился — обыгрывай, бросай со всей силы, «впечаттай», наконец, кого-нибудь в борт. А тренеру что делать? Я по себе знаю: иной раз говоришь, говоришь спокойно — никакого эффекта, а как «врещешь» — так сразу все поплывет как надо.

Ну а вообще я сыновьям с малых лет говорил: есть два правила у спортсмена: правило № 1 — «Тренер всегда прав». И второе — «Если он не прав — смотри правило № 1»...

— Владимир Валерьевич, вас не волнует, что, занимаясь профессионально спортом, человек многого в жизни лишается: у него нет времени на книги, театры, музеи и т. д.

— Конечно, спорт, как и искусство, требует жертв, но в отношении Павла у меня опасений особых нет. Он с детских лет любил читать и в мотанях с командой по стране, насколько я знаю, всегда с книгой. У нас неплохая библиотека. Кроме этого, их редко, но все-таки «вывозят в свет» — в театр, на концерт. Да и потом сейчас такая жизнь, что не только у спортсменов нет времени на интеллектуальный досуг. Все либо

деньги «заключивают», либо в очередях стоят.

— А какая зарплата у чемпиона мира?

— По-моему, 250—300 рублей. Плюс премии.

— Вы эти деньги видите?

— Финансами у нас ведают мама. Паша деньги отдает ей, я в эти дела не вмешиваюсь, но, по-моему, там все нормально. Что-то он себе оставляет — сколько, не знаю, он же взрослый человек.

— Взрослый человек помогает по хозяйству?

— А когда? После игры (в Москве) он приходит в 10—11 часов вечера. Назавтра в 11 утра надо быть на тренировке. Честно говоря, мы пытаемся решить хозяйственные вопросы без него — дома пусть отдыхает. Естественно, если есть необходимость в его помощи, то пока чемпион мира не отказывается.

— У него есть машина?

— Должен скоро купить. Честно говоря, жду не дожусь — моя уже в таком состоянии, что больше времени стоит, чем ездит. А отремонтировать в нашем чудном сервисе я ее не могу — «блата» нет. Поэтому, надеюсь, что скоро Павел даст отцу доверенность на право пользоваться автомобилем.

— А как вы боретесь с нарушениями режима?

— Честно говоря, никак не борюсь. Стопроцентную гарантию того, что где-то вне дома этого не происходит, я не дам, но я как-то спокоен на этот счет. Более того, я однажды сам сделал все, чтобы Павел режим нарушил, но ничего у меня не вышло. Дело в том, что, когда он стал чемпионом мира среди молодежи, мы днем пошли всей семьей в ресторан, чтобы это событие отметить. И там за бутылкой минеральной воды я неосмотрительно пообещал, что, когда Паша станет чемпионом мира среди взрослых, мы тоже пойдем в ресторан, но уже вечером и отметим это дело по-настоящему. Ну, он долго ждал не стал и сделался взрослым чемпионом мира на следующий год. Обещание-то надо выполнять. Пошли вечером в ресторан, на сердце кошки скребут, но говорю: «Паш, давай выбирай». А он мне и отвечает: «Не хочу». Вот так-то. Так что пока у нас проблем с этим вроде нет.

— Владимир Валерьевич, мы все о Павле да о Павле? А Валера? Я понимаю, что он еще многого не достиг, но путь он выбрал тот же.

— О Валере как о хоккеисте говорить, конечно, рано. Он еще не в основном составе, ему еще школу надо окончить. Но по тому, как он относится к делу, я думаю, может вырасти игрок не хуже Пашки. У них вообще много общего, хотя хват клюшки разный.

— А как мама относится к тому, что оба ее сына — хоккеисты?

— Всячески поддерживает. Все их матчи смотрит с трибуны и стала уже разносторонним спортивным специалистом. Сначала ведь ей пришлось «осваивать» плавание, а вот теперь хоккей.

НАЧАЛО: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

(Окончание. Начало на стр. 1)

игру в обороне, то месячная сумма доходов достигала в прошлом году 6—8 тысяч. Причем хозяин «Асмара» не скрывает своих честолюбивых замыслов: попасть в первую лигу, затем — в высшую и, наконец, участвовать в европейских клубных турнирах.

Как вы относитесь к этому явлению?

— С большим сожалением, потому что заработка, о которых вы упомянули, не адекватны отдаче футболистов, их значимости в футбольном мире нашей страны.

Но мы ничего не можем сделать. Разумеется, мы можем записать в положение о проведении чемпионата пункт, согласно которому участники первенства не могут принадлежать зарубежному или совместному предприятию, но как этот пункт будет соответствовать другим нашим законам, которых, кстати говоря, нет, я не знаю.

— Это ведь со временем может принять совершенно непредсказуемые формы. Представьте, появляются на горизонте 16 таких «богатеньких буратино» — любителей футбола и на корню скупают все клубы высшей лиги...

— Думаю, что этого не произойдет. Выход будет найден.

Надо сказать, что одной из кардинальных проблем Федерации является дефицит на высокопрофессиональных штатных экономистов и юристов. Именно — штатных, потому что все остальное — на уровне советчиков. Наверное, даже в нашей юридической казуистике можно найти «заковыки», с помощью которых появится возможность аргументированно, на основе закона противостоять многим явлениям, в том числе и таким, как «Асмара».

— Довольно часто критикуют Федерацию и вас лично. Как воспринимаете критику?

— Знаете, болезненно. Особенно несправедливую, когда вижу, как люди занимаются только сведением счетов, а сам футбол их не интересует.

К конструктивной же критике и относимся конструктивно. Во всяком случае, пытаемся все делать для того, чтобы не творить допущенных ошибок.

— Предъявляют Федерации претензии их клубы?

— Чаще всего они не по адресу.

Судите сами: клубы апеллируют к нам по поводу неудовлетворительного, на их взгляд, судейства официальных международных матчей. Но Федерация-то при чем? Есть установленный порядок обжалования судейства, выработанный УЕФА: официальный протест, внесенная за него определенная сумма в валюте, разбирательство протеста. А клубы хотят, чтобы вместо них протестовала Федерация. Этого не будет.

Еще один упрек: Федерация, мол, не занимается поиском партнеров для международных матчей. Но, во-первых, если в адрес Федерации и приходят приглашения направить команду на международный коммерческий турнир, то в телеграмме, как правило, указывается, какую именно команду хотели бы видеть организаторы турнира. Не можем же мы, например, вместо приглашенного ЦСКА послать на турнир в Испанию харьковский «Металлист». Его там просто не примут. Во-вторых, посвоявал бы клубам самим вести международные дела. Так, как это давно делают в киевском «Динамо» и «Спартак». У них и проблем не возникает.

Я бы заметил, что в последнее время у нас к клубам возникли претензии.

— Какие?

— У нас есть гарантийные письма от нескольких команд, направивших своих футболистов играть за рубежом. В письмах этих обозначена зная сумма, кото-

СТАНЕТ ЛИ ОПЫТ МОСКОВСКОГО «АСМАРА» ЯВЛЕНИЕМ В НАШЕЙ ФУТБОЛЬНОЙ ЖИЗНИ?

рую клубы обязаны перевести на счет Федерации. До сих пор мы не получили от них ни цента (беседа проходила 30 ноября 1990 года. — Прим. А. Г.). Так что для начала направим этим клубам уведомления, а потом будем применять более суровые меры, вплоть до неутверждения заявок. Порядок должен соблюдаться, если мы намерены жить на его основе.

Помимо этого не перечисляют нам деньги некоторые команды, оштрафованные за дисциплинарные прегрешения. Форма борьбы — та же.

— К слову, о дисциплинарных нарушениях. В прошлом году итальянская сборная едва не лишилась очка, заработанного в отборочном матче чемпионата Европы с венграми,

поскольку в этой встрече в команде Италии выступал футболист, обязательный, в соответствии с решением УЕФА, пропустить одну игру из-за двух желтых карточек, полученных в проводимых под эгидой этой организации соревнованиях. Было разбирательство инцидента, и УЕФА признала свою ошибку: она не уведомила итальянцев о том, что данный футболист должен пропустить матч. Нечто подобное произошло и у нас, в розыгрыше Кубка СССР, когда киевское «Динамо», выигравшее у команды второй лиги «Текстильщик» (Камышин), было, тем не менее, выведено из турнира Федерацией только потому, что в рядах киевлян выступал Олег Кузнецов, обязательный из-за определенного количества предупреждений эту игру пропустить. Киевляне, как помнится, протестовали против такого сурового решения, мотивируя свой протест тем, что Федерация проявила нерасторопность: не прислала в команду новые условия дисциплинарного кодекса и не уведомила клуб о том, что Кузнецов не имеет права играть против Камышина.

— Не буду вдаваться в подробности этого дела. Скажу лишь, что для нас это стало серьезным сигналом, и впредь мы будем направлять во все клубы уведомления.

— Итак, если суммировать, плюсов, наверное, больше, чем минусов. Тем не менее работать для установления порядка в нашем футболе потребуются много: судейство, совершенствование взаимоотношений с клубами, ритмичный календарь...

— Ритмичным он никогда не будет.

— ?

— Стабильным — да, то есть без переносов матчей, но ритмичным его сделать невозможно, хотя бы исходя из того, что в Москве пять команд высшей лиги. Представьте, что три из них в очередном туре играют дома. Можно ли провести эти матчи в один день? Наверное, нет, потому что и зрителям это в ущерб, и достаточного количества милиционеров на эти игры не собрать. Словом, стабильность в нашем календаре обязательно будет, с ритмом, если подразумевать под ним проведение туров в строго фиксированный день недели, — сложнее.

— Будет ли календарь составляться «под сборную»?

— Будет, и куда от этого не деться. Мы, как и прежде, предоставляем сборной возможность три дня готовиться к товарищескому матчу и шесть — к официальному. Федерация не намерена вмешиваться в тренировочный процесс сборной, в состав команды, но будет строго следить за соблюдением программы ее подготовки и не допускать ее изменений.

Полагаю, что «мелочей», за которые справедливо критиковалась в первый год своей самостоятельности, будет в наступившем сезоне гораздо меньше.

— Хотелось бы, чтобы их не было совсем.

Интервью провел
Александр ГОРБУНОВ

«СПАРТАК» — НЕ ТОРГОВЫЙ ДОМ!»

(Окончание. Начало на стр. 4)

поле... Ну а что никак нельзя, чтоб тот самый пирог делился разумно, по справедливости, а не согласно командным возможностям административной системы. Системы, еще вполне жизнеспособной в Отечестве.

— Большой, пожалуй, самый большой вопрос.

Мое твердое мнение — если клуб ничего не просит, как говорится, взаимно, надо дать ему встать на ноги. Создать режим наибольшего благоприятствования. А потом уж, если дело наладится, повисить и отчисления.

Никак не возьму в толк, за какие такие заслуги Федерация требует 20%, а то и 30% только за разрешение футболисту выступать за рубежом? Конечно, там у них много чиновников, которые тратят ездить в западном направлении, ну так пусть сами и зарабатывают валюту. Пусть ищут, как это сделать. Стараясь, вкалывают. А не на чужом горбу выезжают.

— Председатели профессиональных клубов «Торпедо», ЦСКА, московского и киевского «Динамо», «Днепра» — ваши, Юрий Александрович, коллеги? Или конкуренты? Как вы их воспринимаете?

— Да никак. И жаль. Нет объединения, какого-то Союза профессиональных футбольных клубов. Если я, скажем, подойду к киевлянам и о чем-то начну расспрашивать, то скорей всего услышу что-нибудь вроде: «Нет, нет, извините, это тайна...» А мне кажется — стоит делиться опытом. Мы же и в выигрыше все будем. Нет на сегодня профессиональной солидарности. Каждый сам по себе. Вот те же проценты... Уверен, объединись клубы и выступи сообща, чиновники дрогнули бы, неминуемо пошли бы на уступки.

Хотя вовсе не исключаю, что в каждом клубе могут быть аспекты деятельности, не предназначенные для стороннего человека. Есть же понятие коммерческой тайны.

— Какую команду не назовешь, сразу ясно, какие силы, какой хозяин у нее за спиной. «Динамо» — МВД, КГБ; ЦСКА — армия, «Торпедо» — автогигант ЗИЛ; «Локомотив» — МПС... Ну а что за «Спартак»?

— Ничего. Ничего, кроме популярности!

Надежды только на самих себя. Но популярность «Спартака» позволяет решать некоторые проблемы в инстанциях на уровне Москвы, республики. Выделяются фонды. Помогают нам от чистого сердца.

Получается что? «Спартак» — неведомственная команда. И как никакая другая имеет основание считаться московской командой. Именно московской! И, слава богу, Мос-

совет придерживается аналогичного мнения. Мы находим там понимание. И помощь.

С одной стороны, мы ставим вопрос о хозяине клуба, а с другой, ежели откровенно, — имея огромную популярность, используя ее как следует, лучше, на мой взгляд, самим крепко встать на ноги и быть независимыми.

— Юрий Александрович, есть один конкретный вопрос по минувшему сезону, который, наверное, в равной мере может быть адресован председателю спартаковского клуба Шляпину и старшему тренеру команды «Спартак» Романцеву. Речь о том самом коммерческом августовском турне в Испанию, после него свежести у игроков не наблюдалось, и сторонние наблюдатели дружно раскритиковали заграничный вояж с плотным графиком игр. Ваша позиция?

— Понимаете, коммерческое турне — одно из главных средств материального благополучия команды. Нашей ли, другой. И далеко не часто удаются подобные поездки. Тоже бизнес. Тоже надо проявлять изрядную предприимчивость. Кстати, турне в Испанию оказалось удачным: 70 тысяч долларов поступили на счет «Спартака» — такое нам не падает с неба, своим потом зарабатываем.

Что касается наступившего потом спада... Ну так спады бывали и раньше. И при Бескове. На протяжении сезона 2—3 спада случалось непременно. И у киевлян, у ЦСКА, у «Днепра» — никому не удается избежать перепадов формы. Но это уже компетенция тренера — как миновать этот период с наименьшими потерями в очках. Мне кажется, что Романцеву это в общем-то удалось. Спартаковцы были в полшаге от 2-го места, вряд ли кто-нибудь оспорит, что элемент невезения тоже повлиял.

Мое мнение не изменилось — мы не совершили ошибки, направив команду в августе в турне по Испании.

— Потенциал команды существенным образом определяется селекционной работой, а она, в свою очередь, зависима от финансово-квартирно-авто-... потенциала клуба. Вспоминается признание Константина Ивановича Бескова о том, что «ему в «Спартаке», были предоставлены все условия для плодотворной работы». Может ли Романцев повторить эти слова касательно себя?

Ведь почему спрашиваю? Александр Мостовой и Игорь Шалимов отыграли три сезона в «основе», сегодня, по-моему, являются бесспорными лидерами команды, вошли в сборную страны, а живут — один на базе в Тарасовке, другой — с родителями.

— Да, в чем-то вы правы. Пожалуй, в 80-е годы возможностей обустройства футболистов «Спартак» имел поболее. Но никогда ничего не давалось сразу. Авансом. Ни Старостин, ни Бесков не шли на такое. Только зарекомендовав себя в спартаковских рядах, игрок мог на что-то рассчитывать. Так было и со Шмаровым, и с Пасулько. Так, можете

не волноваться, будет и с Мостовым и с Шалимовым. Оба заслужили.

Сейчас клуб даже готов выкупить квартиру в валюте, но, представьте, это не решает кардинально сложную проблему.

— Юрий Александрович, не будем смотреть в чужой карман... И все же. Не считаете, что клубы, более оперативно решающие житейские проблемы, имеют преимущество над «Спартак» при комплектовании своих рядов?

— «Спартак» — не торговый дом! К нам приходят те, кто хочет играть в «Спартак».

Кстати, не исключено, что мы отчленим кое-кого, кто живет не столько игрой, сколько требованиями материального свойства.

Мы никому не сулим золотых гор. И, как я сказал, авансов не выдаем. Но реальные обещания, данные нами, стараемся выполнять.

Команда «Спартака» — не бизнес-клуб!

Считаю вопрос исчерпанным.

— Ну что ж, хорошо, коли живы спартаковские традиции, спартаковская гордость в наше время повального вымирания романтиков. Значит, применительно к вашему клубу справедливые слова Андрея Петровича Старостина: «В футболе можно проиграть все, кроме чести».

Ну и напоследок вопрос на засыпку — ваше рабочее настроение в свете общей нашей нестабильности, когда не знаешь, какой завтра появится указ, постановление, информация, которые переход к рынку направляют, скажем так, по ломаному маршруту?

— Не соскучишься... Холодный пот иной раз прошибает. Нет весьма болезненно коснется указ президента о налогах с валютных поступлений. До 40%! А ведь те претенденты на пирог, о которых мы говорили, нигде не исчезают. И не ясно, что вообще будет оставаться клубу?!

Очень хочется встать на ноги. От этого же потом все будут только в выигрыше.

И вскоре после интервью мне снова довелось побывать в спартаковском офисе на переговорах с американским фирмачом. Они завершили успешно. Американец потом сказал мне: «С этими людьми можно делать бизнес».

Мне понравилась та почти юношеская пылкость, с какой Шляпин произнес: «Спартак» — не бизнес-клуб!» Что касается игроков и игры, тренеров, команды в целом, то кто ж из миллионной армии спартаковских почитателей станет возражать.

Очевидно, однако, что потенциальные партнеры должны покидать спартаковский офис с ощущением, что они побывали как раз-таки в настоящем бизнес-клубе.

Как это было с деловым человеком из Бостона.

ЗДОРОВЫЕ ЛЮДИ В МЕНЬШИНСТВЕ

(Окончание. Начало на стр. 13)

ческая службы. Они должны иметь совершенно четкий прицел — здоровье человека. У нас уже существуют всевозможные экологические службы, государственные комитеты по охране природы, но в их деятельности нет главного — акцента в сторону человека.

Попробую на примере обычного среднерусского города разъяснить, что это такое. У нас в Ярославле, как, впрочем, в большинстве городов, постоянно выбрасываются в воздух ядовитые химические вещества. Сейчас даже в областной газете стали писать на эту ранее запретную тему, ибо дозы этих выбросов становятся колоссальными. Так вот, все наши перечисленные службы контролируют эти химические вещества где угодно, только... не в человеке. Мониторинг окружающей среды сегодня осуществляется в самой окружающей среде, но не в человеке. Это грубейшая ошибка. Объясню почему. Любое химическое вещество, любой яд концентрируется на ступеньки к ступеньке. Если в воздухе его содержится одна единица, то в травке — уже десять единиц. В молоке от коровы, которая ее ест, — сто единиц. В человеке, который это молоко пьет, — будет уже тысяча единиц яда. Вот почему контроль, мониторинг окружающей среды надо делать так, чтобы мы могли знать, что происходит с человеком в городе. Деньги, которые выделяются на это, мы и впредь пока собираемся тратить на контроль воды, воздуха, почвы... Это тоже необходимо, но при условии, что не забудем о главном — о человеке. Если мы не будем контролировать у людей — у детей в первую очередь — в крови, моче, слюне эти яды, то никогда не сдвинемся с мертвой точки. И никогда не ответим на вопрос, можно ли бегать в Москве? Одни по-прежнему будут говорить, что нельзя из-за выхлопных газов. Другие утверждать, что можно, ибо это снижает количество простудных заболеваний... Проблема будет растягиваться в разные стороны представителями различных установок, в том числе партий. А нужны объективные критерии и абсолютно четкие. Вот вам первые исполнители Программы оздоровления.

Вторая группа исполнителей — это специалисты, призванные определить контингент, с которым предстоит работать. 75% больных детей — больные поразному. И оставшиеся 25% тоже предстоит разделить на подготовленных и неподготовленных. Это задача диагностической службы. Назовем ее диагностической группой стартового состояния — ведь на дистанцию реабилитации человек выходит с какого-то старта. И вот, когда он уже выйдет на эту

дорогу, ему потребуются специалисты третьей группы — те самые, которых мы упоминали: физкультурники, бывшие спортсмены... Этих людей нужно привлекать непременно, но работать они должны только в контакте с медиками. Одни обучают людей методам восстановления с помощью физических

МОЖНО ЛИ «БЕГАТЬ ОТ ИН- ФАРКТА» ПО УЛИЦАМ МОСКВЫ?

упражнений. Другие контролируют ход восстановления.

И, наконец, четвертая группа исполнителей — группа информационного воздействия. На мой взгляд, самая важная. Сюда я отношу прессу, издание специальной литературы. Возможно, возникнет некая информационно-психологическая служба, в ведении которой будут брошюры, плакаты, реклама — как на цивилизованном Западе. Я, например, читал, что в Швеции во время антитабачной кампании наиболее эффективной оказалась маленькая брошюрка «Самый короткий путь к инфаркту», в которой просто перечислили, что нужно человеку сделать, чтобы как можно скорее заполучить инфаркт. И это оказалось много эффективнее привешенных предостережений — чего не надо делать, чтобы его не получить. Вот вам пример грамотного информационно-психологического воздействия. На Западе подобный опыт накоплен. И немалый. Не грех нам его позаимствовать.

Наше нездоровье сегодня отягощено и еще одним недугом — порождением самых последних лет. Имя ему — информационный невроз. Мы все переживаем сейчас страшные потрясения — все точки опоры, на которых мы воспитывались и формировались, из-под нас выбиты. Нам объяснили, что они были не настоящими, не истинными, даже вредными. И это обилие негативной информации, обрушившейся на нас, и без того в определенной степени дефективных, отнюдь нас не осчастли-

вило. Более того — придавило. Средний человек в подавляющем большинстве оказался буквально раздавленным. Так вот информационная психотерапия — позволю себе такое словосочетание — как раз и дело прессы, зрелищных мероприятий, о которых мы подробно говорили в прошлый раз. Их задача — подвинуть людей к здоровому образу жизни. Пусть простит мне читатель столь банальные слова, но других не подобрать. Здоровый образ жизни — это все: это наше отношение к еде, отношение друг к другу, это отношение к воздуху, которым мы дышим, отношение к спорту. Это, наконец, отношение к политике. Так вот сегодня сориентировать человека к здоровому образу жизни — это значит прежде всего снять информационный невроз, т. е. помочь человеку хотя бы там, где он отдыхает, не мучиться. Помочь людям, которые хотят реализовать себя, — не мучиться тоже, не уродовать себя. Словом, помочь всем нам вернуть наше утраченное здоровье.

Сегодня мы говорили о проблемах нашего очень нездорового большинства. Но хочу еще раз напомнить, что в этих заботах о его восстановлении и реабилитации нам ни в коем случае нельзя забывать о практически здоровом меньшинстве, которое тем не менее нуждается в дальнейшем совершен-

ЗДОРОВОЕ МЕНЬШИНСТВО НУЖДАЕТСЯ В ПОМОЩИ

ствовании. Мы все знаем из истории о страшной теории Гитлера — теория отбора, по которой право на жизнь давалось лишь здоровым и сильным. Но мы почему-то не говорили о не менее чудовищной практике антиотбора Сталина (лишенной даже бесчеловечной логики фашизма), когда уничтожалось самое здоровое, умное, светлое, талантливое... В итоге мы имеем сегодня это соотношение: 75 на 25. И нам надо очень крепко думать, как поначалу хотя бы удержать эти 25%, а затем по возможности их расширить... Об этом — при следующей встрече.

АТАКА С ФЛАНГА

В ходе развития тактики футбола, менявшихся периодически методов и средств борьбы менялся и облик игроков того или иного амплуа, и в том числе крайних защитников. Наиболее существенный фактор, влиявший на преобразование облика игроков обороны, связан с возраставшей степенью их активного участия в наступательных действиях своей команды. Такая дополнительная «нагрузка» к основным функциям возникла отнюдь не от «нехватки работы» в ходе пребывания в своей основной роли. Просто появилась тенденция, диктовавшая игрокам всех амплуа смысл всемерно увеличивать и разнообразить характер и долю своего активного участия в игре.

Универсализация игрового умения защитников, прежде всего крайних, была неизбежно связана с повышением их технико-тактического мастерства и физической подготовки. Особенно повысилась значимость их высокой функциональной подготовки, способности сохранять силы для ведения борьбы на протяжении всего матча. Еще бы! Выполняя много скоростных и силовых действий, нужно, затеяв наступление, отдаляющее тебя порой далеко от своих ворот, успеть к ним вернуться настолько быстро, насколько быстро развивается контрнаступление соперников. Техника и тактика защитника — совсем не та, которой оперируют нападение. Техника, например, отличается от техники разрушителя, тактика же связана не с умением разгадывать чужие ходы и прелятствовать их осуществлению, а с разработкой умных наступательных действий.

Если наступление крайнего защитника эффективно, то оправдывается определенная утрата его возможности своевременно возвращаться на те участки поля, где он должен выполнять свои основные функции (тем более если налажен метод взаимозаменяемости). Но какой смысл утрачивать условия для выполнения своих основных (сообразно игровому амплуа) задач, если он, берясь за «чужое» дело, лишь расписывается в том, что оно ему не «по зубам». Получается, что потеря от такой активности больше, чем приобретений. Потому на игру в современном широкомасштабном плане нужно нацеливать лишь тех край-

них защитников, о которых можно сказать, что они способны на эффективную активность в атаке. Ну а как быть тем командам, в рядах которых нет таких умельцев? Ответ напрашивается один. До тех пор, пока такие умельцы в команде не появятся, нужно поступиться масштабами применения модной нынче тактики привлекать крайних защитников для участия в наступательных действиях на больших пространствах футбольного поля. Нужно поощрять инициативу лишь тех, у кого это неплохо получается, памятуя, однако, о том, что это должно сочетаться с хорошо отработанной системой взаимопомощи и взаимозаменяемости.

Часто роль активных крайних защитников удается бывшим нападающим или полузащитникам, меняющим свое амплуа. В московском «Динамо» одно время левым защитником играл Валерий Зыков. Уловив моду наступать на чужие ворота, он делал это много и охотно, одолевал с мячом значительное пространство в направлении чужих ворот, выполняя по ходу дела обводку, финты, сложные развороты. Но когда дело доходило до концовки, он, как правило, допуская технико-тактический брак. Если бил по воротам, то мяч неизменно летел выше ворот. Когда же делал передачи, то, как правило, адресатами были чужие, а не свои игроки. Зыков был достаточно скоростным игроком, но и ему не удавалось вовремя возвращаться при срыве атаки до тех участков поля, где уже шла борьба за безопасность динамовских ворот, и его партнерам по обороне приходилось с разной степенью успеха играть и за себя, и за него.

Надо полагать, именно это побудило в дальнейшем меньше использовать Зыкова впереди.

На последнем чемпионате мира, да и в ходе других крупных международных и внутренних соревнований последних лет, мы видели, что проявление инициативы крайних защитников в наступательной игре начиналось еще вблизи своих ворот. В одних случаях они, овладев мячом, быстро находили партнеров и направляли им мяч. В других случаях их наступательная инициатива проявлялась своевременным скоростным выхо-

дом на свободное место (чаще всего в сторону фланга), чтобы получить мяч, пойманный вратарем или отобранный другими партнерами по обороне у соперников. Со следующих за этим передач или продвижений с мячом вперед, по сути дела, начинается переход команды из обороны в наступление, быстрота осуществления которого в современном футболе играет важную роль.

На том же чемпионате мира мы видели проявление крайними защитниками хорошего вкуса, точно решавшими, когда следует им продвигаться в ходе наступления с мячом, а когда без мяча. Без мяча, кстати, они видели смысл двигаться даже тогда, когда их команда наступала по противоположному от них флангу. Было немало примеров, когда посланный через всю ширину поля мяч доставался именно этим защитникам, благо фланг оказывался освобожденным от соперников, смещавшихся ближе к средней части поля.

Хорошо это делали защитники ФРГ, Англии, Италии, Бельгии, некоторых других команд. Когда игра ладится у киевских динамовцев и московских спартаковцев, то также можно увидеть образцы хорошей игры в этом плане — в Киеве это неплохо выполняли, когда были в хорошей форме, Демьяненко и Бессонов, в «Спартаке» заметен молодой Кульков. Высокая техника этих защитников определяла смысл таких длинных пробежек с мячом и без мяча в сторону чужих ворот, потому что их техническое оружие позволяло выполнять задуманное.

Вопрос о том, когда, где и как лучше наступать защитнику, владея мячом, а когда и как это лучше делать, продвигаясь в сторону чужих ворот без мяча, стóит того, чтобы на нем специально задержаться. Футбольная практика накопила много примеров, дающих право утверждать, что защитнику свое приближение к чужим воротам лучше осуществлять без мяча. Чем длиннее путь, тем больше шансов потерять мяч. А это значит, что потерявший его «отрезает» и себя, и ближайших партнеров от соперников, овладевающих при этом мячом. Оказавшись за спиной соперников, вся эта группа «содействует» отобравшим мяч получить на этом участке поля заметное численное преимущество и возможность быстро развить контрнаступательную комбинацию. Длительное продвижение защитника с мячом не оправдывает себя еще и потому, что, утомленный этим действием, он, приблизившись к чужим воротам, теряет свежесть, весьма нужную на участке поля, где особое значение приобретает точный пас, умение обвести соперника, сыграть в «стенку». А точность выполнения технических приемов, как известно, не «дружит» с утомлением. Следует еще учесть, что острота наступательных действий в футболе во многом определяется степенью их неожиданности для соперников. Потому реальную опасность своим включением в наступательные операции команды создают не те защитники, которые на глазах у всех

долго оперируют мячом, а те, которые умеют выскочить из «защасы».

Теперь об оборонительной деятельности крайних защитников современного образца. Очень важно учесть, что увеличивающаяся доля участия крайних защитников в наступательных действиях вовсе не подразумевает, что их задача всемерно бороться за безопасность своих ворот отодвигается на второй план. Более того, и в наше время подлинно классными защитниками признаются не те, которые наступательную активность проявляют за счет ослабления надежной игры в обороне, а как раз наоборот. В том и достоинство новаторов, что они умело делают и то, и другое. В этом их великое достижение. Оно значимо еще и тем, что они сумели учесть дух времени и превратиться из прежних узких специалистов если не в подлинных универсалов, то, по крайней мере, в игроков, многое умеющих в этом плане. Именно универсальное умение содействовало возможности привлекать всех полевых игроков к наступательной и оборонительной игре и возникновению условий для хорошо сбалансированной атаки и обороны.

Не открывая Америки, напомним, что средством надежной обороны всегда служили хороший выбор позиции в ходе наступления соперников, умелое сочетание опеки определенных игроков и, конечно, умение отбирать и перехватывать мячи. Все это остается в силе и сегодня. Но у крайних защитников в наши дни возникла проблема, которая ставит их в трудное положение.

Эта проблема связана с модной нынче тактикой наступать без «штатных» крайних нападающих. Раньше крайний защитник ясно знал свою главную задачу и, что называется, свой

маневр. Как бы активно ему ни доводилось играть в общем плане безопасности своих ворот, действуя с этой целью на разных участках поля, у него все же была и своя «печка», от которой он «танцевал». Этой «печкой» был тот самый «штатный» крайний нападающий. Нужно было лишь умелым сочетанием персональной опеки и позиционной игры противодействовать этому сопернику. Гораздо труднее стало играть в тактическом плане, когда на протяжении значительных периодов игры соперники стали оставлять фланг свободным. Если бы не увлечивалась в этом хитрость соперников (нечто вроде оперативной тактической стратегии), то чего бы проще защитнику. Оставляй фланг в покое, смещайся ближе к своим средним защитникам или игрокам средней линии, «держай» больше в наступательной игре — и пусть соперники больше заботятся о предоставленной ими тебе свободе, чем заботиться самому об исчезновении «печки», из-за которой нарушилось твое удобство «танцевать».

Но все оказалось сложнее. Затея преднамеренного освобождения фланга рассчитана соперниками на то, что удалится оттуда и «безработный» защитник и предоставит тем самым возможность затайникам уловки вводить туда своих игроков из разных линий. В этих условиях необходимо быстро «сообразить», когда оставлять фланг в покое и активизироваться для действий на других участках поля, а когда оставаться там, предугадывая замысел наступающей команды.

Отсутствие на протяжении значительных отрезков времени на флангах чужих игроков вроде бы подсказывает

защитникам, что можно предельно активизировать свою наступательную игру. И правильно поступают крайние защитники, пользуясь этой свободой и простором. Беда, однако, в том, что соперники научились при срыве атак, затеянных крайними защитниками, вернуть свое контрнаступление минуя до поры до времени фланг за их спиной, отвлекая и их и партнеров от заботы об этом свободном участке поля. Потому именно появление на нем одного из игроков контрнаступающей команды опережает чаще всего появление здесь обороняющихся и достаточно для возникновения острых атак.

В наше время точка зрения знаменитого советского тренера Б. А. Аркадьева о том, что игра защитников в тактическом плане более сложна, чем игра нападающих (поскольку они замышляют, а тем надо их замыслы разгадывать) приобретает особое звучание в связи с общей направленностью тактики на маневренную игру атакующих. Следует ли, однако, делать вывод, что опасение быть обманутым и не успеть вовремя оказаться на доверенной крайнему защитнику территории должно сковывать его наступательную инициативу или подсказывать ему необходимость делать это чрезмерно осторожно, если даже он неплохо преуспел в наступательной игре? На мой взгляд, нет. Уж если наступать, то без оглядки назад. Наступление без риска не стоит выведенного яйца. Но так обычно действуют защитники тех команд, которые убедились в способности своих партнеров по обороне умело сыграть и за себя, и за них.

Борис ЦИРИК,
заслуженный тренер РСФСР

Фото Александра ФЕДОРОВА

ВРАТАРИ И БОМБАРДИРЫ

ВИНОВАТ... РЕКОРД

Кроме многих интересных событий на чемпионате мира интриговала длинная «сухая» серия обороны сборной Италии и вратаря Вальтера Дзенги, которая с учетом товарищеских матчей была еще более внушительной. Серия росла вместе с ехидным вопросом: «Доколе?» Читай: добром не кончится — с намеком на рекорд Д. Дзоффа в 1972—1974 годах (1143 «сухих» минуты, 12 «сухих» матчей подряд с омовением в первой встрече финального турнира с последующим выбыванием после трех игр). У себя на родине такого «права» итальянцы не имели, но ведь и «на ноль» еще никто чемпионом мира не становился.

Нервы у Вальтера не выдержали в полуфинальном матче с аргентинцами, когда он позволил «украсть» верховой мяч невысокому, но шустрому Каниджи — 1:1. В послематчевой серии Дженга выглядел беспомощным, но рекордная «сухая» серия в матчах финальной стадии чемпионатов мира теперь принадлежит ему по любым системам подсчета — 516 минут (гол забит на 67-й минуте шестого матча).

А чьи же рекорды побил В. Дзенга, как последний оплот обороны? Если отсчет вести с начала каждого финального турнира, то лучшие показатели имели дебютанты этих этапов чемпионатов англичанин Г. Бэнкс в 1966 году —

441 минута (причем гол забит с пенальти, а с игры его распечатали лишь на 463-й минуте), бразильцы Р. Карлос (1986, 5-й матч) — 401, Жильмар (1958, 5) — 367 и Э. Леао (1974, 5) — 393. Следует вспомнить результат шведа Р. Хельстрема (1974, 4) — 311 во втором его чемпионате, а также немца Й. Майера (1978, 5) — 386 (в третьем).

Если за отсчет брать матч на любой стадии финала, то лучшие результаты имели: Э. Леао (1978, 4 «сухих» матча подряд) — 456, П. Шилтон (1982, 4 «сухих» матча до выбывания) — 426 и 336 (1986, 3), У. Филлол (1978, 3) — 374, Д. Дзофф (1978, 3) — 326, П. Лариос (1986, 3 до выбывания) 305. Но начало большим «сухим» сериям в 1934 году положил итальянец Д. Комби. Пропустив гол в середине первого тайма четвертьфинальной игры с испанцами (1:1), отстоял дополнительное время, повторный матч (1:0), полуфинальный матч (1:0), а в финале был «пробит» лишь на 71-й минуте — 351 минута.

Кстати, Дзенга показал лучший результат среди вратарей, игравших на всех этапах финальных турниров — 2 года в 7 матчах (5 «сухих»). Думаю, есть смысл коротко проанализировать заочное соревнование вратарей на всех турнирах.

В первых двух турнирах лучшие результаты были у чемпионов мира: 1930 год — уругваец Белестерос —

3:4=0,75 (2 «сухих» матча), 1934 — итальянец Комби — 3:5=0,60 (2). В 1938 году только чех Планичка пропускал меньше гола за игру в среднем — 1:2=0,50 (1). Вторым был чемпион Оливьери — 5:4=1,25.

В 1950 году лучшими были голкиперы двух лучших команд: уругваец Масполи — 3:3=1,00 (1) и бразилец Барбоса — 6:6=1,00 (2). Правда, у англичанина Уильямса результат еще лучше — 2:3=0,67 (1), но его команда «застряла» в групповом турнире. В турнире 1954 года лишь Беара (Югославия) пропускал в среднем по голу — 3:3=1,00 (1), но и его команда остановилась в четвертьфинале. Вторым был чемпион немец Турек — 6:5=1,20 (1). Только в двух последних матчах пропускал мячи чемпион бразилец Жильмар — 4:6=0,67 (4) в 1958 году. Следует отметить валлийца Келси — 4:5=0,80 (1), но в четвертьфинале гол Пеле закрыл дорогу в полуфинал островитянам. Также в четвертьфинале закончила путь команда ФРГ, у вратаря которых Фариана лучший результат — 2:4=0,50 (2). Вторым был уже двукратный чемпион Жильмар — 5:6=0,83 (2). В Англии в 1966 году первым был чемпион англичанин Бэнкс — 3:6=0,50 (4). Правда, «полгола» за игру имел аргентинец Рома в 4 матчах, но он дошел до четвертьфинала. В 1970 году эта участь ожидала команду Бэнкса — 1:3=0,34 (2), но в последнем матче он

сам не выступал из-за болезни. Второй результат у нашего Кавказшвили — 2:4=0,50 (2), но и мы остановились на том же. Любопытно, что чемпион Феликс показал лишь одиннадцатый (!) результат, но какие бразильцы имели нападению!

В групповом турнире закончил выступление шотландец Харви — 1:3=0,34 (2). Лучшими были вратари призеры: Йонгблад (Голландия) — 3:7=0,43 (5), Майер (ФРГ) — 4:7=0,57 (4), имеющий одинаковый результат с бразильцем Леао, поляк Томашевский — 5:7=0,71 (3). В 1978 году Леао по показателю — 3:7=0,43 (4) опередил чемпиона мира аргентинца Филлола — 4:7=0,56 (3). На своем уровне сыграли Томашевский (0,75), Майер (0,83), Дзофф (0,86). В 1982 году отлично начал турнир бельгиец Пфафф — 1:0=0,34 (2), но травмировался. Рекордный результат показал Шилтон 1:5=0,20, но в призеры англичане не попали. Далее идут Дасаев и Консилия — 4:5=0,80 (1 и 2 соответственно), Млынарчик 5:7=0,71 (4) и чемпион Дзофф — 6:7=0,82 (2). В 1986 году лучший показатель у бразильца Карлоса — 1:5=0,20, мексиканца Лариоса — 2:5=0,40 (3), но и их команды не стали призерами. У чемпиона Пумпидо — 5:7=0,70 (3) шестой показатель. Любопытно, что и у чемпиона 1990 года Иллгнера тоже — 5:7=0,70 (2), у финалиста Гойкозеча — 3:6=0,50 (3) — второй. Как видите, обычно чемпионы пропускают в меру, но не меньше всех. Нужно просто выигрывать главные матчи. Не обязательно «на ноль».

ЧЕМПИОНЫ МИРА

Вратари

1. П. Шилтон (Англия)	10:17	10	1982, 1986, 1990
2. Я. Йонгблад (Голландия)	9:12	8	1974, 1978
3. Э. Леван (Бразилия)	7:14	8	1974, 1978
4. Й. Майер (ФРГ)	19:18	8	1970, 1974, 1978
5. Жильмар (Бразилия)	12:14	7	1958, 1962, 1966
6. Г. Бэнкс (Англия)	4:9	6	1966, 1970
7. Й. Млынарчик (Польша)	12:11	6	1982, 1986
8. В. Дзенга (Италия)	2:7	5	1990
9. Я. Томашевский (Польша)	8:11	5	1974, 1978
10. Л. Мазуркевич (Уругвай)	16:13	5	1966, 1970, 1974
11. Х. Шумахер (ФРГ)	17:14	5	1982, 1986
12. Д. Дзофф (Италия)	16:17	5	1974, 1978, 1982
13. Р. Карлос (Бразилия)	1:5	4	1986
14. Н. Пумпидо (Аргентина)	6:9	4	1986, 1990
15. Э. Альбертози (Италия)	10:9	4	1966, 1970
16. Р. Дасаев (СССР)	11:9	4	1982, 1986, 1990
17. У. Филлол (Аргентина)	12:13	4	1974, 1978, 1982
18. Л. Яшин (СССР)	18:13	4	1958, 1962, 1966
19. П. Лариос (Мексика)	2:5	3	1986
20. А. Кавказшвили (СССР)	3:6	3	1966, 1970
21. Ж. Батс (Франция)	4:6	3	1986
22. А. Рома (Аргентина)	5:6	3	1962, 1966
23. Г. Тилковский (ФРГ)	6:6	3	1966
24. И. Кальдерон (Мексика)	7:6	3	1966, 1970
25. В. Шройф (Чехословакия)	7:6	3	1982
26. Т. Н. Коно (Камерун)	10:8	3	1982, 1990
27. Э. Масполи (Уругвай)	12:8	3	1950, 1954
28. Ф. Альвес (Уругвай)	13:8	3	1986, 1990
29. Р. Хельстрем (Швеция)	10:10	3	1970, 1974, 1978
30. Ф. Консилия (Австрия)	14:11	3	1978, 1982
31. К. Свенссон (Швеция)	22:11	3	1950, 1958

Пропущенные мячи: количество проведенных игр, матчи «на ноль», год проведения финального турнира.

«СКУПЫЕ РЫЦАРИ» АТАКИ

Давно подмечено, что тональность финальных турниров чемпионатов мира и Европы соответствует характеру внутреннего чемпионата страны-организатора. Поэтому предполагалась суперзвездная борьба с невысокой результативностью. Так в итоге и оказалось. Ведь большинство лидеров ведущих команд прошли (или проходят) «стажировку» в самом рациональном и практичном футболе.

Любопытно, что в первую восьмерку вошли самые результативные сборные, за исключением Аргентины и Ирландии, которые откровенную ограниченность в атаке компенсировали организацией обороны.

Увы, почти все известные бомбардиры разочаровали своей пассивностью в борьбе с массивной обороной. Уже после первого этапа выбрали из борьбы шотландец Джонстон — 9 мячей в чемпионатах мира (1 — в финальных турнирах), австриец А. Польстер — 6, наш О. Протасов — 9 (1), который лишь догнал наших лучших бомбардиров в этих соревнованиях В. Иванова — 9 (5) и О. Блохина — 8 (2). Следует отметить, что атаки Олег завершал в основном в падении после проходов почти от центра поля на пределе сил. Поэтому во втором тайме его трудно было узнать.

В одной восьмой финала пришла очередь для расставания с чемпионатом голландцам В. Кифту — 6 (1) и М. Ван Бастену — 2, румынам Г. Хаджи 5 и М. Лэкатушу — 2 (2), бельгийцам Я. Кулемансу — 9 (4) и М. Ван дер Линдену — 7, испанцам Э. Бутрагенью — 9 (5) и М. Мичелу — 9 (5), уругвайцу Р. Сосе — 5, а также бразильцу с итальянской пропиской А. Кареке 13 (7), который пал жертвой тактики «тройного коня» команды своего одноклубника аргентинца Д. Марадоны — 10 (17).

Правда, бразилец вошел в пятерку лучших бомбардиров чемпионатов мира среди футболистов Южной Америки: Пеле — 18 (12), Зико — 16 (5), Тостао — 13 (3), Т. Кубиллас — 13 (10).

Не добавили в свой актив голевой в четвертьфинале чехи М. Билек 6 (2) и «воздушный бомбардировщик» Т. Скухравы — 9 (5) — лучший «стрелок» всего цикла с далеким от рекордов Г. Мюллера — 19 (12) и Эусебио — 16 (9) результатом. Конечно, нельзя обойти стороной результаты новозеландцев С. Самнера — 15 (1) и Г. Тэрнера — 15 в чемпионате — 82, но та команда только приблизила их острова к земле Большого футбола. В следующем цикле они забили соответственно 3 и 2 мяча, а в финал не попали. После 1/8 уехали югославы Зл. Вуйович — 7 и Д. Стойкович — 4 (2). Чемоданное настроение камерунцев перед матчем с англичанами (2:3) позволило британским «львам» выцарапать «добычу» с помощью двух пенальти у африканских «собратьев». Самый искусный бомбардир на турнире Р. Милла к четырем мячам добавил два голевых реализованных момента. Два мяча с пенальти забил Г. Линекер, но...

Но надежде на острую борьбу за звание лучшего бомбардира турнира на завершающем этапе не суждено сбыться. Г. Линекер в полуфинале сравнял счет и довел до четырех число мячей — 15 (10)...

Будущие чемпионы мира Л. Маттеус — 4(8—5) и Р. Феллер — 3 (12—6) «ограничились» двухходовкой, приведшей к пенальти в финальном матче, оставив Марадоне и его товарищам шансы на упреки. Может, и хорошо, что пронирыливый Феллер не стал героем финала, а элегантный, знающий себе цену Маттеус не стал бить более чем спорный пенальти.

А вот идущий по пути наибольшего сопротивления, игнорирующий все, кроме цели, мобильный «таран» с задатками дриблера, хорошо играющий на добивание. С. Скиллачи забил с игры гол в полуфинале и реализовал пенальти в матче за третье место. С шестью мячами он завоевал приз «Лучшему бомбардиру». Следует заметить, что итальянец забивал в 6 из 7 проведенных матчей, причем в 5 подряд!

Вспомним, что по 6 результативных подряд матчей имели: Фонтен (1958 год, 13 мячей), Жаирзиньо (1970, 7), по 5: Эусебио (1966, 9) и Г. Мюллер (1970, 10). Думаю, что на стадионах США в 1994 году кто-нибудь забудет наконец-то более 6 мячей.

Прискорбно, что в начале чемпионата умер лучший бомбардир чемпионата 1938 года, который также проводился в Италии, — Олдржих Неудлы (5 мячей). Три мяча он провел в полуфинале в ворота сборной Германии (3:1). А всего их у него в чемпионатах мира — 9. 7 из них в финальных турнирах!

«КЛУБ ЕВРОПЕЙСКИХ БОМБАРДИРОВ»

Чемпионаты мира (1930—1990 гг.)

1. Г. Мюллер (ФРГ)	23—14
2. К.-Х. Руммениге (ФРГ)	22—9
3. Эусебио (Португалия)	21—9
4. М. Платини (Франция)	17—5
5. Л. Рива (Италия)	17—3
6. Ж. Фонтен (Франция)	16—13
7. П. Элькьяер (Дания)	16—4
8. И. Штрайх (ГДР)	16—2
9. Г. Линекер (Англия)	15—10
10. Г. Лято (Польша)	15—10
11. Й. Кранкль (Австрия)	15—5
12. В. Любански (Польша)	15—0
13. Ф. Бене (Венгрия)	14—4
14. К. Дейна (Польша)	14—4
15. У. Зеелер (ФРГ)	13—9
16. Й. Круифф (Голландия)	13—3
17. Р. Беттега (Италия)	13—2
18. Д. Шенгеллер (Венгрия)	12—7
19. М. Морлок (ФРГ)	12—6
20. Р. Феллер (ФРГ)	12—6
21. Х. Бонев (Болгария)	12—2
22. Ш. Кочичи (Венгрия)	11—11
23. У. Ранн (ФРГ)	11—10
24. Л. Тихи (Венгрия)	11—7
25. Э. Пробст (Австрия)	11—6
26. М. Галич (Югославия)	11—3
27. А. Шармах (Польша)	10—7
28. С. Бонек (Польша)	10—6
29. П. Литтбарски (ФРГ)	10—3
30. В. Шахнер (Австрия)	10—3
31. Т. Нилаши (Венгрия)	10—2
32. В. Смолярек (Польша)	10—2
33. Г. Аспарухов (Болгария)	10—1
34. А. Квашняк (Чехословакия)	10—0
35. П. Росси (Италия)	9—9

Первая цифра — количество мячей с учетом отборочных игр, вторая — только в финальном турнире.

Николай ЖИГУЛИН

И НЕМЦЫ ПРИЖИВАЮТСЯ В НБА

Владимир ГОМЕЛЬСКИЙ,
мастер спорта
международного класса

К экспорту американских баскетболистов и тренеров в различные страны мира все привыкли. Действительно, американские спортсмены в европейских клубных командах появились еще в самом начале 60-х годов. Достаточно вспомнить Клиффорда Лайка из мадридского «Реала», Роберта Айкена из миланского «Симменталья», за которыми последовали многие другие. Такой процесс вполне объясним. В сезоне 1959/60 г. в НБА было всего 8 команд, а в студенческом чемпионате NCAA во всех трех дивизионах принимало участие около пятисот колледжей и университетов. Сейчас в НБА 27 клубов, что означает приток от 50 до 70 новых игроков, а выпускников высших учебных заведений с достаточно высоким мастерством игры в баскетбол, как минимум, в 10 раз больше. Надо учесть и тот факт, что далеко не все из тех, кто не попал в команды НБА или их фармклубы в Континентальной Баскетбольной Ассоциации, могут работать по специальности, полученной в результате учебы. Так что существование международного рынка баскетболистов-профессионалов во многом решает проблемы трудоустройства выпускников американских вузов. По приблизительным подсчетам в клубных командах Европы, Латинской Америки, некоторых стран Азии и Австралии сейчас играют около 2500 баскетболистов из США. Можно говорить уже и о конкуренции между самыми богатыми итальянскими и испанскими клубами, с одной стороны, и клубами НБА, с другой. Так, например, осенью 1990 года руководство команды «Бостон Селтикс» ожидало решения международного суда в Гааге по поводу иска этого гранда американского профессионального баскетбола к итальянскому «Банко ди Рома», обвинив последний в переманивании игрока, уже давшего согласие на подписание контракта. Имя этого «яблока раздора» — Денни Ферри, а суть дела в сумме контрактов. «Бостон Селтикс» предлагал ему 1,4 млн долларов за два года, а итальянцы дали Ферри 10 млн долларов за 5 лет, которые к тому же не облага-

ются налогами. Это первый в истории случай, когда американец предпочел иностранный клуб команде НБА.

А вообще конкуренция на внутриамериканском баскетбольном рынке велика. Именно поэтому отношение самих американцев к баскетболистам-иностранцам, играющим в НБА, двоякое. С одной стороны, специалисты и тренеры считают, что в лиге должны играть сильнейшие баскетболисты мира, ведь недаром чемпион НБА носит титул чемпиона мира. Их зачастую поддерживают владельцы команд и генеральные менеджеры, которые не без основания считают, что появление в составе команды иностранного спортсмена может привлечь дополнительных зрителей на трибуну. С другой стороны, многие болельщики и часть баскетбольных обозревателей думают, что клубы НБА должны отдавать предпочтение американцам. Интересно, что на таких игроков, как нигериец Аким Оладжун или суданец Манута Бол, это мнение не распростра-

няется. Почему? Да потому, что эти игроки учились в американских университетах, практически научились играть в баскетбол в США и их иностранцами не считают.

Не считают чужаками и двоих из трех немцев, играющих в командах НБА. В 1981 году двое самых перспективных молодых игроков сборной команды ФРГ Детлеф Шрөмпф и Уве Блаб поехали получать образование, в том числе и баскетбольное, в США. Шрөмпф был признан лучшим нападающим юниорского чемпионата Европы того года, ему только исполнилось 18 лет, а рост уже был 203 см. Детлеф получил приглашение и спортивную стипендию университета имени Джорджа Вашингтона. Блаб, который ровно на год старше и на 15 сантиметров выше, был приглашен одним из самых известных тренеров студенческого баскетбола США — Бобби Найтом в команду Индианского университета. В студенческие годы Шрөмпф сразу обратил на себя внима-

ние успехами на баскетбольных площадках. Он был самым результативным игроком своей команды два сезона, являясь студентом 3-го и 4-го курсов. Кроме того, он успешно сыграл за свою национальную команду на чемпионатах Европы 1983 и 1985 годов. Поэтому никого не удивило решение генерального менеджера клуба «Даллас Мэверикс» и тренера команды Дика Мотты выбрать в драфте 1985 года Шремппа во втором круге. Следует добавить, что в 1985 году рост Детлефа был уже 208 см, а вес 97,5 кг. По своим физическим данным он вполне подходил на роль крайнего нападающего команды НБА.

Уве Блаб, напротив, в баскетбольном отношении прогрессирует медленно. Несмотря на свой высокий рост, ему так и не удалось стать основным центровым игроком своей университетской команды. Конечно, он многому научился у Найта, но сам тренер отмечал только его высокую игровую дисциплину и хорошую силовую подготовку. Зато успеваемость студента Блаба была выше всяких похвал. В американских университетах оценки не цифровые, а обозначаются буквами английского алфавита: Эй, Би, Си, Ди. Так вот Уве все четыре года был то, что называется, «Эй-студент» или по-нашему — отличник. Однако думаю, что в НБА он попал не за высокие отметки, а за свой высокий рост — 219 см и большую физическую силу. Он был выбран той же командой — «Мэверикс», что в переводе — кудесники, в третьем круге драфта того же 1985 года.

Дик Мотта тогда откровенно сказал, что для борьбы с самыми высокорослыми центровыми НБА, большинство из которых играло в той же Западной конференции, что и «Даллас», команде просто необходим был центровой с такими физическими данными, как у Блаба. Команда выбирала между Уве и выпускником университета Сент-Джонс — Биллом Уеннингтоном. Чашу весов в пользу немца склонили пять лишних сантиметров роста и почти 12 килограммов веса (сейчас вес Уве — 117 кг).

Первый сезон в НБА эти немцы провели неравноценно. И дело даже не в статистических показателях, а в том, что к концу сезона Шремпп все наращивал свое игровое время, превратившись из четвертого по счету нападающего команды в игрока весьма важного амплуа — универсала, который по обстоятельствам может играть как на позиции нападающего, так и атакующего защитника. Подобные игроки в большой цене из-за своей редкости. К радости тренера выяснилось, что у Шремппа хорошо поставлен дальний бросок. Уже в первом своем сезоне Детлеф показал лучший процент попадания трехочковых бросков в своей команде — 42,9%. Его игровое время в том сезоне соответствовало результативности — 15,2 минуты и 6,2 очка за игру.

В октябре 1990 года Детлеф Шремпп начал свой шестой сезон в профессиональном баскетболе и по-прежнему в составе команды «Даллас». 21

января 1991 года ему исполнилось 28 лет. Набран столь необходимый для успешного выступления в марафонской дистанции чемпионата НБА опыт. Появление Шремппа в стартовом составе команды редкость, но вот уже третий год подряд его имя находится в списке соискателей приза, вручаемого лучшему игроку лиги, выходящему на замену (так называемый «Приз лучшему шестому игроку»). Его роль в общем сценарии командной игры далласцев весьма значительна — выход Детлефа на площадку означает усиление огневой мощи со средних и дальних дистанций, улучшение игры в позиционном нападении.

Думаю, интересно узнать и о росте его зарплаты: если первый свой контракт он подписал на сумму 215 тысяч долларов за год, что было значительно ниже средней заработной платы в НБА, то сейчас у Шремппа подписан трехлетний контракт, по которому он получает более 400 тысяч долларов за сезон. Хочу еще сказать о том, что вот уже три года подряд Детлеф является соискателем приза для лучшего снайпера трехочковых бросков в НБА. Такие соревнования проводятся в феврале перед матчем всех звезд НБА. Кстати, именно Шремпп выбыл из этих соревнований нашего Римаса Куртийтиса в 1989 году на стадии четвертьфиналов.

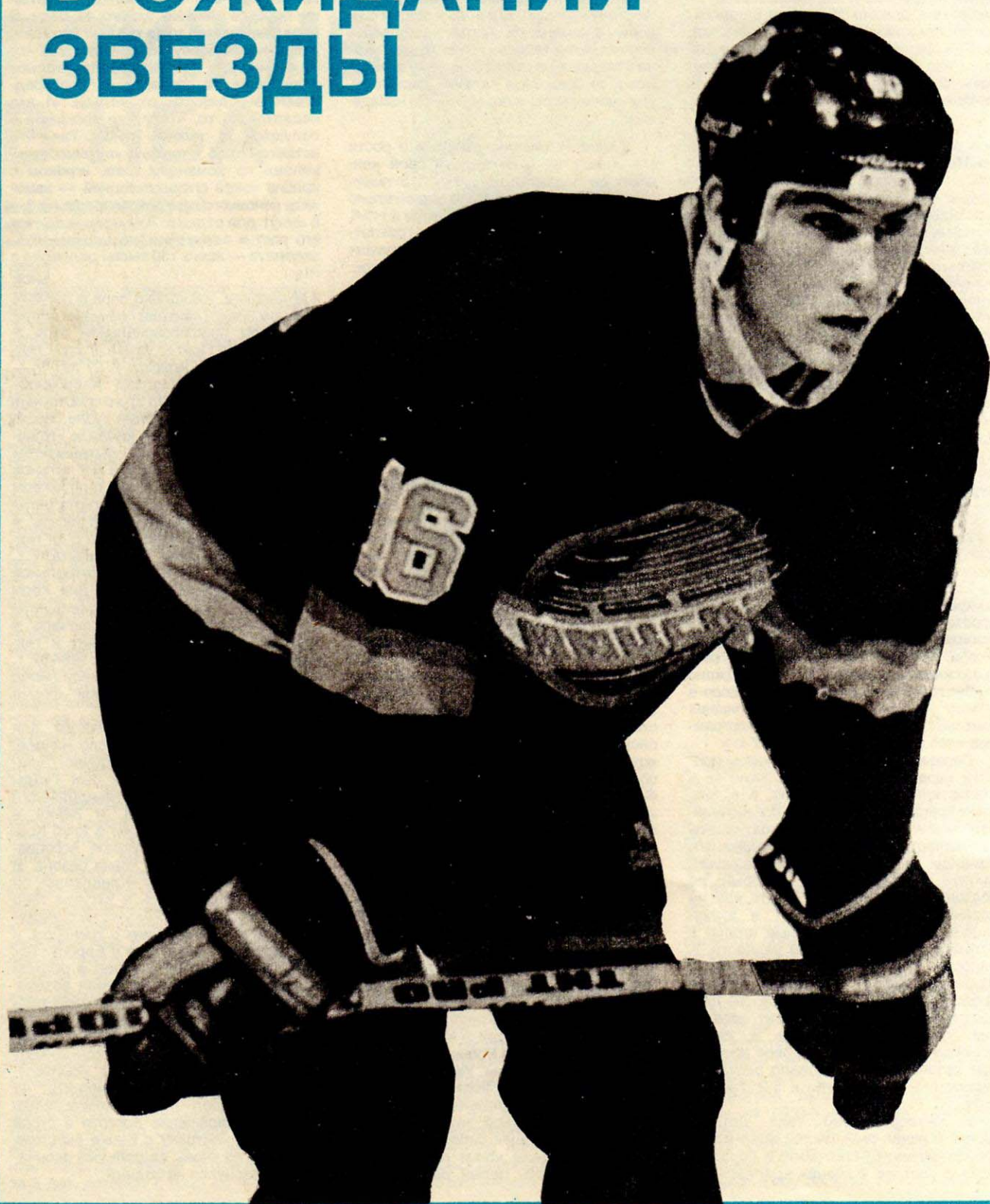
Судьба Уве Блаба в НБА сложилась по-другому. Он тоже начал свой шестой сезон, но уже в четвертом по счету клубе. Сейчас Блаб играет вместе с нашим Шарунасом Марчюленисом в команде «Голден Стейт Уорриорс» в Сан-Франциско. Ни в Далласе, ни в клубе «Финикс Санз», ни в Сан-Франциско баскетбольные таланты этого гиганта не нашли признания. И дело не в отсутствии старательности и прилежания, с этим как раз все в порядке, а в том, что к центровым игрокам в США подходят с самыми высокими мерками. Фраза, утверждающая, что хороший центр — это половина команды, действительно наполнена глубоким смыслом. Центр — это и стержень обороны, который, прекрасно читая игру, успеет подстраховать партнеров, и зачинатель быстрого отрыва команды, своим первым пасом после подбора мяча отправляющий товарищей по команде к щиту соперника, и результативнейший игрок команды, постоянно угрожающий кольцу противника в позиционном нападении. Перечисляя все эти качества центрального игрока, я не рисую воображаемую картину. В истории НБА были центровые-эталоны, на чьей игре можно и нужно учиться. Это в первую очередь Билл Рассел, Уилт Чемберлен, Карим Абдул-Джаббар. Есть такие игроки и сейчас. Чаще других в ряду великих упоминаются имена Патрика Юинга, Акима Оладжюона, Дэвида Робинсона. Так вот по сравнению с ними Уве Блаб игрок весьма заурядного класса. Его прекрасные физические данные до сих пор позволяют надеяться, что он сможет стать доминирующей силой хотя бы на каком-либо одном конце площадки. У него сейчас есть целый ряд положи-

тельных качеств, но недостатков намного больше. Например, Блаб очень неплохо защищается лично против игроков таранного типа, таких, как Патрик Юинг, однако полностью теряется, когда ему надо уходить от своего щита в поле за таким центром, как Билл Лэмбиер из «Детройта». Блаб почти не подстраховывает своих партнеров, во всяком случае, количество накрытых им бросков меньше одного за матч. В нападении у него тоже хватает проблем, связанных в первую очередь с тем, что он очень мало и плохо предлагает себя товарищам по команде в непосредственной близости от кольца. И это несмотря на то, что у Уве прекрасный полукрюк с правой руки. Так что остается Блаб типичным «путешественником» по командам лиги, игроком с крайне узкой специализацией — заменить основного центрального клуба на 3—5 минут для отдыха. Тренерам нравятся его рост и невысокая, по меркам НБА, зарплата — всего 150 тысяч долларов в год.

И наконец, несколько слов о последнем представителе Германии в американском профессиональном баскетболе. Его имя Гюнтер Бенке. Рост — 226 см, вес — 105 кг, возраст — 27 лет. Тренер команды «Кливленд Кавалиэрс» Ленни Уилкенс увидел этого спортсмена летом 1986 года во время турне своего клуба по Европе. В той команде «Кливленда» самым высоким и опытным центровым был Мелвин Тёрпин (26 лет, 211 см), на подходе был игрок с потенциалом суперзвезды — Бред Догерти (1965 г. р., 214 см). И тренер решил рискнуть, пригласив в свой клуб игрока с фантастическими данными, но без опыта игры в США и без стабильной баскетбольной школы. Помощник Уилкенса Дик Хелм занимался с Гюнтером по индивидуальной программе, которая включала в себя и физическую подготовку и технику игры, однако в сезоне 1986/87 г. Бенке так ни разу и не появился перед зрителями в оранжево-белой форме «Кавалиэрс».

Следующий сезон окончился для Бенке через 14 матчей после начала. Команда стартовала неудачно, владельцы клуба — отец и сын Гунды потребовали от тренера немедленного исправления положения, и Бенке в результате был отправлен в клуб Континентальной Баскетбольной Ассоциации, где и доиграл до конца сезона. В тренировочный лагерь «Кливленда» он был приглашен теперь в августе 1988 года, но, видимо, что-то уже не складывалось в его отношениях с тренером, и Гюнтер решил вернуться в Европу. Тот сезон он прекрасно отыграл в родном Бремерхафене. Он и не думал возвращаться в США, когда осенью 1989 года руководство «Кавалиэрс» вновь вспомнило о нем в связи с травмой Догерти. Так Бенке вновь сыграл несколько матчей в НБА. Причем слово «сыграл», наверное, необходимо заменить на слово «просидел» — на скамейке запасных. По возвращении Догерти в строй временный контракт с Бенке был прекращен, и он вновь, видимо уже окончательно, вернулся на родину.

ВАНКУВЕР В ОЖИДАНИИ ЗВЕЗДЫ

Внешностью и манерой поведения кандидат № 2 драфта НХЛ 1988 года 20-летний форвард «Ванкувер Кэнакс» Тревор Линден (он родился 11 апреля 1970 г.) многим напоминает известного актера Гари Кулера. Стройный, крепкий парень всегда с аккуратной, без вызова стрижкой, уверенной прямой походкой, ведет себя скромно, но с достоинством, чем еще более походит на классического героя американского вестерна. Во времена, когда страницы североамериканских спортивных газет пестрят заголовками о брачных неурядицах, дисквалификациях, связанных с употреблением наркотиков и стимуляторов, многомиллионных контрактах и баталиях самолюбивых звезд, Линден со своей скромностью и простодушием как бы является отдушиной для уставших от скандалов болельщиков.

Тревор — средний сын в семье Линденов, представителей средних классов уютного городка Медисин-Хат в провинции Альберта, куда дед Тревора Ник Линден, в прошлом достаточно известный конькобежец из Голландии, переехал, открыв строительный бизнес. Фамилия Линден происходит от сокращения голландской аристократической фамилии Ван дер Линден.

Когда «Ванкувер Кэнакс» выбрали нападающего клуба «Медисин-Хат Тайгерз» Тревора Линдена в качестве второго кандидата в НХЛ драфта 1988 года, президент и главный менеджер «Кэнакс» Пэт Куинн назвал Тревора «гордым западным канадцем». Линден действительно чем-то напоминает незаатливый край степей и холмов, в котором вырос. Он очень трудолюбив, предан хоккею и команде и пока совершенно бескорыстен.

Не успев переступить порог НХЛ, Линден сразу удивил деловых людей профессионального хоккея Северной Америки — он появился на летних сборах «Ванкувер Кэнакс», не имея контракта («Кэнакс» обеспечил ему лишь страховой полис), попросив лишь разрешения опоздать на один день, чтобы помочь отцу на семейной скотоводческой ферме, расположенной в пригороде Медисин-Хата.

«В детстве я мечтал играть в Национальной хоккейной лиге, а не подписать контракт с НХЛ» — со свойственной ему простотой прокомментировал это событие Линден. Некоторые жаждущие скандальных историй журналисты расценили эту фразу как выпад против «соперника Линдена» Майка Модано, который был выбран клубом «Миннесота Норт Старз» как кандидат № 1 драфта НХЛ 1988 г. А затем вернулся в свою юниорскую команду «Принс Алберт Рэйдерз» из-за того, что не смог прийти к соглашению с руководством «Миннесоты» относительно условий контракта, подписанного лишь в середине сезона.

«Бесплатное выступление Линдена в составе «Кэнакс» может показаться некоторым людям хитростью или глупостью с его стороны, — сказал Бэрри Мелроуз, бывший тренер Тревора в Медисин-Хат, — однако это не глупость и не позерство, просто это Тревор, какой он есть».

«Я не осуждаю Майка, но сам никогда не смог бы поступить так же, — отвечал назойливым журналистам Тревор Линден. — «Ванкувер» — команда, которой была очень нужна помощь. Я чувствовал себя обязанным помочь клубу».

На сборах Линден превзошел все ожидания специалистов, и 5 октября, за день до начала основного сезона 1988/89 г., с ним был подписан 4-летний контракт на 700 тыс. американских долларов плюс 150 тыс. долларов премиальных. Тревор помог «Кэнакс» в том сезоне улучшить свое положение в турнирной таблице чемпионата НХЛ на 15 очков и выйти в розыгрыш Кубка Стэнли после двухлетнего перерыва. В свой первый сезон в качестве профессионала Линден забросил 30 шайб, сделал 29 голевых передач и набрал 59 очков по системе «гол+пас» в 80 матчах чемпионата НХЛ. Это достижение Линден добавил к двум кубкам «Мемориал Кап», завоеванным в составе «Медисин-Хатс Тайгерз» и золотой медали на молодежном чемпионате мира 1988 г. в Москве.

Когда «Миннесота Норт Старз» в июне 1988 г. во время драфта предложили Майка Модано в качестве кандидата № 1 Тревору Линдену, их основным доводом был тот, что Модано превосходит Линдена по качествам форварда. Это следовало из их результатов по итогам предыдущего сезона: Модано забросил 47 шайб, сделал 80 голевых передач и набрал 127 очков в 65 матчах в составе «Принс Алберт Рэйдерз», в то время как Линден забросил 46 шайб, сделал 64 голевые передачи и набрал 110 очков в 67 встречах «Медисин-Хат Тайгерз» в сезоне 1987/88 г.

Однако, когда «Кэнакс» впервые после драфта-88 играли в «Мет Сентер» — «резиденции» клуба «Миннесота» в начале ноября, они проиграли 6:7, но при этом Линден забросил 3 шайбы и сделал 1 голевую передачу.

«Это прекрасный хоккеист, на котором можно строить игру команды», — отметил после этого матча тренер «Норт Старз» Пьер Паже, добавив, что «выбор между этими молодыми форвардами мог быть другим, будь уже в июне 1988 г. «у власти» «Миннесоты» администрация Паже и генерального менеджера Джека Феррейры».

Однако со стороны Линдена этот успех не был похож на месть. Наоборот, он отнесся к нему достаточно самокритично. «Если бы я смог сделать больше, мы, возможно, выиграли бы эту встречу», — сказал он.

При всем этом руководство «Кэнакс» считает, что прекрасные атакующие навыки Линдена являются лишь дополнением к его другим важным качествам — лидерским способностям, большой самоотдаче, дисциплинированности и — что может быть наиболее важным, — преданности команде. Линден уже не раз вступал в спор с игроками и даже ветеранами «Ванкувера», критикующими тренера клуба Боба Маккэммона. «Я считаю, что это наше общее дело, но что-то изменять в

системе клуба не входит в функции игроков команды», — говорит он.

По отношению к игре, работоспособности и самоотдаче многие сравнивают Тревора Линдена с двумя самыми трудолюбивыми «пахарями» за всю историю НХЛ — Стэнлом Смилом и Бобби Кларком. В знак уважения к Бобби Кларку Тревор взял себе его номер 16, под которым знаменитый Кларк выступал в «Филадельфии».

В феврале 1989 г. обилие травм среди хоккеистов «Ванкувера» вынудило тренера Маккэммона перевести Линдена с правого фланга на место центрфорварда. И после первого же матча на этой игровой позиции Тревор был назван лучшим игроком встречи. Теперь он постоянно выступает в качестве центрального нападающего.

Считая, что достижения Тревора должны быть непременно отмечены руководителями НХЛ, «Кэнакс» два года назад начали активную кампанию по выдвижению Линдена в качестве претендента на получение приза Колдера («Колдер Трофи»), предназначенного лучшему новичку сезона НХЛ. Профессионально сделанные видеопленки, значки «Я голосую за Тревора Линдена — лучшего новичка 1989 г.», вырезки из печатных публикаций, а также другие материалы были разосланы видным хоккейным обозревателям, от мнения которых во многом зависит получение этого приза. «Удивительно, если Тревор не получит этого приза, — сказал журналистам директор по хоккейным операциям «Ванкувера» Брайен Бурк. — Он единственный молодой игрок НХЛ, который умеет эффективно действовать во всех трех зонах площадки».

Спортивная пресса Северной Америки мгновенно критически отреагировала на такую активность «Кэнакс», к тому же на получение этого приза уже были намечены два кандидата — новички «Нью-Йорк Рейнджерс» Брайен Литч и Тони Грэнато.

Тревор Линден в том случае поступил с присущим ему миролюбием и бескорыстием, понимая администрацию своего клуба, единственного в НХЛ, не имевшего ни одного индивидуального приза или игрока, избранного в сборную «Всех звезд» лиги.

«Я очень ценю усилия нашего клуба, но все же Литч больше достоин «Приза Колдера», — без ложной скромности сказал Линден, чем невольно еще больше поднял свой авторитет.

Мнение о Линдене как о будущей звезде НХЛ еще больше укрепилось после прошлого сезона. И хотя статистические показатели — в 73 матчах он забросил 21 шайбу и сделал 30 результативных передач — не были столь уж впечатляющими, но тем не менее Тревор стал третьим по результативности в «Ванкувере». И в ряде встреч показывал просто превосходную игру. Так что «Ванкувер» вправе рассчитывать на то, что вскоре в рядах команды появится настоящий лидер.

Александр КУЗНЕЦОВ
(по материалам канадской печати)

В. КОЛОСКОВ. Начало: плюсы и минусы	1
Л. РЕЙЗЕР. «Спартак» — не торговый дом!»	4
В. ПАХОМОВ. Доза точности, доза откровенности	6
С. ЧЕРЧЕСОВ. «И никогда никому не завидовал...»	8
С. МИКУЛИК. Последний защитник	10
В. МЕЛЬНИКОВ. Здоровые люди в меньшинстве	13
А. КОЖУХОВ. Обновление	15
Теннис. Выпуск 2	16
А. ДМИТРИЕВА, Ш. ТАПИЩЕВ. Новые точки отсчета	16
Е. ЕРМИШКИНА-ЗИКМУНД. Козерог — знак успеха?	20
Н. БЫКАНОВА. Впервые первый	1 вкл.
Л. САВЧЕНКО. Цель — не миллион	21
Б. БЕККЕР. «Я жажду жизни»	24
Теннисный телеграф	26
В. БУРЕ. Династия	27
Б. ЦИРИК. Атака с фланга	32
Н. ЖИГУЛИН. Вратари и бомбардиры	34
В. ГОМЕЛЬСКИЙ. И немцы приживаются в НБА	36
А. КУЗНЕЦОВ. Ванкувер в ожидании звезды	38

На обложках

Лариса Савченко в нашем теннисе — фигура неоднозначная. Возможно, понять ее поможет наша рубрика «Интервью для откровений»

Фото Леонида ЗИНКЕВИЧА

И городкам все возрасты покорны...

Фото Андрея ГОЛОВАНОВА

429 (март)

Главный редактор
Д. Л. РЫЖКОВ

Сдано в набор 20.12.90.
Подписано в печать 11.02.91.
84 × 108^{1/16}.
Глубокая печать.
Усл. печ. л. 4,3 + 0,42 вкл.
Уч.-изд. л. 8,09.
Усл. кр.-отт. 10,92.
Тираж 80 000 экз.
Зак. 1880. Цена номера:
по подписке — 80 коп.
в рознице — 1 руб

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
СПОРТИВНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Редакционная коллегия:
А. А. ГОРБУНОВ
Ю. В. КОРОЛЕВ
Ю. С. ЛУКАШИН
В. Г. ПОДГОРНОВ
В. А. ПРАВДИН
Н. П. СИМОНЯН
Л. И. ФИЛАТОВ

Адрес редакции:
101421, ГСП, Москва, К-6,
Калаяевская ул., 27
Телефон: 258-06-56

Основан в июне 1955 года

Орган
Государственного
комитета СССР
по физической
культуре и спорту

Технический редактор
Р. Р. Баруцци

Ордена Трудового
Красного Знамени
Тверской
полиграфический комбинат
Государственного
комитета СССР
по печати
170024, г. Тверь,
пр. Ленина, 5

Москва
Ордена Почета
издательство
«Физкультура и спорт»

Оформление
Ю. А. Ильичева

© «Физкультура и спорт»
Спортивные игры 1991 г.

Мы, конечно, не можем настаивать на том, чтобы Вы подписывались на наш журнал, но советуем, тем не менее, сделать это, поскольку лучше получить его дома, чем пытаться найти в киосках.

Если Вы выпишете «Спортивные игры», то у Вас будет больше свободного времени для того, чтобы прочесть в пред-олимпийском году, как готовятся к Барселоне-92 советские футболисты и баскетболисты, волейболисты и гандболисты, какие планы перед Зимней Олимпиадой у сборной СССР по хоккею.

Только в нашем журнале — подробности с чемпионата мира по хоккею, розыгрыша Кубка Канады, других крупных турниров; встречи с Никитой Симоняном, Геннадием Еврюжихиным и многими-многими другими спортсменами и тренерами.

Уважаемые читатели! В случае обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться по адресу: 170024, Тверь, пр. Ленина, 5. Полиграфкомбинат.

«СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ», ГОД 1956-Й

«На игровом поле института занимаются слушатели школы тренеров. Среди них известные футболисты — заслуженные мастера спорта Л. Соловьев, Н. Деметьев, В. Карцев, В. Демин, В. Панфилов, М. Антонец и другие.

Преподавателя на поле нет, ничьих команд не слышно. Но футболисты дружно, как по команде, делают одно упражнение за другим... У зрителя складывается впечатление, что кто-то невидимый управляет всей группой. И это действительно так: преподаватель дает указания по радио, и, хотя он говорит обычным, негромким голосом, его прекрасно слышат все игроки — каждый игрок снабжен портативным радиоприемником». («Радиосвязь на поле», А. Мелихов, № 1).

«Так, корреспондент французской газеты «Экип» Жан Корню пишет о матче Бразилия — Италия:

«Хотя матч был интересным, но ни та, ни другая команда не показали нам командами мирового класса. В особенности это относится к бразильцам. Они не были способны организовать прочную защиту. Неважно, что правый защитник Д. Сантос имеет № 4, центр защиты носит № 2, а на спине у правого полузащитника Зозима красуется № 5. Дело в том, что в действиях защитников не было системы. Все они отличные, техничные игроки, превосходно умеют отбирать мяч, но у них отсутствует чувство солидарности, без которого оборона не может быть эффективной. В опасные для своих ворот моменты они применяют рискованные приемы, которые, несмотря на внешний эффект, не могут привести к добру». («Разведка боем», В. Селихов, № 5).

«Венгерские тренеры под руководством Иштвана Чакниади проделали интересный опыт. Они решили узнать, сколько времени футболист владеет мячом во время игры. Исследования, проведенные ими, показали, что за полтора часа матча мяч находится в распоряжении футболиста лишь очень малое время. Так, спортсмен высокого класса за всю игру встречается с мячом в среднем 66 раз и владеет им в общей сложности 1 минуту 48 секунд. Лучший венгерский футболист Ференц Пушкаш в одном из матчей обладал мячом 74 раза, а по суммарному времени — немногим более двух минут». («Дорожи мячом в игре!», А. Френкин, № 6).

«Наши игроки научились более метко бросать мяч по корзине, в частности со средних и длинных дистанций. В предварительных играх (чемпионата

Европы) 31 бросок (из 69) со средних и дальних дистанций достиг цели, в полуфинальных играх было 19 попаданий из 29 таких бросков. Лучше стали выполняться и штрафные броски. За все игры чемпионата заброшено в корзины соперниц 205 мячей из 305.

В игре нашей команды имеются и существенные недостатки. Прежде всего слаба результативность центральных игроков. Отса, Максимальнова и Костикова за 8 игр в сумме дали команде всего 186 очков (Отса — 72, Максимальнова — 87, Костикова — 27). В то же время центральной игроком команды Чехословакии Губалкова одна принесла своей команде 225 очков». («Победа, добытая в борьбе с сильнейшими», В. Костин, № 7).

«Битва гигантов» — так шутливо

окрестили зрители встречу команд Латвии и Казахстана. В этом матче соперничали Увайс Ахтаев (2 м 32 см) и Янис Круминьш (2 м 18 см). По сравнению с ними рослый латыш Янис Остроухс (1 м 95 см) кажется совсем маленьким». («Мастера и резервы», И. Преображенский, Т. Зельдович, М. Заславский, № 9).

«И еще один враг, на первых порах подчас незаметный, подстерегает наших хоккеистов — усложненность из-за явной переоценки своего мастерства. Более того, нередки случаи, когда молодые спортсмены, удачно сыграв в одном-двух матчах, начинают требовать какого-то особенного подхода к себе, поправок, привилегий. Именно так, неправильно, начали вести себя Копылов (ЦСК МО), Пряжников («Крылья Советов»), Никифоров (московское «Динамо»). Мы назвали фамилии игроков ведущих коллективов. Там особенно нелепо и смешно зазнаваться молодежи, играющей рядом с опытными мастерами, чемпионами Олимпийских игр, мира и Европы. Но еще больше молодых зазнаек в других командах, где не создается обстановка нетерпимости вокруг хоккеистов, «подающих надежды» и на этом основании проявляющих кичливость». («Нужен откровенный разговор». А. Тарасов, № 11).

Фото из архива. Международный матч хоккеистов на московском катке в Сокольниках между польской командой ЦВКС и советской командой ЦСК МО. Один из лучших наших защитников — Н. Сологубов (слева) в борьбе за шайбу с нападающим поляков

Фото М. БОТАШЕВА

Индекс 70875
Цена номера:
по подписке — 80 коп.
в рознице — 1 руб.

**В АПРЕЛЬСКОМ
НОМЕРЕ**

ФУТБОЛ

**Тренерский крен
в сторону бизнеса**

ХОККЕЙ

**Вячеслав Фетисов:
«...Авдееву в Союзе
равных не было»**

**Валерий Каменский —
набросок с натуры**

БАСКЕТБОЛ

**Некогда
красивый фасад
и... подгнившие
перекрытия**

